

Сафарли Эльчин
Мне тебя обещали : роман

Моему родному Чингизу.
Спасибо за твою временами неодобрительную улыбку и за то, что ты всегда рядом.

С благодарностью Оле Ткачевой.
Ты делаешь меня лучше, солнце.

Когда хочется уйти от того, что причиняет боль, кажется, будет легче, если повторишь вспять уже раз пройденную дорогу.
Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Часть I
От тебя...

Величайшее несчастье — быть счастливым в прошлом.
Боэций

1

В моей жизни давно не случилось ничего примечательного. Сплошные повторы изо дня в день. Вплоть до мелочей. Адская трель будильника, который так и подмывает выбросить с балкона. Не решаюсь — он подарен ею, на Хэллоуин. «Страшнее презента не придумаешь, дорогой! В магазине сказали, что его звонок разбудит даже мертвого». Холодные тапочки, которые оказываются где угодно, только не у кровати. Всегда хочу плюнуть и не искать их, но ступить босиком на ледяной пол ванной — это похуже любого будильника. Поэтому первые десять минут после пробуждения уходят на поиски шлепанцев. Обычно они оказываются в разных неожиданных местах, как будто я застал их за игрой в прятки.

Потом быстрый душ с закрытыми глазами, нездоровый завтрак — растворимый кофе (лень заваривать), лицемерное «Доброе утро!» от излишне любопытной соседки (ей дай волю, она и под кровать ко мне заглянет) и быстрые шаги в сторону метро. Ничего примечательного. Заурядный день обычного человека. Таких, как я, миллионы. Особенно в больших городах. И исчезновение одного из нас пройдет незамеченным. Я из-за этого не переживаю. Абсолютно. Только временами задумываюсь, когда вижу в утренней давке вагона мужчин моложе меня. В них еще есть энтузиазм, глядишь, некоторые даже улыбаются. Скоро они станут похожими на меня, а я стану похожим на тех, кто уже не живет. Доживает. Я пока еще барахтаюсь. Если задумываюсь о чем-то, значит, жив. Но до поры сплошных рефлексов и атрофированных чувств осталось мало. И я обязательно дойду до окончательной точки разложения, если не... Какая дурацкая ирония: когда зависит от нас мало, наши планы и надежды все чаще начинаются с беспомощного «если».

А ведь еще каких-то восемь месяцев назад было все иначе. Была Венеция и сплетение рук в ускользающих тенях Сан-Марко. Было лето и волнистые страницы любимых книг — мы их перечитывали на пляже, а с волос капала соленая вода. Были волшебные вечера на кухне за кружкой чая и солнечные мысли, посещающие просто

так. Я не романтик, хотя, признаюсь, когда-то был им. Просто оживляю себя воспоминаниями, чтобы счетчики окончательно не обнулились. Каждый забывается по-разному. Кто-то ищет спасения в водке, кто-то в иллюзиях, кто-то — в прошлом. Если я ищу спасения, значит, я еще верю? Или это всего лишь обезболивающее на время?

Во мне нет злости. Вместо нее раздражение. На самого себя. Раздражение совершенно необъяснимое, ну, как когда разглядываешь отражение в зеркале и понимаешь: что-то не так, а что именно — не знаешь. Все не так. И это не заниженная самооценка или приступ самокритичности. Снова странное чувство, словно вот-вот разорвутся важные нити, а я не могу ничего поделать.

После работы, по пятницам, сотрудники приглашают культурно провести время. Сходить в прокуренное заведение на противоположной улице. Там водянистое пиво, невкусная закуска и официантки слишком доступные. Бери не хочу. «Не хочу. В другой раз, мужики». Я уже давно не объясняю причину отказа, надеюсь, скоро они вообще перестанут звать. Мне тоскливо от повторов в жизни, не хочу, чтобы они были связаны даже с походами в пивнушку. Как-то совсем унижительно это. Тем более и компания никакая (последовательность их разговоров знаю наизусть), и пиво посредственное (если верить меню, немецкое, разливное), и печальный вид официанток (у них глаза, как проселочные дороги осенью) наводит на мысли о безнадежности существования.

Я не знаю, что будет дальше. Наверняка не окажусь в тюрьме за убийство самого себя. Наверняка не лишусь работы из-за нахлынувшего кризиса — я проверенный и исполнительный сотрудник, с недавних пор не амбициозный, не жду прибавки к зарплате или повышения. Наверняка не женюсь, не заведу собаку. Нет сил на совершение выбора. Тем более правильного выбора в реальности не существует — есть только сделанный выбор и его последствия. Наверняка я буду так же, как сегодня, возвращаться ближе к девяти с работы, вдыхать одинокий воздух пустой квартиры, варить макароны на ужин, есть за телевизором и вырубаться после обильной мастурбации. Пустые слова, что это не жизнь. Это жизнь, нелюбимая и одинокая жизнь, в которой каждый новый день — вчерашний.

2

Передо мной сидит Фернандо. Весь такой довольный, элегантно одетый, с развязанным галстуком. Его штанины задрались вверх, обнажив смуглые ноги с темной порослью. У него хорошее настроение, у меня — не очень. Два часа назад Фернандо позвонил и сказал, что заедет ко мне с бутылкой французского коньяка. Он называет это «Выпьем, поболтаем. Давно не виделись».

Мы вместе учились в школе, вместе стали мужиками. Однажды в восьмом классе наскребли денег, пошли к шикарной проститутке с псевдонимом Мишель. Она жила недалеко от Центральной площади в маленькой квартирке, где было много красного и пахло сладкими духами. У Мишель была сочная грудь и невероятно пухлые губы. Для нас, смущенных девственников, было огромным везением переспать с такой женщиной, причем двоим одновременно.

На самом деле он не итальянец и зовут его гораздо банальнее. Фернандо — кличка со старших классов, когда наш светлый одноклассник в расцвете подросткового возраста посмуглел, потемнел, стал походить на типичного итальянца. Девкам это нравилось, у пацанов, естественно, вызывало зависть. Фернандо пришлось отложить Сэлинджера в сторону и научиться драться. Дрались мы вместе — и в школе, и по жизни — до тех пор, пока Фернандо не женился. На богатой девушке арабского происхождения. Он говорил, что по любви, я не очень верил, но молчал.

Сейчас у моего друга есть семейный очаг, покорная жена, две очаровательные дочери, секс раз в неделю, квартира в десяти минутах от набережной и покровительство тестя. Фернандо доволен, я опять-таки не очень верю, но молчу. Пропустив по стаканчику, обсуждаем свои жизни, каждый старается зацепить другого побольнее. Не то чтобы мы, как два петуха, хвастаемся богатством своих курятников. Но неизменно говорим о преимуществах друг перед другом, корректно называя их «плюсами». Это спорт. Своеобразная дуэль между мужчинами.

Дочери — главная победа в жизни Фернандо. «Каждый мужик рано или поздно задумывается о смысле жизни.

Ну сколько можно работать, бухать, трахаться и херней маяться? Мои дочки и есть тот смысл, который мне был нужен, хотя ты знаешь, как я боялся заводить семью. Не представляю, как люди живут без детей. Когда не спотыкаешься об игрушки ночью и никто не несетя на твоё «Эй, кто есть дома?». Да, старик, ты можешь назвать меня сентиментальным мудаком, но это чушь, что семья для мужика — тяжкие оковы. Мне хорошо! Конечно, от жены периодически устаю, но любовь детей компенсирует многое, если не все».

Я молчу. То, что мне хотелось сказать Фернандо о свободе — главном плюсе моей жизни, уже кажется бессмысленным. Вряд ли в свободе больше смысла, чем в детях. И ведь наверняка Фернандо повторит слова, которые я не раз слышал: мол, жалобы большинства мужчин на одиночество — рядовое кокетство, им нравится жить в преодолении, считать, что размеренная семейная жизнь ведет к хандре и импотенции.

Подливаю коньяк в бокалы, отправляюсь искать лимон в надежде поменять тему беседы. Я люблю Фернандо. Близкий мне человек. Давно не ценю его за что-то, он просто свой. Но даже перед ним прячу собственную уязвимость. Веду себя самоуверенно, ненароком обсуждая то, что внутри отзывается болью. Каким бы ты мужиком ни был, иногда твоя противотанковая броня покрывается ржавчиной. И хочется кусочка безвозмездного тепла. Но все привыкли к тому, что ты вот такой вот железный парень. И никому в голову не закрадется мысль о том, что тебе так мало надо.

Выхожу проводить Фернандо, заодно подышать воздухом. Ночной город. В легком тумане размывается свет улиц — так видит фонари близорукий или плачущий человек. Или горемыка без перспектив. Итальянец изрядно выпил, говорит слишком громко. Загружаю его в такси, называю адрес, плачу. Возвращаюсь обратно, подняв воротник пиджака. В памяти всплывают слова Фернандо: «Я все время ждал, что вот-вот появится именно та, что станет моей судьбой. Как в книжках. Так редко кому-то везет. Лично мне не повезло... Брат, не ставь высокую планку в личной жизни. Наши половинки — это еще и плод наших усилий. Возможно слепить то, что хотелось. Не сразу, конечно. Со временем. Мы, мужики, чаще всего сами виноваты в своем одиночестве, подсознательно выбирая свободу».

3

«Вы неважно выглядите. Может, съездите куда-нибудь, отдохнете? Смените обстановку». Если она не заткнется, я убью ее. «С ванной закончили?» — перебиваю ее, ухожу в прихожую, вытягиваю портмоне из кармана куртки. Быстрее бы ушла. Возвращаюсь с купюрами в руках. «Да-да, все... Мне неудобно брать всю сумму, у вас всегда чисто, давайте половину». Она смотрит на меня жалостливым взглядом, будто я инвалид или умалишенный, за которым надо присматривать. Я держу деньги перед ее лицом, делая вид, что не слышал: «Всего хорошего. На следующей неделе в это же время».

Опустив глаза, кивает, берет деньги, торопливо одевается. Худенькая. Плащ цвета топленого молока, коричневые ботиночки, шерстяная беретка. Рядом с сумкой три тяжелых пакета, видимо, шла сюда с рынка. Рыжая убирается у меня второй год. Раз в неделю, по пятницам. Ее мне посоветовала консьержка: «Приличная женщина, чистая на руку, одна дочь растит». Обычно с Рыжей не встречаюсь, приходит в мое отсутствие (ключи оставляю у консьержки). Вторую пятницу возвращаюсь домой раньше обычного, сталкиваюсь с Рыжей.

Она стала неприятна мне. Может, из-за того, что Рыжая — свидетель моего потерянного прошлого, где не было пустоты, ускользающих призраков, где были двое? Не знаю. Думаю, все дело во взгляде. Нервирует, унижает, сама того не замечая. В нем жалость. Такая чистая человеческая жалость, без ухмылок, притворства. С толикой родного, материнского. Я и этого не хочу. Жалость разрушает все то, что сам преодолел внутри себя. Глупая. Пытается со мной заговорить, проявить участие. Еще не хватало, чтобы по голове погладила, к груди прижала со словами «и это пройдет».

В прошлый раз принесла кусок пирога, печенье. Наверное, увидела, что на кухне шаром покати, пожалела. Я потихоньку вынес ее подарки во двор, скормил голубям. Не люблю выпечку. С детства. Давно бы избавился и от Рыжей — но жаль ее, в деньгах нуждается. Она чересчур скромно одевается, и вид уставший. Сержусь на себя, но отвечаю жалостью на жалость. Убирает она хорошо, особо не любопытничает, только вот сегодня ляпнула, мол, хреново выглядишь, чувак. Меня так и раздирало от желания наругать. Сдержался. Эй, она ни в

чем не виновата. Это твоя боль и не имеет к ней никакого отношения.

Однажды я чуть не переспал с Рыжей. Лето было, праздничные выходные. Я в шортах лежу на диване, тупо уставившись в телевизор. Она, в тонком платьице, моет окно. Вижу, как пот стекает меж ее маленьких, крепких грудей. Замечаю, как она смотрит на мои плечи, ноги. В пространстве начала нарастать горячая волна, притягивающая нас друг к другу, хотя, уверен, для нее это неожиданность, да и она не в моем вкусе. Обычная похоть, ничего больше. Я напрягся, посмотрел на нее. Она — на меня. Тряпка выпала из ослабевшей руки Рыжей в ведро. Только прикоснулся к ней, как зазвонил телефон за каким-то лешим. И все мгновенно исчезло. Это было один раз и больше не повторялось.

Не люблю я эту квартиру. В ее стенах так много всего и одновременно так пусто. Лишь по кровати, душевой, туалету, кухонной раковине и холодильнику можно определить, что здесь кто-то живет. Все остальное — мертвая зона. Нетронутая, ледяная, хоть дом и обогревается. Засыпаю в иллюзии того, что файлы с прошлым заблокированы. Хотя мысли, великие предатели, до сих пор берут начало из событий того времени.

Нахожу полотенце, чтобы принять душ. Запиликал мобильный. Сообщение от Фернандо: «Старик, я больше не могу с ней». Мы любим тешиться иллюзиями. Ну давай поднимем свои задницы и пошлем куда подальше иллюзии, которыми разрисовали свои жизни! Хватит проводить время с мужчинами и женщинами, которых мы не любили и никогда не полюбим. Одиночество смеется над теми, кто прячется от него в иллюзиях. Все равно вернемся к нему рано или поздно, разочарованные до последней капли крови.

Я стою под упругими струями и мысленно горячо убеждаю Фернандо и самого себя. В отношениях с людьми мы любим раздавать роли. Требовать актеров строго следовать нашей трактовке. И сами при этом играем самозабвенно. Потом кто-то рано или поздно захочет хотя бы часок побыть собой, а не персонажем. И в этот миг все развалится.

4

Моя семья считает меня сумасшедшим. Не впускаю их в свою жизнь, держу дистанцию. В отличие от старших братьев я не посещаю семейные мероприятия и пока не женюсь, хотя мне скоро тридцать два. Еще я читаю «шибко заумные книги», не люблю мамины пироги, не созваниваюсь с родственниками и делаю вид, что не замечаю их, встречая на улице. У каждого представителя родни свой диагноз касательно меня. Для матери я — «хороший парень, но дурной на голову». Для отца — «выродок», «не сын» и вообще «черт знает что». Братья, обвинив меня прежде в гомосексуализме, наркозависимости и педофилии, остановились на «зажравшемся тихушнике». Продолжение следует.

Я не обижаюсь, не злюсь. Мы разные, как жители разных планет. Через мать (она периодически проведывает меня) прошу их оставить меня в покое. Мы с матерью похожи. Внешне. Те же карие глаза, мясистый нос, крупные пальцы. И это сходство усугубляется по мере того, как становлюсь старше. Она не замечает, я — да. Странные ощущения возникают, когда видишь, что ты похож на чужого человека. Я пытаюсь найти те самые нефизические узы, которые должны связывать ребенка с матерью. Их нет, кроме воспоминаний. Грустных.

Помню день, когда братья отравили Джеси, моего пуделя. Не просто собаку. Единственного друга. Она защищала меня, придавая уверенности, говорила со мной, спала в моих ногах, мирно посапывая, словно напоминала «малыш, я здесь, рядом». Братья ненавидели Джеси: «Он нас позорит такой девчачьей собакой». Однажды я пришел со школы, а она меня не встречает. Захожу в комнату. Джеси лежит под кроватью, смотрит на меня с тревогой, волнением, будто понимает, что вотвот умрет и оставит меня одного. Я бегу к матери со слезами на глазах. Она на кухне, в фартуке с оранжевыми розами, довольная и суетливая. Опять чертовы пироги печет. «Мам, что с Джеси?!» Ее руки в муке. Месит тесто, что-то напевая под нос. «Мам, мам...» Она не слышит, не хочет слышать. «Вы с ней что-то сделали. Я знаю, знаю!» Вдруг она повернулась ко мне, посмотрела холодным взглядом. «Уходи, надоел ты мне».

Я хватаю Джеси, а из пасти кровь течет. Бегу к автобусной остановке. На улице мороз, гололедица, транспорт ходит с опозданием. Я плачу, подбегаю к проезжающим машинам: «Помогите, пожалуйста. Моя собака

умирает». Притормозила зеленая легковушка. Мужик с густыми усами, лицо врезалось в память: «Садись, парень». Джеси умерла у меня на руках, когда мы стояли на светофоре. Шофер все же настоял, чтобы мы доехали до ветеринара: «Собаку, похоже, отравили». Помню тот холод в ногах и рисунок кафельного пола ветлечебницы.

Я ни с кем не говорю о своем детстве. Детские чувства всегда смешны, если они попадают в руки чужого. Завтра у моего отца день рождения. Вроде бы даже юбилей. Не буду звонить, не смогу. Что бы я ему сказал? Пожелал душевного равновесия? Смирения? Понимания? Мы даже не можем выслушать друг друга. Отец так и не простил мне, что я не поступил в военную академию, как он хотел. За меня это сделали братья. Сейчас они оба без работы, а я помогаю им и родителям. Моя совесть при каждом порыве забыть их гулко наставляет: «Уж лучше совершить тяжелых сто грехов, чем, став ослушником, родителя обидеть и не прийти к нему в тяжелый час на зов». Это из серии внутренних истин, что сидят глубоко-глубоко. Всплывают именно в тот момент, когда меньше всего желаешь их вспоминать.

Вчера в метро услышал разговор двух пожилых женщин. Одна говорила другой: «Странно, почему людей оплакивают, когда они умирают, а детей не оплакивают, когда они вырастают. Ведь этого милого ребенка уже не будет, когда он вырастет». Я разозлился. Хотел вмешаться в их беседу. Хотел закричать, что тот ребенок, стоящий на кафельном полу ветлечебницы, все еще во мне. Изменилась лишь телесная оболочка. В остальном тот же страх разомкнуть крепко сжатые теплые руки и чувствовать, как они холодеют.

5

Мы потрахались, я заплатил, всего хорошего. Но она не уходит. «Мало?» — «У проститутки такое не спрашивают. Нам всегда мало». Хохочет, поправляя бретельки черного лифчика. Растянутый, с вульгарными золотистыми кружевами. У нее неважная грудь, но отличная задница, что, по сути, и требовалось. Я люблю анальный секс. «Сухомятку», если говорить на языке Эмили. Она так представилась. Мне плевать, как ее зовут, как она добралась, что испытывает. Оплата по тарифу «ол инклюдед».

Мне нужно ее тело, и мне не важно, стонет она от удовольствия или от боли. Вхожу в нее быстро, грубо. Эмили поворачивается ко мне, в глазах раздражение, которое прячет за натянутой улыбкой. «Осторожней, дорогой, не так быстро». Хватаю ее за затылок, с силой нагибаю ниже. Глубже. Набираю темп. Никаких смазок, ласк, прелюдий. Она раком, не вижу ее лица, глаз — так удобнее. Эмили капризничает: «Полегче, больно ведь». Я не хочу думать о том, кто что чувствует. Отключаюсь от всего за свои же деньги. Эмили вырывается, ласково и учтиво, как избалованная кошка. Придавливаю ее к спинке кровати. Клиент всегда прав. Кончаю. Мне хорошо. Теперь проваливай.

Я на кухне с открытыми окнами, за ними — продрогший город. Грустит, кашляет. Большой город, в котором твои мечты сбываются у кого-то другого. Пусть. Давно не мечтаю. Я просто делаю шаги. То назад, то вперед. Живу здесь очень много лет. Когда что-то у тебя так долго, мысли о любви или нелюбви не приходят в голову, это уже часть тебя. Хотя даже не часть, часть ты чувствуешь, а вот твой город просто бежит по венам вместе с кровью, и ты о нем даже не думаешь. Ты им живешь.

Чайник закипел, заливаю пакетик в кружке. У многих после секса — сигарета, у меня — чай. Не очень крепкий. Без ничего. Я уже не помню о той, что одевается в комнате. Ее звали Эмили или Малена? Нет, Малена из фильма, вокруг нее Италия, да и сама героиня вне конкуренции. И вообще, какие могут быть параллели между этими ситуациями? Малена — не шлюха. Там, в кино, история о том, что зависть не умеет прощать, а здесь, в реальности, оптимистичная репетиция смерти.

Эмили появляется неожиданно, неслышными шагами. Смотрит на меня потухшим взглядом. Теперь передо мной поношенная женщина, а не бойкое создание в скандальном статусе проститутки. Ухмыляется. Значит, гонораром довольна. «Можно чаю?» Садится на табуретку. Ссутулилась. Косметика размазана по лицу. Ну чем не голая драма жизни? Какие уж там Италия, Малена, достоинство наперекор зависти и прочий кинематографический попкорн.

Сейчас сделаю первый глоток чая и выпровожу ее. «Хочешь, чтобы я убралась? Не парься, грузить не стану». Эй, совесть, заткнись, слышишь, заткнись! Не заводи песню о тяжелой доле потаскух. И почему-то в этот миг я вспоминаю о ней, частичке утраченного прошлого, и понимаю, что где-то внутри у меня еще есть горячие волны сочувствия, заботы и понимания. Мне просто не повезло: пролетело мимо, оставив следы воспоминаний. «Да нет. Сиди». Эмили протягивает руку, берет кружку с моим чаем, делает первый глоток, который должен был сделать я.

«Что-нибудь покрепче есть?» — «Нет». Не поднимая глаз, заправляет волосы за ухо. «Ты не подумай ничего лишнего. Кое-что спрошу и уйду... Я имею право любить?» Она сказала «имею право любить», а не «имею право на любовь». Вот где истинное бескорыстие: когда ты любишь, в себе, безмолвно, не задавая вопросов, не надеясь на ответ. Вот в чем главное преимущество женщины. Я скатываюсь в свою потаенную сентиментальность и уже совсем не чувствую раздражения. Она кажется мне не хуже любой другой девушки, может, ей просто тоже не везло. Прихожу в себя — а ее нет. Усталой девушки с сайта интимных услуг. Я не успел ответить. «Конечно».

Ставлю кружку с чаем в раковину, иду в душ. Хочу смыть мысли об ушедшей гостье. Пусть лучше она останется обычной шлюшкой, ничего особенного. И стонет фальшиво, и лобок побрит паршиво. Еще и философию развела за мои же деньги. Хрен с ней. Завтра много работы. Спать.

6

— Почему ты так себя изводишь?

Яна встает со своего раскладного стульчика, подходит ко мне. Крепкое жилистое тело, на плечах пигментные пятна. У нее тяжелая походка — по-мужски широко расставляет ноги. Одна рука на поясе, другой крутит желтый свисток. Он контрастирует с темно-синим цветом ее спортивного костюма.

— Нельзя так, слышишь? Что стряслось?

Промокаю полотенцем мокрое лицо, смотрю на обложку книги, оставленную ею на стуле. «На маяк» Вирджинии Вульф. Неудивительный выбор. Яна — лесбиянка. Она говорит, что стала ею после того, как разочаровалась в мужчинах. «Ты не обижайся, но мужики — скоты. У них мозги либо ниже пояса, либо их вообще нет».

Я не обижаюсь, я и сам от мужчин не в восторге. Муж Яны бросил ее, когда узнал, что у их сына определили синдром Дауна. «Представляешь, и он сказал, мол, прости, так дальше продолжаться не может, мне на ребенка тяжело смотреть. Я собрала вещи, сына, уехала к подруге в тот же день. Мы вышли из квартиры, он спокойно запер дверь. Будто почтальона проводил».

Она одна воспитывает Дениса. По утрам работает продавщицей, по вечерам тренером по плаванию. Учит мужчин держаться на воде. В нашем клубе Яна считается лучшим преподавателем. Не зря, двукратный чемпион России по плаванию. «Долгое время еще я ненавидела мужиков. А потом поняла — зря. Нельзя всех под одну гребенку, неправильно. Вот я и научилась жить за себя, а не за кого-то».

Я тоже хочу жить за себя, не за кого-то. Придумать себе офигенный смысл жизни и верить в него по собственному желанию. Пока я верю в то, что есть сейчас. В пространство, ощущение, в котором нахожусь на данный момент. Каждое утро открываю окно и заполняю себя новым днем. Таким, какой он есть. Когда-то в детстве мой дедушка, отстреливая воробьев с отяжелевших крон дерева хурмы, говорил мне: «Малыш, без умения обладать временем невозможно владеть собой». Я тогда не понимал этих слов, но почему-то запомнил их, вызубрил назубок. Понадобились. Дедушка прожил достойную жизнь — войну прошел, детей вырастил, не одно дерево посадил. Его единственный внук не сделал ничего подобного. Стоп. Я оттрахал немало телок, это считается? Иногда лучше не знать, чем все закончится.

А поэтому мне нужно научиться жить так, чтобы все проходило не мимо, а через меня. Прощаюсь с Яной. Она шлепает меня по заднице. Интересно, делают ли лесбиянки минет?

Я бы дольше находился под водой, будь у меня здоровые легкие, не прокуренные. Здесь пространство расширяется. Куда-то выплываешь из своей памяти, и в сознании все сложнее восстановить персональные приметы. Однажды вечером я пришел в бассейн выпивший. Решил свести счеты с жизнью. Нырнул, осмотрелся вокруг, увидел ее. Она сидела в углу бассейна — бледная, грустная, обнаженная. Крепко прижимая колени к груди. Пару минут мы держались друг за друга взглядами, а потом она сказала: «Можно как-то иначе, но я делаю так, потому что так могу дольше быть рядом с тобой». Опустила глаза.

Я испугался, что, потеряв ее взгляд, потеряю и ее. Двинулся к ней, попытался что-то прокричать. Начал захлебываться, потом вода вокруг окрасилась в черный цвет. Меня спасла Яна. Открыв глаза, я спросил у нее: «Зачем?» Она ответила почти шепотом, а не привычным басом: «Так будет разумнее». С тех пор я соблюдаю эту чертову разумность. С удовольствием послал бы ее, но понимаю, что сейчас это тот самый барьер, сдерживающий внутреннее безумие. Часто мне хочется верить, что я нахожусь на последней стадии выздоровления, когда критическое восприятие реальности берет верх над ностальгией, воспоминаниями.

Я плаваю два раза в неделю, мое утро начинается со стакана теплой воды с медом, я ем салаты из проросшей пшеницы, пользуюсь презервативами, чищу зубы три раза на день. Покорить вершину одиночества — значит примириться с великой иллюзией правильности своего пути. Не исключено, что тебе вдруг захочется дожить эту жизнь здоровым, и доживать ее подольше, ограничиваясь любыми собственными мотивами. Это все-таки лучше, чем вернуться домой и вместо того, чтобы съесть что-нибудь легкое на ужин, думать, какое же ты дерьмо и как ты никому не нужен.

7

Отари, как фокусник, держит за уши белого зайца с красными глазами, товар демонстрирует, мол, побалуйте себя свежей крольчатинкой, только кивните, и я мигом разделаюсь с заветной тушкой. «Я их кабачками подкармливаю. От них мясо делается особенно мягким и сочным. Ну же, берите!» У Отари седые бакенбарды, хищные глаза. Он мечтает умереть в одной из глухих деревушек Ливана, где провел одно лето из своего детства. Там не смотрят телевизор, не пользуются мобильными телефонами. «Почему именно там?» — «Там я в первый раз влюбился». А еще Отари всегда глубокомысленно отвечает на вопрос «как поживаете?». Например, откладывает в сторону газету и с театральной мимикой отвечает: «И на безрыбье — жопа соловей!»

Я молча протягиваю ему деньги, забираю кролика. Он был последний в коробке, наверняка его сегодня зарезали бы. Пара грязных банкнот — цена одной жизни. Да, это всего лишь кролик, но даже в их, казалось бы, обреченных жизнях участвует судьба. Из коробки с дюжиной ушастых братьев выжил только тот, что сейчас дрожит в моей плетеной сумке. Почему я его выкупил? Чтобы оправдать свое отчаяние? Каждая проходящая минута — это уходящий шанс изменить многое, если не все. Но всегда легче что-либо поменять в чужой жизни, не в своей. Я и не стремлюсь быть счастливым, предпочитаю просто жить. Высокие планки чаще всего темные приманки.

Мы идем с кроликом домой, он пригрелся у меня под боком. Уже не дрожит. Во дворе молодая соседка-американка Джулия гуляет с маленькой дочерью. Они въезжали в наш дом в тот день, когда ко мне переезжала она. Мы долго в приступе взаимной вежливости уступали друг другу грузовой лифт. В итоге он никому не достался — что-то замкнуло, отключили свет. А мы еще два часа сидели в фойе подъезда на чемоданах и ящиках, болтали и даже заказали пиццу из ближайшего ресторанчика.

«Джулия, простите, когда у вашей дочери день рождения?» — «О, в эту среду! Завтра будем печь абрикосовый кейк, заходите в гости». — «Постараюсь. А можно я заранее преподнесу ей подарок?» Я приоткрываю свою корзинку, и они обе охают. Ошалевший от новых впечатлений кролик быстро успокаивается в объятиях кучерявой малышки... Сегодня вечером оттепель и грязь со снегом, но запах такой свежий, весенний. Я, кажется, даже почувствовал аромат жасмина, это было так непривычно, что я остановился и пару минут вертел головой.

Иногда кажется, что я совсем ничего не достиг. Что упущений и потерь было больше, чем достижений и побед. Это чувство настолько отвратительно, что я старательно избегаю любого на него намека. Не брать в

голову — незачем подпускать его так близко. Я понимаю, что прячу голову в песок, обманываю самого себя, и в этом есть что-то патологическое. Мне вообще сложнее оглянуться назад, чем смотреть вперед. В конце концов, не знать, что тебя ждет, — самый что ни на есть концентрированный кайф. Единственный способ узнать — попробовать. В таких мыслях я нахожу временное успокоение.

Захожу в лифт и чувствую запах кролика. Как он на новом месте? А меня ждут безмолвный дом, горячий душ, сигарета на пустой кухне, где из звуков только дыхание и шум закипающего чайника. Порой кажется, что он — единственное существо, которое чувствует меня таким, какой я есть, тогда как каждый видит таким, каким кажусь.

В жизни люди периодически рассыпаются на кусочки, а потом собираются, и получается новая картинка. Не знаю, какая я картинка, — я все время по кусочкам. Иногда они крупнее, и тогда я чувствую себя лучше, и кажется, что вот-вот наступит какое-то гармоничное благоразумие. А иногда они такие мелкие, что я вообще не понимаю, что делать с этими крошками. Изматывает. Мне хотелось бы выпрямить спину, не горбиться — так бы жить всегда. Но вечером я возвращаюсь домой, понимаю, что не нашел ответов за день, и снова рассыпаюсь. Жизнь враспынную. Вплоть до финального свистка.

8

У меня мертвая сперма. Врач-андролог азиатского происхождения хладнокровно произнес: «Диагноз — некроспермия», и мне почему-то резко захотелось какао. Не пил его с детства. В школе готовили совсем невкусное какао, я воротил нос и брал чай. Но именно сейчас мне до непрекращающегося озноба хочется того самого невкусного какао. Горечь правды?..

Девяносто четыре процента неподвижных сперматозоидов, от оставшихся шести ни одна женщина не забеременеет. Во всяком случае, без медицинского вмешательства. «Воспаления на данный момент у вас нет. Это болезнь генетического характера или от сильного стресса. От вас беременели женщины?» И я вспоминаю нас в бризе утраченного майского утра. Я проснулся от пристального взгляда. Приподнявшись на локте, она смотрела на меня с бесконечным ощущением жизни. В комнате пахло хвоей, остатками теплого рассвета. «У нас будет ребенок».

Я спросонья не сразу понял всей сути ее слов. На мгновение мне в порыве чего-то неожиданно-ненастного захотелось убежать подальше. Сдержался. И с окаменелостью острой паники внутри, пробурчал: «Это хорошо». Она рассмеялась, укрылась мятой простыней. «Не волнуйся, я от тебя ничего не требую». Притянул ее к себе. «А я — требую». Черт, это было так недавно и одновременно давно. Я не хочу, чтобы ты имела какую-нибудь форму, была именно тем, что начинается до воспоминания.

Выбегаю из кабинета. Здесь пахнет васоби и истребленными японскими дельфинами. Бегу быстро, без оглядки, люди и предметы сливаются в спектр. Немаленькая сумма за плохую новость. Или хорошую? На моем продолжении поставлена точка. Никаких многоточий. Это возмездие времени. За то, что я не остановил отчаяние той женщины с грудным ребенком на перроне. Она убила себя и свою частичку в двух шагах от меня. Мне стоило только протянуть руку.

Виктория открывает дверь с хмурым лицом. Вся такая мягкая, сонная. Даже красивая. «Какого черта ты приперся в такую рань? Суббота ведь!» Из-под сиреневого халатика выглядывает белоснежная грудь с выпуклыми розовыми сосками. Захожу в ее маленькую квартиру. Здесь пахнет кошками и цветочными духами. Калякималяки, головоноги на обоях прихожей. В доме есть ребенок? «Тебе кофе сделать?» Она всегда пьет кофе по утрам и после секса. Виктория — не молоденькая, но молодится. Около тридцатишести–тридцативосьми лет. Живет с сестрой, работает менеджером по продажам в нашей конторе. Забавная бабца. Трахается отлично, лишних вопросов не задает. Когда-то она мне нравилась, сейчас — ненавижу. Такой тихой ненавистью, когда хочешь сделать больно даже на расстоянии.

Хватаю ее за талию, с силой бросаю на кровать. Задираю халат, раздвигаю ее ноги и впиваюсь ртом в вагину. Сухую и такую же сонную, как ее хозяйка. Вокруг нее отросшие волоски, колются. И я колжусь своей трехдневной щетиной. Чем больше Виктория брыкается, тем сильнее твердеет мой член. «Сумасшедший,

отстань...» Злось. «Ты же хотела от меня ребенка, да? Хотела?» — «Проваливай, скотина!»

...В прошлую нашу встречу Виктория посоветовала мне сдать анализ на бесплодие. В шутку? «Мы который раз без презерватива, а я не беременею. Сходила к врачу, она говорит, здорова. Малыш, твоя сперма что-то шалит». Блин, тяжелый случай, пора сваливать. «Ты хочешь от меня ребенка?» Виктория распоряжается своим будущим, как товаром нашей компании. «А чем ты плох? Симпатяга, книжки читаешь. В моем возрасте выбирать не приходится». Я не знаю почему, но спустя неделю я дрович на потрепанный Hustler с силиконовой брUNETКОЙ на обложке с призывом «Bang me!». Теплая сперма в холодную пробирку. Брр, ужасные ощущения!..

Виктория размякает. Я дрович над ее влагилищем и через пару минут кончаю на нее мертвой спермой. Она улыбается, я — застегиваю ширинку. Она растирает пальцами густые брызги и засовывает липкие пальцы в себя. У каждого своя правда, но истина всегда одна.

Перед тем как спуститься в метро, я курю у зимней набережной. Туман, влажный ветер бьет в лицо. Волны ворочаются под потрескавшейся коркой льда, уходят вдаль, исчезая в белом молоке нависшего тумана. Ну край мира, просто край мира.

9

Я не иду в банк. В этот раз беру машину напрокат и сам отправляюсь туда, куда с разной частотой хочется вернуться всем. Город детства. Он в пяти часах езды от бьющего наповал мегаполиса, где каждую ночь тысячи женщин отворачиваются к стенке с одной мыслью «ну обними же, обними», где каждое утро тысячи мужчин просыпаются с мыслью о том, какую сегодня придумать причину для позднего возвращения домой.

Рыжий «Опель» с выцветшими кожаными сиденьями. Оптимальный вариант для дорог, по которым мне предстоит ехать. Инфраструктуры здесь хромают. Зато в городе моего детства есть море, есть рыбаки с печальными глазами и их шаловливые детишки — они скоро вырастут, уедут в мегаполис за иллюзией счастья. Еще здесь много солнца, оно на ладони неба, на него можно смотреть со всех сторон, зданиявысотки не помеха.

Я хорошо помню этот город, хотя все детство провел в себе, в своей голове, в постоянной уборке. То одну мысль подвину, то другую. Тут вытру пяточок, а это выброшу. Лабиринты моего маленького мира с созвездием Большой верной собаки. Такой верной, что отзывается даже на команду полузакрытых глаз.

Там было все так, как нужно. А почему было? Мне кажется, из детства я выехал, а вот до пункта назначения — «взрослости» — не добрался. Так и живу в автобусе. Временами думаю, что моего детства в виде маленького домика с солеными стенами уже практически нет. Он совсем состарился. А ведь если долго не ухаживать за домом, не подкручивать, не подкрашивать, если в нем не жить, то он рассыплется. И в какой-то момент становится выгоднее снести этот дом, чем починить.

Мы переехали отсюда, когда мне было шесть лет. Отцу предложили работу в холодном городе на северо-востоке. Там я научился по кусочкам отщипывать воспоминания о солнце, скармливать их воронам. Сначала я думал, что жизнь без желтого диска над головой научит меня больше любить, ценить его. Со временем понял: смогу жить-дышать дальше, как только перестану думать только о том, что я люблю, а не о том, что любит меня. Как запутанно получилось. О детстве иначе говорить сложно. Клубок, который со временем разматывается, и нить то сгибается, то выпрямляется.

Сейчас там меня ждет двоюродная сестра. Клюква. Я ее так называл — у нее щеки горят красным, словно две большие клюквы на снегу белой кожи. Она действительно ждет. У нее двое пацанов, близнецы, и много грусти. Ничего в ее жизни не сложилось, кроме детей. Родители, мои дядя с тетей, возненавидели дочь. Не досмотрела за маленьким братом, любимчиком семейства, он захлебнулся в море. Жизнь Клюквы ушла вместе с жизнью брата. Сейчас ее дыхание — это мы. Двое сыновей и я. С ними делю то, что зарабатываю. «Если бы не ты, мы бы погибли». Она повторяет это каждую нашу встречу, а я грубо затыкаю ее. Боюсь не вытянуть такой ответственности. Ей одной трудно с пацанами. Но она, молодец, справляется. «Разве это их вина, что я пришла к ним конченной?»

Соскучился. Не так часто приезжаю к Клюкве, ограничиваюсь банковскими переводами. Но когда они рядом со мной, я превращаюсь в нечто другое, становлюсь доброжелательнее, чище. И это превращение делает меня уязвимым, как в детстве. Тогда хочется бежать, прятаться. Я пытаюсь противостоять этому, ведь знаю, что с ними становлюсь таким, каким должен быть человек, мужчина. И каждый раз так сложно отдаляться от них, возвращаться в свое одиночество, к маске цинизма.

10

Мы с Клюквой курим в саду дома. Сидим на скамейке, смотрим куда-то вдаль. Наши задумчивые взгляды пробивают забор, соседний дом и все прочие преграды. Много путей на гору, а вид с горы все равно одинаковый. Я взмок от жары, весь расплываюсь, а она сухая, непринужденная. Чрезмерно спокойная или безразличная? Она будто хочет сказать: «Ты ни черта не понимаешь в моей войне с жизнью».

Кожа сестры загорелая, стянутая от здешнего безжалостного солнца. Она худая и крепкая, точная копия тети, сестры отца. «Знаешь, Африка, я не представляю себя в другом месте. Вопреки всему, я считаю, мне с детьми нужно быть здесь. Я просыпаюсь каждое утро, поливаю баклажаны, и черт знает в какой раз понимаю: вот это мое солнце, мое небо, мое море. Моя земля. Все, что за этим, — не наше. Да, красивое, комфортное, но не мое, чужое. Понимаешь?» Она с детства называет меня Африка — «ты такой же теплый, но одновременно далекий», и любая ее речь заканчивается вопросительным «понимаешь». Моя сестра, мой друг. Моя.

У наших ног спит Хумейра, собака Клюквы. У нее три лапы, а в глазах словно снег растаял. Сестра подобрала ее прошлой зимой на пороге жизни и смерти. Хумейра молча лежала в овраге, истекая кровью. Кто-то покалечил ей лапу, потеряв которую, она нашла самое важное. Своего человека. И у людей, и у собак одно желание — быть любимыми. «Не знаю, сестра. Я пока не задумываюсь о том, где я должен быть. Но мне здесь хорошо». И Клюква улыбается, накрыв мою руку своей маленькой ладошкой.

Сегодня я приехал на родину своего детства. Никогда не задумывался серьезно, что это такое. Все же родной город — это высокая концентрация впечатлений. Не чего-то определенного, а всего сразу. Сильного, слабого, радостного и печального — таким мощным потоком, что просто захлебываешься.

Когда-то я был здесь счастлив. Летом мы приезжали сюда, к тете, и я обретал ту самую свободу, которой лишены дети мегаполисов. Я гулял с высоко запрокинутой головой, рассматривал сквозь осколок зеленого бутылочного стекла корабли из облаков. Ближе к концу ужина я уже засыпал на стуле, и тетя, от платья которой пахло булочками с вишневым джемом, брала меня на руки, уносила в спальню. А там любимая кровать, накрахмаленное белье хрустит, любимые носки с собачьей вышивкой и так тесно задернутые занавеси, что темные кроны деревьев за окном больше не пугали.

Почему-то летними ночами я засыпал с мыслью о приближающемся Новом годе. О времени, когда снежный вихрь разрисует окна узорами, а я буду разгадывать их, как ребусы, и в итоге они непременно сложатся во что-нибудь трогательное. Детство, прошлое — неизлечимо.

«Ты молодец, что приехал. И дети, видел же, как обрадовались. Ты как, все по-прежнему один? Африка, не забывай, а что судьбе надо противостоять, что ее надо выбирать, а не плыть по течению, что счастье можно вылепить собственными руками... Мне кажется, ты сдаешься. Если уже не сдался». Кладу себе еще одну кукурузную лепешку. Она пахнет семечками и посыпана молотым кориандром.

— Клюква, ты знала, что счастье по-индонезийски — «сука»?

Снимает с плиты закипевший чайник, разводит мне еще одну кружку малинового морса с мятой.

— Ты вместо того чтобы стебаться, лучше женись или давай сюда переезжай. Кто в городе за тобой ухаживает? Волнуюсь я за тебя. Я не понимаю, что ты делаешь.

— Что? Хм... Все пытаюсь раздробить камень в груди, но не получается.

— А ты поосторожнее, Африка: разбивая камень, не задень сердце.

Я нахожусь здесь, на подсознательном уровне торопя время. Быстрее бы вернуться туда, в свое одиночество. Сейчас самым адекватным кажется просто уехать отсюда. Это всегда кажется правильным взамен притяннутому за уши соблюдению приличий. Не из-за того, что с ними мне плохо. Когда делаешь все так, как хочет даже самый родной человек, — это не то чтобы неинтересно, но это же элементарно не твоя жизнь, и рано или поздно это обернется разочарованием.

— Положишь мне с собой лепешек?

— А ты разве уезжать собрался?

— Да, Клюква, мне пора.

Она отводит разочарованный взгляд, закусывает губу. Молчит пару минут.

— Так трудно найти нужные слова, чтобы удержать тебя. Наверное, это из-за того, что я понимаю бессмысленность этих попыток.

— Пойду собираться, — роняю я и выскальзываю из кухни, опасаясь растерять решимость.

11

Кондиционер в машине выдохся, раскаленное железо — и ты в нем. Странно, но я уже не ощущаю здешней жары, хотя снаружи вот-вот расплавлюсь. Полтора часа в дороге, под мышками и между ног почти море, из открытых окон — знойное марево. Соскучился по этому пеклу. Оно же из детства, когда я бегал босиком по горячему песку, вытирал заляпанные тутовником руки о белую безрукавку и боялся ходить в туалет, где вместо унитаза была гулкая дыра, из-за угрозы появления ужей.

Они частенько наведывались в тетин дом, море ведь было в десяти метрах. Переползали неширокую дорогу, и все. «Они приходят, чтобы проследить, не много ли вы съели арахисовых батончиков». Так тетя объясняла появление ужей. С тех пор я не ем шоколад, не посещаю террариумы. В детстве для счастья достаточно было одного мороженого.

Бензин на исходе. Въезжаю на заправку. «Полный бак?» — «Да, пожалуйста». Я иду к кассе, она в центре магазина. Душное помещение, вентилятор на потолке, утомленный кот на подоконнике и грузный мужик за кассой. Рядом стеллаж со вчерашними газетами. «Бананы от Обамы. Семья президента США выращивает фрукты и овощи у Белого дома». Ну а где ж им еще выращивать? Какая тоска. Кассир вместе со мной смотрит на газету, ухмыляется, мол, счастье не пи...дец, само не приходит.

Беру из холодильной камеры два Dr Pepper, бутылку обычной воды и арахисовый батончик. Дань воспоминаниям. «С вас тридцать восемь пятьдесят... Какими судьбами в наших краях?» Обычный для этих краев любезный расспрос. «Приехал отпустить прошлое». Разглядывая кота, я сам не заметил, как сказал то, что редко говорю. Мужик заметно удивился такому личному ответу, даже привстал со стула, похлопал меня по плечу, перегнувшись через прилавок: «Братишка, если прошлое не отпускает, то оно еще не прошло!» Сам рассмеялся своей остроте и высыпал сдачу на тарелку. Горькие слова, но правдивые. «Оставьте, — говорю я. — И батончик возьмите себе, пожалуйста, мне что-то совсем сладкого не хочется... Всего доброго».

Отъезжая с заправки, пристально смотрю в зеркало заднего вида. Запоминаю картинку. Включаю радио, из колонок льется «Falling into you» Дион. Я покидаю этот город с одним-единственным сожалением: я не успел привезти ее сюда. Когда женщина решает отдаться мужчине, то она непременно хочет познать его истоки. Отдаться это не единичное физическое действие, это процесс, прорастание в то, что становится самым родным. Женщине оно необходимо: знать, каким был его день до теперь уже их дня. Это для мужчины постыдно, обнимая женщину, заглядывать туда, где живут события и люди, раньше бывшие для нее настоящими.

Она хотела понять меня вчерашнего, когда мы еще только шли друг к другу. Понять для нее было тем, чего нельзя спрашивать, но можно узнать, увидев или притронувшись. Находясь в сегодняшнем дне, она не вычеркивала все тягостное из дня вчерашнего. В этом тягостном зачастую скрыт ответ.

Я еду спокойно, без спешки, смотрю только вперед, не желая замечать ничего вокруг. Голова переполнена воспоминаниями двухгодичной давности. Как ее не стало. Как потом не стало той женщины с ребенком. Здесь, вдалеке от эпицентров этих происшествий, все кажется еще более несправедливым. Даже быть лицом к лицу со

случившимся не так болезненно, как попытаться убежать от него.

По мере того как я приближаюсь к мегаполису, я снова возвращаюсь к мысли, что проще не любить, не хотеть, не знать — не быть самим собой, быть кем-то другим. Пусть унижают другого, пусть бьют и жгут заживо его, но не тебя, ибо тебя просто нет. Есть некто другой, склеенный из боли утраченного и попыток жить заново. Опустошенный и чего-то ждущий.

— Клюква, скажи, ждать-то стоит?

— Стоит. Главное, в процессе ожидания не утрачивать чувства меры. Чем дольше ты ждешь, тем больше вероятность, что ты ждешь не там.

— И нет этому никакого оправдания?

— Почему же, Африка, есть! Иногда просто нужно больше времени. Нужно твердо знать, чего ты хочешь, и не отказываться от действий. Но если изменишь себе, откажешься от ожидания, то упустишь самое главное, самое нужное. А без него ни ждать не стоит, ни жить вообще.

12

Не жалуясь на одиночество. Зачем, если его во мне с избытком? Мы никогда не думаем о том, чего много в настоящем. Нас вечно тянет в противоположные стороны: иногда вперед, чаще — назад. Пора бы научиться не плакать по прошедшим снам, тем более что они в чем-то были кошмарами. Вот как оно есть, так и есть. Как все идет, так и идет. Не слепой фатализм. Скорее, попытка сжиться со своими состояниями. Удручающими зачастую.

Я давно не вижу ничего плохого в собственном одиночестве. Люди сильно преувеличивают значение отношений двух людей. Да, это важно, но не так важно, чтобы растворяться в терзаниях, как шипучка в стакане воды. Все гораздо проще. Есть — значит, хорошо, нет — значит, будет. А если не будет, значит, так оно должно было быть. Или не так уж сильно хотелось. По временам полезно отдаваться потоку. Цепляясь за что-то, мы пропускаем более важное.

Конечно, в моем одиночестве нет вселенских масштабов. Все гораздо меньше, но от этого не менее болезненно. Мое одиночество мужское. Внутреннее. Без озвучивания мыслей, все про себя, пусть даже с немалым количеством физических контактов. Наше одиночество направленно внутрь. Не зря слово «эгоизм» мужского рода. Женщины считают, что мужчины редко способны любить кого-то, кроме себя. Мол, они сами виноваты, так как выбирают свою дурацкую свободу. Эфемерную свободу, когда не имеешь обязательств перед семьей, имея возможность в любое время залечь перед телевизором с банкой пива. «Если любишь и заботишься о ком-то, даже если это безответная любовь, ты счастлив. Мужчинам такое счастье вообще не дано», — говорят женщины, и не мне стараться их разубедить.

По мне, так мужское одиночество тяжелее — из-за неиссякаемой силы, которая должна быть в нас, по всеобщему мнению. Тебе непозволительно говорить об усталости. Нельзя, ты же мужик! И тогда слова остаются в тебе, превращаются в плотные серые сугробы, которые не тают и с наступлением весны, и значительно позже. Потом переизбыток невысказанного заставляет отдалиться, уйти, потому что так легче, так не ждешь ничего ни от кого, тебя никто не оценивает.

Когда-то, в самом начале своих темных прибоев, я боролся с нашествием легиона немых слов. Пытался говорить, вытряхивал из себя то, что осталось под рукавами мыслепроизводства. Люди делились на тех, кто слушал, и тех, кто пытался слушать. В результате все они отставали от моей истории, становились предсказуемыми рифмами к моим словам или вовсе уходили, убегая от моей опасной откровенности. Потом я резко прекратил попытки. Поддержку нужно искать не в друге или сигарете. В самом себе.

Снимаю кеды, раздеваюсь, заталкиваю всю одежду в стиралку. Надо вымыть, отстирать воспоминания. Вытаскиваю из сумки контейнер с лепешками Клюквы — съем на ужин, в холодильнике все равно пусто. Хорошо, что дома чисто. Рыжая постаралась и опять записочку оставила. Эпистолярный роман прямо. «Убралась. Купила чистящие средства, хлеб. До встречи». Ну, убралась — и до встречи, дуреха.

Несмотря на пустоту в квартире, я рад возвращению сюда. Может, из-за того, что здесь воспоминания? В них

теплее, чем в настоящем. А может, в прошлом ничего нет, кроме самообмана? Клюква считает, что мужчины неподвластны самообману. «Женщины так годами могут жить. Привыкают к нему, обслуживают его, без любви, в глубоком отчаянии, потеряв себя, ради какой-то идеи — ради брака, ради детей, ради черта лысого. А у мужчин все проще. Они радуются жизни, иногда только позволив себе полить слезы над поступками, которые так и не совершили». Смотреть на себя глазами Клюквы очень необычно, с трудом себя узнаю, как в кривом зеркале.

Кажется, я проживаю свою жизнь по чужому расписанию. Будто с той самой точки, когда нас с ней безжалостно разделили на два разных мира, все пошло наперекосяк. И теперь я послушно играю по готовому сценарию. Но мне почему-то совершенно беспочвенно верится в то, что, как бы хреново ни было, это пройдет. Исход в любом случае будет другим, чем-то новым. В вопросе, полон стакан наполовину или пуст, я предпочитаю вариант ответа «в стакане есть вода». Главное, что вода еще есть. Обнадеживающий реализм?..

13

У меня день рождения, и я сижу, чуть пьяный, под айвовым деревом. Трава еще влажная после вчерашних дождей. Постелил под себя сегодняшнюю газету, она толще и тяжелее обычной — субботний выпуск. Так что пока под задницей сухо. Только бока туфель потемнели в зеленой гуще. Этот парк раскинулся в центре города, но в нем такая тишина, будто он отгорожен от суеты невидимым, но могучим забором.

На мне мятый костюм, галстук болтается развязанный, несвежая рубашка. Мобильный разрядился, значит, не будет звонков с дежурными пожеланиями. Хотя кто может звонить, если у меня вообще никого нет? И это совсем не грустно. Из общества я уволен по собственному желанию. Я давно не отмечаю дни рождения, всяческими способами стараюсь скрыться в этот день. К счастью, на работе не принято отмечать такие дни гулянками. Давно ушел от самого себя в себя же. Впрочем, давно — понятие относительное. По календарю прошло два года, а как? А по мне каждый день равен месяцу. Выходит, почти две тысячи лет. Со дня ее смерти.

И сегодня я сижу, уставившись в одну точку, вспоминая ее улыбку, ее слова. Живую. Губы непроизвольно произносят «люблю-люблю-люблю», а сразу затем какой-то голос в голове твердит «забудь-забудь-забудь». В прошлую оттепель я выходил из машины, было яркое солнце и пухлощекая девочка на перекрестке, разбивая лед носком ботинка, чтобы он летел широким веером на мостовую, прокричала подружке: «Хватит зимы. Красиво, но хватит!» Вот и мне сейчас хочется выкрикнуть: «Хватит!» Потому что я не хочу больше никакой красоты без нее! Детские обиды. Но сегодня меня подмывает раскиснуть, окунуться в то, чего не вернуть. И пусть бы это был последний рывок, который удалит несчетное количество воспоминаний... Перестанет ли сквозить пронзительной болью в сердце? А почему я пытаюсь перестать помнить? И почему прошлое — такая зараза, что не выветривается вообще, даже когда жизненно необходимо?

День рождения как персональный Новый год. Можно подводить итоги, строить планы. У меня их вроде бы нет. Хотя... Где-то в глубине пустого душевного колодца осталось желание, чтобы у солнца в моей жизни наконец раскрылся парашют и чтобы я помнил ее без горечи утраты. Я загадываю это желание сейчас, про себя, мысленно задуваю свечки несуществующего торта. В памяти всплывает текст утренней эсэмэски Клюквы. «Очень важно — быть довольным: миром вокруг, своим местом в нем. Самое главное в жизни — все заранее простить, Африка. Люблю тебя». Переполняюсь к себе таким чувством гадливости, что хочется стать тараканом и броситься под тапок. Своими страданиями я делаю больно тем, кто пытается быть со мной рядом.

Мои дни рождения мы никогда не проводили дома. Однажды она взяла на пару суток машину, села за руль, усадила меня рядом, и мы уехали. Без готового маршрута, куда-то за город. Мы ехали по узким горным дорогам, я глядел вниз, наслаждаясь белоснежным сиянием весеннего моря. Она рассказывала что-то самое тривиальное, как правило, из детства, а я улыбался, курил, смотрел, как ветер из открытого окна играет ее волосами, и был счастлив именно в этом мгновении. Здесь и сейчас. Все же поток времени — не мое кино. У меня — мгновения.

Потом мы заехали в ресторанчик под открытым небом, она выбрала в витрине фруктовую выпечку, сама воткнула в нее свечку, попросила задуть. А я не успел, меня опередил шаловливый весенний бриз. Когда мы только познакомились, я попросил ее: «Опиши себя одним словом». Она сказала: «Бриз». Мы были

противоположностями. Совершенно разные, но при этом до невозможности близкие. «А я уважаю различия, дорогой. По-настоящему никто не может встать на место другого, но мы можем попытаться понять друг друга лучше и стать еще ближе».

Сейчас у меня нет своего места. Я покинул его, прижался к тебе, пытаюсь удержаться рядом, на твоём месте, и с каждым днем пространства становится меньше. Болезненные попытки устоять.

Судьба подкидывает дилеммы, и всегда приходится выбирать — одно теряем, другое приобретаем. К черту разговоры о гармонии. Ее нет. Есть баланс между потерями и приобретениями.

14

Продолжительное счастье приходит к тем, кто крепко держится за его мгновения. Это как долго пыхтеть над пазлом, пытаюсь сложить из маленьких ярких эпизодов большую красочную картинку. Устаешь примерять разные детали к одному образу, вот-вот все перемешаешь в отчаянии, как — бах! — сложилось, и линия верного пути вырисовывается. Чтобы состояние феерического счастья не обернулось рутинной, обязательно должны случаться приступы дикой тоски.

Не задумываюсь о том, является ли данный отрезок затянувшимся приступом той тоски или чередой муторно-логических цепочек. Выбор сделан — просто продолжать двигаться. Жизнь в чистом виде, без смысловых галлюцинаций. Если раньше моя жизнь выстраивалась сама по себе по кривым начертанным линиям, то теперь все приняло абсолютно другой оборот. Мне даже не интересно, чем это закончится. Если бы все управлялось строгим законом причины и следствия и всегда было бы возможно предсказать исход, мы сами стали бы только сборищем бездушных механических игрушек. А сейчас — не зная, что за поворотом — мы ведем волнующую игру. Это как сдавать экзамен по предмету, который знаешь нетвердо, и получить очередной вопрос, ответа на который не знаешь.

Живу в замкнутом пространстве со сглаженными углами. В руках Фаулз — я преследую тебя по оставленным следам. Любимые книги ты покупала в двух экземплярах. Одну ставила на полку, вторую читала, делая в ней пометки. «Несмотря на внешнюю независимость, она не могла без опоры. Всю жизнь стремилась это опровергнуть — и тем самым подтверждала. Будто морской анемон — тронь, и он присосется к руке». Через буквы под желтым маркером проникаю в тебя снова, и ты раскрываешься для меня другой. Родная вроде бы, но при этом далекая, еще более глубокая, чем я знал. Я старался быть твоей опорой. Наверное, у меня это получалось, раз ты всегда засыпала за моей спиной, прижимаясь так сильно, что твое дыхание отзывалось во мне бархатными ударами.

Вот твои слова: «Ты — это всё». От этих слов становилось страшно. Боялся подвести. Мужчина, даже несмотря на броню эгоизма, понимает, что женщина лучше. Просто мы не признаем этого вслух — солидарность из поколения в поколение. Вдруг это помешает вам уважать нас, считать нас мужчинами? Хотя мужчина — это далеко не член между ног, это еще и заботливое желание прикрыть окно, когда она замерзла, но молчит об этом. Мужчина — это тревога за нее, даже когда они не вместе.

Когда мы пришли друг к другу, я не воспринимал того, что принято называть «отношениями». Верил в контакт, в страстную вспышку между двумя людьми, в красивый флирт, который, если позволят обстоятельства, завершится постелью. Это был для меня конец фильма, дальше только титры и — всем спасибо.

— В определенный период жизни мы встречаемся с определенным человеком, необходимым именно в этот период. Такой странный закон притяжения, такое взаимовыгодное спасение. Проводим определенное время вместе, потом обязательно расстанемся. Потому что каждому из нас надо идти дальше, входить в новый, следующий период своей судьбы. Брак придуман для ленивых, которым легче остановиться на полпути, чем идти дальше.

Так я честно говорил о своем опыте. Ты молчала, пила почти остывший чай с вишневым вареньем. Ты не любила горячий чай, только теплый, по мне — так холодный.

— Думаю, это правда — про определенных людей в определенное время. Но, знаешь, почему часто

происходит расставание? Потому что даже в паре развитие людей неизбежно. Мы открываем для себя что-то новое, и это новое идет вразрез с новым того человека, что привел нас к этому новому. Если это развитие неравномерно или имеет различную направленность, то будет расставание. А что, если попытаться принять новых друг друга? Тогда путь двоих может продолжиться.

После этих слов я ничего не мог добавить. Я смотрел на тебя и думал, какой же подонок сидит сейчас напротив тебя. За что ему такая награда? Сейчас понимаю: ты привела меня к новому. И расставание произошло не по нашей вине. Сценарий изменили там, наверху. Как-то ты сказала: «Однажды мы с тобой превратимся в буквы друг для друга». Отбрасываю Фаулза. Ты не буквы. Ты — выше и непостижимее любых существующих символов.

15

Сегодня я внес последнюю часть кредита за квартиру. Мы вместе сняли ее, вместе начали обставлять, здесь «все наше». В конце концов, выкупил ее я один. Один-один-один. Но все равно в этих стенах горчичного цвета не так холодно без тебя, как вне их. Ты ведь все еще здесь. На этом подоконнике ты любила сидеть, подобрала ноги, и, если даже там были печальные октябрьские сумерки, все равно улыбалась. «Никогда не разлюблю осень, никогда». Ты же обещала мне это никогда!

В этой маленькой комнатке с большим окном мы планировали сделать детскую. Она ни для чего другого не подходила — слишком узкая для спальни и слишком личная для гостиной. Ты могла сидеть здесь часами. Читать потрепанный томик с рассказами о кубинском зное или рассуждать о материнстве так, будто вырастила троих детей. Ты хотела мальчика, мне было все равно, лишь бы от тебя.

«Сначала я влюблюсь в саму мысль о нем, затем в плюстик теста, стручок с ручками и ножками, а потом в пухлощекого человечка, сующего себе ноги в рот. Чувства к нему быстро меняются. В первый год кажется: ну нельзя больше любить. Потом эта любовь расширяется, углубляется, умножается в каких-то совершенно невероятных измерениях. И каждый новый день становится очередным шагом на длинном пути. Теперь мама уже спутник, рука в руке, а не просто кров и питание».

Я удивлялся, возмущался, пытал, откуда у тебя такие глубокие познания. Признаюсь, ревновал — хотелось, чтобы все, что было до меня и будет вместе со мной, проходило через меня. Я хотел тебя себе, всю целиком. В любви есть светлая и тихая ревность, растущая из желания принадлежать ко всем временам года твоей половинки. Это как сжать в кулаке теплый никому не принадлежащий прибрежный песок, но чувствовать, как он высыпается именно из твоей руки.

«Будто я пережила уже это в прошлом, в прошлой жизни... Не смейся! Такое бывает, я читала в Интернете... И вообще, кажется, я и тебя знаю миллиарды лет. Ты веришь, что такое бывает?» Вопросы отпадали сами собой, и мы целовались так, будто во всей вселенной нет ничего важнее. Я не могу простить себе случившегося. Я сам потерял тебя и того малыша, которого ты унесла с собой туда, куда не добраться, не утратив жизни. А может, того места, где вы должны сейчас находиться, вовсе нет? Что, если это еще одна иллюзия человечества? Мне холодно и страшно от слова «никогда».

Ты думала парадоксально. Твои мысли были прекрасны даже в ответ на какие-то повседневные несуразности. Наушники твоего айпода постоянно запутывались, и ты по-детски хмурилась, пытаясь их разделить. Уже вот-вот ты отбросишь их в приступе раздражения и юркнешь в метро без музыки, как неожиданно рассмеешься, беззаботно поясняя: «Они запутываются не для того, чтобы позлить меня. Просто левый наушник любит правый. Они обнимаются. Это любовь». Твой айпод сейчас слушаю я. Без наушников, подключая к ноутбуку. Первая песня всегда «Everytime I close my eyes I see your face». Закрываю глаза, вижу твое лицо. И почти слышу твой голос.

Теперь эти стены окончательно принадлежат нам. Или мне? В руках последние банковские документы, за окном шуршат шины редких автомобилей уходящего понедельника. Вжжжжжж по влажному асфальту. Опять зарядили дожди. Когда тебя не стало здесь, в этом мире, Клюква посоветовала мне съехать отсюда. «Хватит

мучить себя, здесь все напоминает о ней. Ты погибнешь под этим, слышишь, погибнешь! Отпусти ее. Ты разве не понимаешь, что своими терзаниями изводишь и их? Отпустить не значит забыть!» Я не съехал. Поговорил с хозяйкой, попросил продать мне эту квартиру. Тут же нашел покупателя на машину, оформил кредит — и вот он погашен. Сам не знаю, как это вышло так быстро. Значит, так было нужно. Обстоятельства способствовали, возможности, подгоняемые какой-то силой, сыпались с неба.

Да, я привожу сюда женщин, которых не люблю. И я отчаиваюсь здесь, задумываясь о смерти. Но все это не имеет значения. Это уже другая жизнь другого человека. Все связи с прошлым остались внутри, заперты в ядре сердца, как смерть Кашея. Ничем не запачканные, ничем не развеянные. Каждый в той или иной мере торгуется со временем, каждый нацелен выиграть, зачастую во имя самых примитивных целей. Все война, внутри каждого война, вокруг меня война. А в войну все самое ценное относят в укрытие.

16

Наверно, я таким родился. Хотел бы быть ребенком, но как-то не получалось. Приходили новые и новые обстоятельства, и приходилось доказывать, что я сумею их победить. Доказывать себе и своей никудышной семье. Всегда легче не пробовать, чем прилагать усилия, а тот, кто сам неудачник, и других хочет видеть неудачниками. Я же шел напролом — для меня не было никаких репетиций, все писалось начисто и прямо сейчас.

Если скажу, не жалею, что беззаботного детства не было, выйдет вранье и цинизм. Конечно, были мгновения, которые растягиваются в целую пору. Но это просто лечебный самообман. Само собой, мне хотелось, чтобы мой отец был героем. Тем, кто не отмахнется, когда я погряз в проблемах, а крепко, по-мужски, обнимет за плечи, честно скажет: «Это хреново, сынок, но я с тобой». Но так не произошло ни разу. А теперь уже и не нужно. Ждать помощи — как брать займы. Самому сделать проще.

Маленький, я никогда нигде не забывал свои игрушки, не разбирал розетку, не засыпал в обнимку с родителями, когда пугают ночные призраки. Я не видел шумных дней рождения, когда мама разрезает большой-большой торт, взрослые шумно говорят о своем, пока маленькие и оттого еще более шумные ползают на четвереньках под столом, играя в прятки. У меня не было любимой сказки перед сном, любимой книжки, любимого папы. Все как-то мимо. Но и никакого чувства ущербности не было, только сожаление. Все сам купил себе. Поздно, но купил. Даже машинки, так похожие на настоящие. И настоящую машину тоже. Ничего никому не доказывая.

Самое светлое в моей жизни началось, когда появилась она. Мы засыпали в тени высокого эвкалипта, и в этот миг прежнее одиночество казалось вполне оправданным — стоило так долго мечтать о ней, чтобы спустя годы ее встретить. Даже нелюдимый ветер казался только шалостью непогоды, а не колкими нападками былых тревог. Я готов был горстями вычерпать наше море, излить его к белоснежным ногам твоим. Но никакая поэзия не заменит поступков. Тебе было важнее, что я делал изо дня в день.

Да, мы спорили, расходились, я обвинял тебя в собственных упущениях, потом понимал подлость своих действий, просил прощения. И ты, возвышаясь вершиной над мужскими провалами, прощала, избегая банального «да все хорошо, забудем». «Я люблю, когда ты говоришь со мной, мне нравится и то, что ты не всегда одобряешь мои поступки, и твоя резковатая оценка всего, что я делаю, и твою аккуратную нежность... Я не знаю как, но я сделаю все для тебя».

От такого признания, не подчиняющегося какой-то хитрой женской политике, мне становилось стыдно. Я больше не смел сказать никаких слов, чтобы живо не сгореть в них. Клал голову на твои колени, ты перебирала мои волосы, а потом спрашивала что-нибудь совершенно житейское: «Ты что сегодня ел? Пойдем, я что-нибудь приготовлю».

Мужчины тянутся к женщинам за утешением или спасением. Ты меня спасла. Нашел в тебе семью. Сейчас скажу банальность: жизнь двоих гораздо счастливее, когда желание понимать важнее, чем быть понятым; когда желание сделать приятное не таит в себе планы получить что-то взамен, даже благодарность. Когда любовь не

меняется даже на любовь, а только дарится.

Вот только теперь я не знаю, кому молиться, у кого искать то счастье, которому я научился, к которому приучился. Я как потерянный пес, у которого были семья, и вера, и желание отдавать любовь, но все внезапно исчезло. Крыша над головой осталась, еду добыть еще удастся. Но нет больше прикосновений своего человека — ничем не заменимых, самых желанных. От этой пустоты начинаешь уменьшаться, заканчиваться, хотя еще бегаешь и вглядываешься. Живешь. Вдруг все вернется. Вдруг. И тогда все пережитое покажется обычным страшным сном. Стоило лишь проснуться, и все исчезло. А ты, дуралей, испереживался, хвост повесил.

17

Я даю ему больше положенной суммы. Долго держит в руке купюры, не решается положить их в карман синего халата, больше похожего на дождевик, только без капюшона. Смущенно улыбается, мол, не нужно было, тяжело, но, слава Аллаху, выкручиваемся. На пальцах его рук сказочно блестят крупными пятнами рыбы чешуйки. Прозрачные, перламутровые. Он чистит рыбу без перчаток. «Не могу в них. Нож будто злится, калечит руки. Особенно когда с глазами окуня возишься. Их у меня рыбаки скупают для приманки. Глаза окуня лучше любого червя».

У Иззета такие же большие и выпуклые глаза, как у окуня, лишь золотистого оттенка недостает. Над ними широкие брови, косо спадающие к вискам и сросшиеся на переносице. Он родом из Карса, холодного и бедного турецкого городка, где даже летние ночи по-зимнему студены. Иззет женился в семнадцать на пятнадцатилетней двоюродной сестре. Сейчас у него трое детей, незаметная жена, которую никто из соседей до сих пор не видел, и небольшая рыбная лавка на нашей улице.

Иззету приходится нелегко — кроме жены и детей на его шее больная мать, у которой отказывают почки от лютых карских непогод. «Слава Аллаху, справляюсь, грех жаловаться. Да и отсутствие богатства — это еще не бедность. Бедность — это жажда богатства». Порой мне кажется, у людей Востока — генетическая мудрость. На каждый случай своя, проверенная веками, максима. В конце концов, мудр тот, кто знает не многое, а нужное.

Каждую среду перед работой я захожу к Иззету за рыбой дорадо. Она у него лучшая, свежая, по хорошей цене. К тому же это единственная рыба, которую я умею готовить. С дорадо возиться не приходится. Обкладываю ее овощами и — в духовку. Сегодня Иззет постарался, заслужил щедрые чаевые — отложил мне две большие рыбины. Каждая по полтора килограмма, тогда как средний вес дорадо чуть больше полукилограмма.

Дорадо — это я. Рыба, похожая на меня. Когда-то читал, что они обитают поодиночке, как правило, в глубинах моря. И в моей жизни нет никого, кроме меня, и я тоже прячусь внутри. То, что снаружи — наносное, необходимость соответствовать. Люди с опытом учатся сдерживаться, придумывая себе оазисы-оправдания.

Иззет считает меня ученым, потому что я хожу в галстук, костюме, с портфелем в руках. «На крупном предприятии служите, не чета таким, как я, пропахшим рыбьими кишками». Легкая иззетовская самоирония. Он ждет не дождется среды, чтобы услышать мои комментарии по ряду громких событий недели. Спрашивая мое мнение, он сразу же озвучивает свое. Зачастую достаточно интересное.

— Вы слышали об этом разбушевавшемся вулкане? Ей-богу, конец цвета. Даже самолеты не летают. Как бы он и на рыб не подействовал... Что вы об этом думаете?

— Да угомонится, не переживай, Иззет... Ты еще в один пакет положи, чтобы не порвался.

— Конечно, не волнуйтесь... На самом деле мне кажется, что извержение вулкана — это очень хорошо. Это как щелчок по носу от природы человеку, напоминание, что он тут не главный и не все может контролировать.

Возвращаюсь домой быстрым шагом, надо занести рыбу, потом на работу бежать. Успею? Смотрю на часы. В запасе сорок минут, укладываюсь. Захожу во двор и замечая, насколько щедро он залит солнцем. Наконец на небе перекрыли воду. Все мое существо фиксируется на теплой улыбке природы, не желая признавать бесконечных снегов одиночества. Нужно впустить солнце внутрь, чтобы почувствовало сердце. Весна все-таки. Щелчок по носу от природы.

И почему-то в этот момент мне подумалось, что любви без жертв не бывает. Либо принципами поступаешься, либо возможностями. Главное, чтобы жертвы приносились добровольно, с открытым сердцем, а то ведь некоторые живут в самообмане во имя идеи брака, ради детей, ради чувств, некогда переполнявших при взгляде на партнера. Наполняя чьюто жизнь, опустошают свою. Как в сообщающихся сосудах, все должно быть поровну — вот суть гармонии. Перевес в одну из сторон чреват накоплением разочарований. В любви не может быть замкнутого круга, возвращающего человека к нему прежнему.

18

Водопад звонит из города, в котором никогда не слышно ветра. Голос прерывается, плачет. Мое горло моментально перехватывает. «Что случилось?» Треск в трубке, потом абсолютная тишина и опустошающие слова: «Мама умерла». Для меня эта сцена происходит в другой декорации — я по-субботному расслаблен, гуляю по заброшенной стройке недалеко от дома, мелкие камни осыпаются из-под ног, и солнце светит мне прямо в глаза. Но то, что случилось, равняет наши условия. Тети Эльзы больше нет.

Две недели назад у нее случился инсульт, сразу после традиционного утреннего чая с гвоздикой. Но она быстро пришла в себя. Будучи в больнице, развлекала соседей по палате еврейскими анекдотами и требовала у дочери хумуса с солеными огурцами. Водопад рассказывала мне о капризах нашей любимицы, я хохотал, скучал по тете Эльзе. «Если хумуса хочет, значит, точно оклемается! Тем более у нее речь восстановилась, только нога отнялась». Я дал слово, что скоро приеду и мы все вместе пойдем к морю. Будем там есть сочные нектарины, запивать их вином из шиповника, собирать ракушки. Я собирался к самой мудрой женщине моей жизни — она не дождалась. Время пришло, а человека нет. Остались воспоминания, главный ингредиент человеческой судьбы, и ее письма.

Тетя Эльза часто писала мне. Размашистый, мелкий почерк. Чуть ли не через каждое предложение еврейский мат. Я всегда удивлялся, как виртуозно соединяет тетя язык ученых книг с языком подворотен. Необычны были строки из последнего письма — о том, что мир, который для нас привычен, не более чем оболочка, и здесь на всех одни законы. Мы родились в этом мире, выросли, даже счастливыми бываем. Но еще есть изнанка этого мира, куда попадают с самого детства те, кого оболочка не приняла. И такие люди создают свое пространство, ни на что здесь не похожее. Их часто называют белыми воронами, потому что они продолжают противостоять материальному миру. А мы — сдались. И только пытаемся «держат марку» в своем поражении... Так в точку это было сказано. Я тогда подумал, каким же идиотом был, пытаюсь вписаться в окружение, чтобы и у меня был в жизни стандартный набор: друзья, кошелек, отношения, флирт на стороне. И как меня утомляло вечное желание во всем увидеть суть. Прошло.

Я не знаю, что сказать Водопад. Она почти шепотом поскуливает на том конце провода, мне хочется ее обнять и снова услышать монотонный шум воды — если приложить ухо к ее спине, где-то над легкими, то шумы вполне отчетливы. Поэтому уже много лет для меня она Водопад. И еще везде, где она появляется, гаснут спички, не успев зажечься. Последние пять лет она жила вдали от матери, в бурлящем мегаполисе. У них двоих были общий дом с щедрым садом, верный пекинес Фредик и прогнанные мужья. Дочь повторила судьбу матери.

«Женщины не виноваты, это мужики околелись. Надеюсь, не окончательно. Знаешь, вот бытует мнение, что женщина для мужчины должна быть праздником. Ну, вот будет она всегда праздником, а потом — бабах — грипп. Температура — тридцать девять, слипшиеся волосы, потная майка, мешки под глазами и никакое настроение. Далекое не праздник, одним словом. Тогда мужчина что? Или в полном шоке, потому что не знает, что с ней такой делать, или становится жертвой заложенного природой эгоизма, мол, ты мне не нужна такая, вернешься, когда снова будет праздник. С таким партнером как жить? А мы, дурехи, когда выбираем, разрисовываем себе любимых в лучшем виде. Потом сами же страдаем от того, что они так и остались картинками, никак не связанными с реальностью».

Водопад всегда такая, ее тянет на откровения про «невозможность отношений» после второго бокала вина. Она возмущается, жестикулируя тонкими руками, потом замолкает, вздохнет пару раз, признается: «Они, конечно, подлецы, но я все равно люблю мужчин. И до сих пор верю. Я дура?» Я смотрю на нее не менее пьяным взглядом, вспоминаю наши институтские годы и говорю: «Ты — хорошая. Ты — водопад». «Твои» люди остаются с тобой, как бы ты ни ныл, каким бы ором ни орал, как бы ни пропал. Они просто есть, они

рады тебе открыть дверь, протянуть руки, разделить бутерброд.

Тишину в трубке я прерываю решительным: «Держись. Я вылечу ближайшим рейсом, на который найду билет». Она оживает: «Ты мне так нужен!» Нажимаю отбой, стремительно одеваюсь, еду в аэрокассу. Есть такие места, где нам обязательно нужно быть. Если и не постоянно, то хотя бы периодически туда возвращаться.

19

Луна в иллюминаторе — как желток в синей миске. Я лечу с грустью утраты внутри, но в ней больше светлых оттенков. Было много хорошего. Для меня, для нас. И это хорошее не перевешивает своего рода итог — потерю.

Мы с Водопад каждое лето, распрощавшись с сессией, ездили на ее родину. Там нас ждал большой дом, а в нем тетя Эльза и дядя Гурам, ее муж-грузин. Почти сказочные персонажи со сказочной любовью друг к другу. Потом любовь прошла, дядя Гурам вернулся в Мегрелию, Западную Грузию, откуда когда-то уехал в Россию на учебу. Тете Эльзе остались воспоминания, дочь и рецепт отменных хачапури по-мегрельски.

Она их готовила к нашему приезду, и мы почти не ощущали отсутствия большого грузина, словно свежеприготовленные хачапури исходили паром от тепла его кавказского сердца. Обычно мегрелы тесто для хачапури месят из муки, воды и соли. Тетя Эльза любила дрожжевое — с молоком, яйцами. Так вкуснее получалось. Тесто следовало обмять четыре раза за три часа, иначе хачапури выходят твердые. Дядя Гурам научил ее выбирать сулугуни. «Когда нажимаешь на кусок, жидкость из него должна выделяться прозрачная. Если мутная, белого цвета, то сулугуни залежавшийся». Мы съедали хачапури и, выкурив по сигарете, бежали на природу, в пространство. За зиму уставали от многоэтажных лабиринтов большого города. Водопад убегала с Фредиком к пруду, я гулял между веревками развешанного белья. Для меня это был непостижимо чистый лес.

Первые месяцы без нее я пробыл здесь. Водопад привезла меня сюда буквально насильно, да и не было мочи сопротивляться. Я существовал тогда в каком-то облачном измерении. Включался, отключался с мыслью «больше ничего нет». Полная безъязыкость, литое молчанье внутри, снаружи. Отчаяние без единого просвета. Не было алкоголя, слез. Ничего не было. Пустота. Многоточия. А они — предвестники последней точки. И вдруг появилась Водопад. Снесла мощным потоком угрозу окончательного разложения.

Она доверила меня тете Эльзе, обняла и уехала. «Мам, дай ему время». Я влился в нечто неосязаемое. Была теплая осень с уютными закатами, муторошной рябью невысказанных чувств. Запах вечера, ударяющий в нос, когда я выходил на веранду. До поздней ночи мы с тетей Эльзой сидели в тишине за маленьким деревянным столом, она неспешно загружала в чайник фруктовый ройбуш, каркаде и лакричник, заливала их кипятком, засекала семь минут. Потом мы пили это настой из кружек с потрескавшейся золотистой каймой, учились улыбаться пасмурному небу через печаль.

Тетя Эльза лечила молчанием. Таким наполненным молчанием, когда суть не в словах, а в присутствии рядом.

— Многоточие — это ведь приближающийся конец?

— Совсем нет, сынок.

— Но в нем большая доля сомнений...

— Неопределенности. А даже в самой туманной неопределенности есть надежда. Я не такая уж большая оптимистка, но я верю в то, что люди сильнее обстоятельств.

Полночи после этого разговора я не спал. Искал ее в воспоминаниях, прислушиваясь к абсолютной тишине за окном. Я думал, смогу ли дальше жить наедине с утраченным, не ища своего отражения в других глазах? Смогу ли я вынести самого себя, развернуть в себе продолжение?

А днем мы вместе нарезали невымытые яблоки для вина, дышали бризом прохладного моря, который заигрывал на столе с яблочными косточками. «Тщательно вырезай сердцевину, иначе вино будет горчить. Нам еще гвоздику надо перебрать, подсушить. Яблочное вино без нее — как компот без сахара». В перерывах тетя Эльза

зачитывала мне афоризмы Жюль Ренара, научившего ее улыбаться несправедливым законам жизни. «Если бы строили дом счастья, самую большую комнату пришлось бы отвести под зал ожидания... Когда-то благодаря этим словам я закрыла двери, которые долго держала открытыми. Глупой была, растрчивала себя в ожидании того, кто никогда не пришел бы. Женщин хлебом не корми, а дай поиграть в романтическую героиню. Нельзя дорожить чем-то и думать, что оно не изменится. У всего есть свой срок годности. Да и, в конце концов, нет ничего честнее одиночества».

Я вернулся в город другим. Не произошло еще полного исцеления, не отпустил все и сразу, не подал заявку на новую жизнь. Мне не стало хорошо, но точно полегчало. Я возвращался туда, где потерял ее, с осознанием, что пора учиться жить дальше. Без того, что было и чего больше не будет. Не знаю, получается ли у меня, но порой кажется, что вся моя дневная активность не имеет ровным счетом никакого смысла. Все действия не привязаны к причинам и результатам. Ибо «почему» и «зачем» бессмысленны.

20

Она молчит. Водопад иссяк. Еще каких-то несколько недель назад он сливался с жизнью в бурный поток, стремительно бегущий куда-то на юг, ближе к свету. Теперь — ничего. Где привычный шум? Вместо него тишина.

Она вспоминает о Гураме. «Когда у него случалось затяжное плохое настроение, он просто уходил в горы. Недели на две. А когда возвращался, то они целый год не ссорились. Сейчас я смотрю на эту самую гору. Жду, когда он появится, сойдет с каменистой тропы, и все покажется другим. Об этом хорошо Борхес писал: тонкий и сладкий привкус воспоминаний, память о будущем по имени надежда... Тропа пуста, одни камни. Гурам заменил мне отца. Для мамы он был ее противостоянием всему, что не получилось изменить, но так хотелось».

В нас море, много ветра. Я накидываю на голову Водопад капюшон ее куртки, но она сбрасывает его: «Пусть мысли проветрятся». Волосы разлетаются в порывистом теплом вихре.

Вторые сутки без еды. Сегодня вечером мы через силу съели по одному киви. В остальное время — кофе и сигареты. Это выходит естественно — единственное, в чем есть нужда, когда воспоминаний по горло. Только от кофе и сигарет не тошнит. Они заполняют, пропитывают свежестью первых ощущений, будто все только что произошло. Ощущение такое, как когда все главное уже давно закончилось, прошлое оплакано, но вдруг вздрагиваешь от случайного профиля на улице — и все начинается сначала.

— Смогу ли я когда-нибудь думать об этом без боли?

— Конечно, сможешь, Водопад.

— Но когда?!

— Когда доведешь тоску до высшей точки, и все уйдет, правда, неизвестно, с тобой или без тебя. Или когда много раз вернешься, отпуская понемногу. Быстро преодолеть боль невозможно, не получится.

— Знаешь, сейчас так хочется хотя бы на часок такую маленькую карманную фею, как из старого диснеевского мультфильма про спящую красавицу. Чтобы она сказала «бибиди-бабодибум» и все-все сложилось, разладилось. Вернулось. Пусть не все, но главное.

Фредик, поскуливая, скребется у двери в погреб. Просит открыть ее, чтобы он спустился туда, где так часто бывала его хозяйка. Где все еще запах, заготовки на зиму, хранящие тепло ее рук. Варенье из алычи, айвовая пастила, вина из фруктов, настойки из белой сирени, бутылки с соком незрелого винограда.

— Не знаю, что делать с домом, псом. Со всем, что осталось. Это отчасти и мое, я же здесь выросла, прожила столько лет... Но у меня есть другая жизнь там, в городе. Как бы все то же, но другими словами... Продавать, раздавать не стану, рука не поднимется. Как можно продать себя саму? Во всем этом частичка меня.

— Ты же говорила, что в последнее время тебя тянет сюда?

— Да, но здесь много «но». Точнее, одни «но». Там работа, друзья, устоявшаяся жизнь. Своя жизнь, к которой я стремилась с институтской поры. Когда все свое, приобретенное исключительно своими силами. Так долго я к этому шла. Переехать сюда жить — это потерять все, понимаешь? С другой стороны, я жутко устала от

большого города. Жить вдали от шума-гама для меня несбыточная мечта...

— Если это тебе по-настоящему необходимо, то переедешь. Думай, Водопад.

Мне так много хочется рассказать ей про мечту. Что ее нельзя откладывать на потом, что отказаться от мечты из-за «чего-то важного» — это на самом деле отказаться из-за собственной трусости. Не поверить в свои силы, предпочесть привычное теплое болото. Сдерживаюсь. Она должна сама прийти к своему решению. Любой выбор мы делаем сами. Да, он зависит от обстоятельств, знания, возможностей. Но на что бы мы ни опирались, совершая этот выбор, — жить с результатами потом нам.

Я проскальзываю на кухню, пока Водопад открывает дверь Фреддику. Ей нужно поесть, хотя бы бутерброд. На холодильнике — заметки тети Эльзы. Часть из них — рецепты. Мелкий почерк, вычурные заглавные буквы. «Клубнично-апельсиновое варенье с ревенем... Ревень очистить, нарезать маленькими кусочками. С апельсина снять цедру, выжать сок. Клубнику порезать на четвертинки...» Под одной из заметок стикер голубого цвета. На нем то, что наверняка адресовано Водопад. «Ты научилась». Хотя, может, это просто неоконченная записка?..

21

Когда-то я был трезвенником времени. Делал ставки исключительно на настоящее. Не задумывался о том, что было хорошо, потому что «хорошо» — это слишком невнятно. Всегда находится что-то лучше, чем то, что есть. Счастье еще, что мы не сразу это понимаем.

Спокойным шагом вдоль берега. Прибой смывает наши следы на песке. Каждый день причащает к чему-то неизвестному. Все происходящее сейчас для меня немного странно, непривычно. Я слишком спокойный, трезвый, словно высвободился из-под гнета того, что еще неделю казалось основой моего характера. Нет цинизма, блядства, отчаяния. Расплетаются буквы — даже получается согреть словами ближнего. Не очень скучаю по большому городу. Зато не покидает ощущение того, что меня там кто-то ждет. Так всегда, когда находишься на расстоянии. Море доносит сигналы с искажениями. Возвращаешься и понимаешь: все по-прежнему.

В воздухе пахнет цветущим лохом. Тетя Эльза называла это дерево дикой маслиной. Заставляла нас с Водопад съедать его маленькие плоды в желто-оранжевой кожуре. «В нем витамина С больше даже, чем в лимоне...» Мы их называли «ватками» за белоснежное мучнистое нутро. До сих пор помню сладко-вяжущий вкус и тетю Эльзу, которая нахлобучивала на наши головы соломенные шляпы. «Солнце не щадит, перегреетесь». Мы их не любили, жесткие, колкие. Да и нам, жителям дождливого мегаполиса, солнца хотелось много-много, чтобы волосы, чуть подсохшие после моря, пахли солью, а кожа наливалась бронзой.

Водопад все еще плачет, но в ее печали с каждой слезой больше света. Четвертый день мы здесь. Гуляем по воспоминаниям, прикасаясь к ним. Отпускаем то, что было. С улыбкой, без горечи утраты.

— Странно. Потеряв самого главного человека своей жизни, я в кои-то веки чувствую, что жизнь наполняется чем-то новым, совершенно неожиданным. Необъяснимое ощущение.

Я обнимаю Водопад, воротник ее ветровки пахнет корицей. Она тихо шепчет:

— Все так запутанно. Но я вижу много света... Что теперь будет, скажи?

Трудно подобрать верный ответ, из глубины нутра будто крылья рвутся с громким сахарным треском. Самому непривычно, такого еще не было. Где моя безнадежная, привычно опустошенная среда?

Я знаю, это шалости моря! Те самые искаженные сигналы. Хотя... Иногда события приближаются так стремительно, что не успеваешь их разглядывать, запоминать. Слова вертятся где-то там, между шестым и седьмым небом, мысленно себе обещаешь — я обязательно про это вспомню, когда будет минусовая температура и завалит снегом, но так и не вспоминаешь. Высушить бы эти дни на солнце, собрать в полотняные мешки и увезти с собой, чтобы использовать их тогда, когда начинаешь хилеть.

Пьем чай на старом шатком пирсе с деревянными кабинками. В них большие окна со скрипучими ставнями, на которых сидят чайки. Водопад угощает птиц бубликами. Она такая красивая, настоящая. Волосы собраны чуть ниже затылка, пахнут ветром, голос шершавый и музыкальный, как звуки давно молчавшего пианино, на запястьях звенят браслеты из мини-кокосов, на краешке верхней губы родинка. Мой близкий человек. Что я сделал хорошего для вселенной, что она так расщедрилась, подарив мне тебя, Водопад? Когда случается что-то плохое, мне хочется к тебе. Выпить с тобой крепкого сладкого чая, покурить на большом, вечно захлабленном, подоконнике твоей кухни. С тобой мне удастся разорвать крепкую ткань событий, переиначить, перекроить и заново наложить швы. Конечно, они тоже кровоточат, но не так болезненны.

Когда она ушла, пришла ты. Постучалась в мою дверь, шагнула в прихожую, сняла заснеженные угли, намотала свой шарф мне на шею и прошла на кухню. Без единого слова. Вернулась с кружкой обжигающего чая. Тот самый, наш любимый. Много заварки, много сахара. Ты со мной пробыла ровно неделю — уходила утром на работу, возвращалась вечером с работы. На восьмой день ушла, оставив записку на двери холодильника: «Надо идти дальше. Вариантов нет». И с тех пор я иду, прихрамывая, пошатываясь, периодически останавливаясь, но все равно продолжаю путь.

Даже ужасные события имеют свои плюсы. Мы оба, потеряв важные составляющие наших жизней, пытаемся вернуться в жизнь. Нам повезло — с нами море, солнце, чайки и свет от воспоминаний. Осталось удержать факел надежды в руках, не уронить при подземных толчках грядущего.

22

Выходим из очередного здания очередной госструктуры с кипой бумажек. Нам предстоит собрать коллекцию подписей и печатей. Как в компьютерной игре, уровень за уровнем. Чертова бюрократия! Воздух обжаривает мысли до темно-коричневой корочки, все кругом чихают и в один голос жалуются на тополиный пух. Прямо как дети малые, столько лишних слов. Тополиный пух — не то чтобы зло, а просто такой очевидный жизненный факт, как жара летом или снег зимой. Полетает, помучает с недельку, перестанет, зато следом наступит облегчение. И липы зацветут.

А я и Водопад задыхаемся в душных коридорах всяких комитетов, фондов — это намного неприятнее. Люди, работающие в них, угрюмые, грубые как на подбор. Ничего человеческого, ни тени сострадания. Никто не войдет в твое положение, каждый останется в своем. Еще чуть-чуть, и я взорвался бы. Но Водопад опередила меня. На раскаленной автобусной остановке, пока ждущие автобуса прячутся от солнцепека в тени лайтбоксов, она возмущается, жгучие слезы бегут по ее щекам, а я стою рядом, прикуриваю для нее сигарету.

— Когда человек ведет себя как последняя свинья — это нормально. Это бывает со всеми, никто от этого не застрахован. Поэтому обижаться бессмысленно. Но когда кто-то ведет себя как интеллектуальная, аристократическая и высокопоставленная последняя свинья — это мертвого выведет из себя! Ну почему нельзя нормально, по-человечески?!

Она не умеет выражаться грубо, это не ее форма выражения эмоций. Но сейчас ее прорывает. Я слушаю, жду, когда она выльет то, что последние часы копилось в ней, а потом кладу руку на плечо подруги. «Прошло, Водопад, прошло».

Она вдруг потерянно озирается, будто выходит на свет из темного склепа, заглядывает мне в глаза, как потерянный котенок.

— Я тебя люблю за это «прошло». Это всегда убедительно. Что бы я без тебя делала, а?!

— Что-что, жила бы! Ну правда, не надо злиться. Это все равно, что разбить сервис и возмущаться, что он не железный. Кстати, ты знала, что самое большое блюдо в мире жареный верблюд? Он фаршируется бараниной, которая фаршируется курятиной, которая фаршируется рыбой, а та, в свою очередь, заполняется мелко нарезанными вареными яйцами. Представляешь, такую порнографию бедуины готовят на свадьбах!

— Ты к чему это сейчас сказал?

— А давай отложим все эти бумажки на завтра и пойдем нажремся фастфуда? Самый вредный из вредных.

— Из верблюжатины?

— Если встретим верблюда, и его съедем.

Через десять минут мы улетаем бигмаки, нагетсы, запиваем их ледяной колой. Сейчас не хочется думать, как это вредно. Такие мысли портят все удовольствие. Люди, умеющие отдаваться своим, порой безумным, порывам, знают цену счастью. Мы вспоминаем о том, как в самый разгар летней сессии умудрились всей компанией ездить на залив. Там — ночи длиной в день, посиделки у костра с гитарами, запеченная в золе картошка, пропахшие дымом волосы и сухой песок в обуви. В воскресенье глубоко за полночь мы возвращались по домам, а в понедельник успешно сдавали экзамен. На целую группу было максимум два «среза». Тогда нам покорялись все вершины, а с них не проглядывалось и возможности поражения.

С годами утрачивается легкость шагов. Не принимая в расчет, что нельзя стать победителем, не научившись проигрывать, — сотню раз измеряем, обдумываем, анализируем, что попросту вредит делу. А полезно напрочь забыть про «можно» с «нельзя», и безо всякой задней мысли радоваться чему-то простому, наслаждаясь вкусом жизни. Временами надо позволять себе увлечься ничегонеделаньем. Без спешки идти мягким шагом под вальс из снежинок, а не бежать сломя голову; просто сидеть на стуле и смотреть в окно, как строят дом напротив; просто не разговаривать, закрыть глаза и обняться.

Мы разучились разглядывать скомканные пролетающими самолетами облака. Мы стали заложниками эгоцентричных теорий, умных слов, описывающих чужой опыт, идей, выдающих общее равнодушие, бесцветных реалий повседневности. Мы больше не всматриваемся в закаты, нам интереснее рекламное предложение в журнале. Надо бы чаще заглядывать в себя. Для этого не нужно денег или особых условий. Все очень просто. Остановиться и аккуратно заглянуть внутрь, где тихое сердце уже отчаялось нас звать... Но нам проще оправдывать свое неумение жить занятостью. Я и сам такой.

23

Водопад порывалась проводить меня до аэропорта, я не разрешил. Ей и так грусти хватает. Сходили утром на кладбище, я подарил тете Эльзе ее любимые каллы. Потом такси, самолет. Снова иллюминатор, на этот раз в нем солнце. Я обнял ее напоследок крепко-крепко, быстро. В искусственной спешке. «Увидимся». Тяжело прощаться.

Самолет ворвался в небо, я оглядываю сверху здание маленького аэропорта и знаю, что Водопад стоит там, перед огромным окном, смотрит мне вслед. Становится грустно. И грусть какая-то не светлая, с не очень правильной реакцией на временное расставание. Знаю ведь, что очень скоро мы увидимся, за это время мало что изменится. Не зря говорят, в каждой разлуке скрыта новая встреча.

Водопад в начале следующей недели вернется в большой город, чтобы подготовиться к переезду. Она решила не продавать дом: «Здесь мое детство». Я поддержал ее, верное решение. Думаю о ней. Все же время, взросление делает человека печальнее. Да, конечно, бывают люди, которые к среднему возрасту осознают тщетность пролитых слез. Но они все равно никогда не высохнут в наших глазах, что ни делай. И тогда эти мудрые люди меняют свое отношение к настоящему, только бы прожить второй отрезок жизни с улыбкой внутри. Убежденно счастливые люди когда-то непременно были несчастными.

А вот такие, как Водопад, негаснущие спички, в конце концов, попадают под дождь — если не повезет укрыться, пламя погаснет. Так хочется стать зонтом для нее, держать ее руку в своей руке. Умолять, чтобы она не переставала улыбаться. В институте я поражаюсь стойкому иммунитету Водопад к негативу. Даже в шутку грозился сделать ее объектом специального биологического исследования. «Необходимо выделить твои стволовые клетки и произвести вакцину. Вводить всем в самом раннем возрасте, чтобы спасти человечество от депрессии...» Рядом с ней все оживало. Сейчас она больше молчит, больше курит и больше отчаивается с каждым днем.

Перед моим отъездом мы готовили с Водопад те самые мегрельские хачапури. Она раскатывала тесто до объема большой тарелки, я посыпал натертым сулугуни и, подравняв края, отправлял в духовку. Не дожидаясь, пока хачапури остынут, мы делили их и, обжигаясь, таскали от сочных «треугольников» по кусочку. Запивали зеленым чаем с мятой. Остаток вечера курили на веранде под лунным небом, рассуждали о счастье.

— А мама постоянно повторяла, что счастье — это свойство характера. У одних в характере его все время ждать, у других непрерывно искать, у третьих — повсюду находить. Интересно, мы с тобой в каких группах?

— Ты же знаешь, я не люблю классифицировать, все слишком индивидуально.

— Тогда скажи, как у тебя?

— У счастья много обличий, не всем нужны пенные ванны да ароматические свечи. У меня нет определенных условий... Вообще у мужчин все иначе.

— Разве счастье делится по половому признаку?

— Мужчины, в отличие от женщин, отправляются на поиски счастья самостоятельно. Конечно, мы ленивы и действуем только тогда, когда не действовать уже просто невозможно. Но, начав, мы сворачиваем горы, чтобы достичь своей цели. А вы, женщины, будто бы ждете, когда вам включат свет в темной, незнакомой комнате. И воображаете себе, как там все будет прекрасно расставлено. Разве не так? Любая женщина ждет того, кто возьмет за нее ответственность, и ни одна не любит принимать окончательные решения.

— В твоих словах есть доля правды. Но всегда есть исключения. Я, например, давно не цепляюсь за идею принца. Сама иду туда, куда нужно, даже если не хочется. Сама отвечаю за то, что выбираю и имею. Мне не нужен мужчина, который будет просто принимать решения. Другой момент, что мне хочется поддержки, делиться и хорошим, и плохим. Но и здесь свое «но». Наши желания не обязательно диктуются условиями, в которых мы выросли, живем. Я вот никогда не мечтала выйти замуж, родить ребенка, вести хозяйство, полировать дверные ручки, печь ватрушки по воскресеньям. И в юности у меня не было лихорадочного желания найти мужчину, посвятить ему жизнь. Плевала я на общепринятый шаблон. За глянцевого идиллией зачастую скрываются несчастливцы.

— Я о том же. Я тоже за индивидуальный подход...

— Но, признаюсь, я ждала — нет, не принца, а просто своего человека. Именно своего. Ждала ждала, а потом поняла, что счастье свое надо искать. Мысленно притягивать... Правда, поняла поздно... Но я все еще в поиске.

— Правильно, Водопад. Ты меня не слушай... Я же сам люблю ту женщину, которая ко мне не вернется... Давай еще чаю?

— Давай. Только выкурим еще одну — на двоих?

24

Я заметил их еще в аэропорту, между ними чувствуется особое электричество. Теперь они сидят позади меня. Она на стороне иллюминатора — ее кусочек неба, как и мой, расплосован длинными волокнистыми облаками, как матроска. У нее смуглая кожа, тонкие руки с позвякивающими тонкими браслетами, горькая морщинка на лбу рассказывает о том, как когда-то была упущена мечта. Короткое платьице, свободно падающие темные локоны, открытая улыбка. Он — с громким голосом, крупный, эффектный, красиво седеющий. У него пронизывающий взгляд из-под густых бровей, чеканный профиль со слегка выпяченной нижней губой, будто он совершенно по-детски обращается к миру с вопросом: «Почему все не так, как я хочу?»

Он к ней привязан, сразу видно, прямолинейно, горделиво. Она к нему тоже, но иначе, нежнее, аккуратнее. Будто бы украдкой. И он осознает это преимущество — его чувства басом накрывают ее чувства шепотом.

Слышу обрывки их разговора. Спорят. Соседка рядом, пожилая словоохотливая бакинка, успела рассказать мне про свои еврейские корни, а теперь показывает журнал с фотографиями семьи президента Азербайджана. «Посмотрите, какие дочери красавицы! В маму. Если бы мир поделился на мужской и женский, то в женском должна править Мехрибан Алиева. Лучшего президента-женщины не придумаешь...» Я охватываю глянец быстрым взглядом — и вправду, красивая семья.

Семья позади не менее красива. Однако под красивой картинкой потрескавшийся холст. «Вечно ты всем недовольна, я же тоже не железный! Хватит ходить с кислым лицом!» — шепчет он зло, неприятно, словно насмешничает. «А вот я такая! Не нравится? Зачем же ты женился на мне, зачем проходу мне не давал?» — ее голос прерывается от обиды. На самом деле ей очень больно, я чувствую это, но она храбрится, продолжает задирает своего мужа: «В доме ваз не хватало для букетов! А теперь — сам ты помнишь, когда в последний раз приносил цветы?» — «А ты когда со мной говорила об этом по-человечески? Зато после каждой нашей ссоры

сопливые статусы в фейсбуке! Там твоя семья или здесь?»

Я верю в отношения, не верю в брак. Мне не по душе торжественная волокита с документами, штампами, подписями своими и подписями свидетелей. Как зафиксировать то, что рождается вне, а зачастую и против законов мира? Моя бабушка говорила, что брак — это общий дом, фундаментом которого обязательно должна быть любовь. По мне, так сегодня брак — такой небоскреб, что его фундамент давно похоронил все хорошее. Может, я предубежден — мои родители не были счастливы друг с другом, и я вырос в никчемном союзе двух уставших друг от друга людей. Кто-то известный писал, что мужчины женятся со скуки, женщины — из любопытства. И те, и другие в результате испытывают разочарование. Пожалуй, это самая общая история.

Я знаю только одну причину разрушившихся отношений, она совсем не связана со штампом в паспорте. Недосказанность. Все начинается с нее. Слова, эмоции, подозрения, сомнения сдерживаются, остаются внутри, гниют. Так может продолжаться несколько лет, потом взрыв — и ничего, кроме пустоты. Конечно, бывают удачные браки, когда смотришь на людей и понимаешь: вот оно, то самое, выше всего. И эта удача — плод терпения. Если не забывать о нем в сложных ситуациях, то выиграешь больше, чем проиграешь. Но не у всех есть терпение — особенно в наше время, когда, чтобы оставаться на месте, нужно бежать. Ну а в любви без терпения никак. Ведь любовь так похожа на спортивные тренировки. Когда, как часто и в какой последовательности — ты сам себе тренер. Сделать колесо на первой же тренировке не получится. А хочется.

Стюардессы раздают еду. Моя болтливая соседка, сдирая пленку с пластмассовых мисок, на время затихает. Семейная пара сзади выбирается в проход — сначала он, потом она медленно перемещаются посреди жующих пассажиров к носу самолета. Где-то на середине салона он неожиданно останавливается и притягивает ее, грустную и задумчивую, к себе. Она сначала упирается, удивленно смотрит, а затем расслабляется, кладет руку на его плечо. Прощение несколько не требует, чтобы ты понимал человека, которого прощаешь.

Все-таки женщины намного лучше мужчин. Мы безмозглые эгоисты, самовлюбленные нытики. Слишком многое мы делаем ради общественного мнения. А женщины до последнего верят в нас и, я уверен, что многие, поделись я с ними своими мыслями, сказали бы: «Нет, мой Ваня (Вано, Йохан, Джон, Хуан или Яхья) не такой!» Они способны находить нам оправдания — вот в чем их абсолютное преимущество.

25

Город продуваемых насквозь улиц. Погода расслоилась — к лету пришили невидимую подкладку из осени. Если взглянуть со стороны, то вот эта женщина тоже под солнцем, как и все остальные. Но только она чувствует, как дождь стекает по ее волосам, проникает сквозь одежду, капает с ресниц на щеки. Имитация невыплаканных слез. Наверное, Богу смешно смотреть с неба, как разрушается последняя надежда одного человека.

Легкий ветерок треплет паутины на подоконниках, шелестят сочно-зеленые листья деревьев. Нескончаемый поток людей, и в нем идет она — женщина с маленькой девчушкой, у которой улыбка светлее любого солнца. Только сейчас она не улыбается — всхлипывает.

Кто-то идет за своим, пусть маленьким, счастьем. Кто-то доедает остатки последних дней жизни, в которых тоже были мечты, стремления, попытки обрести то, в чем, казалось, был недостаток. Жизнь никогда не руководствуется правилом «всем поровну». У одного прибывает, у другого убывает. Смешна иллюзия равновесия.

В материнских объятиях малышка перестает плакать. Обхватывает крошечной ручкой мизинец, закрывает глаза. Она прислушивается к маленькому сердцу. Бьется. Короткие тревожные удары. Врач сказала, что надежды нет, легкие отказывают. Медицина бессильна, медицина не знает, не умеет. «Два дня. В лучшем случае». Она со скандалом забрала ребенка из больницы, подписав все мыслимые бумаги. Она берет за себя ответственность — ну а кто же еще? Кому, если не ей жить с этим? Будто врачи обещали вернуть малышку к жизни, а она, неразумная мать, лишала дочь шанса дышать дальше. Во всех больницах города говорят о пустых надеждах. «Поймите, женщина, если вы ее заберете, она сразу умрет». Ребенок должен быть с матерью, даже если следующий шаг — неизвестность. Люди дышат иллюзиями. Абсолютно все. Путают иллюзии с

надеждами. Иллюзии — воздушные змеи, запускаемые в небо будущего. Рано или поздно их унесет ветром.

Она не занимает даже четверти скамейки — исхудавшая, изможденная, испепеленная. Что внутри? Ничего. Вроде теряешь самое главное, вроде конец, вроде последняя точка. Где бунт, истерики, терзания? Такое в кино показывают, когда героиня плачет над мертвым телом героя. Первый кадр — слезы на глазах крупным планом, второй — план сверху, когда героиня бьется в отчаянии над телом усопшего, а вокруг свет сквозь пыль и руины завершившихся боевых действий. Может, сюжеты и берутся из жизни, но не из этой точно.

Она смотрит в лицо реальности, абсолютно ничего не чувствует. Нет ни уныния, ни сожаления. Вообще ничего. Затихли страхи. Все последние месяцы прошли в непрерывающейся борьбе. Не складывала руки, верила в чудеса, подпитывала в себе надежду. Успокаивалась мыслью, что, преодолевая страдания, приближается к новому счастью. Все напрасно. Теперь она один на один с собственным концом. Во двореке рядом с больницей. В старомодном однобортном плаще, в туфлях со стертыми каблуками, держит в руках ребенка, завернутого в бордово-белое одеяло.

Вдоль больничного забора бегут прохожие, многие из них улыбаются лету, высокому небу и пережитым, оставленным в прошлом, диагнозам. Она не испытывает ни злости, ни зависти. Мысленно ставит себя на их место. Ведь у нее все могло бы быть иначе. Она тоже могла бы добиться нужного, теплого, простого и понятного человеческого счастья — уютных вечеров, семейных походов в кино, наряжать елку задолго, за два месяца, до Нового года и смеяться над разбитыми шарами. Так могло бы случиться — то есть это было возможно, но сейчас уже нет.

Встает со скамейки, идет неуверенным шагом в сторону подземки. На улице дети-попрошайки. Смуглые, лохматые, грязные. К ней пристает девочка с глазами, как черная смородина. Белые зубы, торчащие из-под засаленных волос уши. «Я есть хочу. Тетя, дай денег!» Девочка, скорее всего, врет — у женщины, чуть поодаль продающей семечки, такие же смородиновые глаза. Но она сама мать, она вытаскивает из кармана плаща все мятые купюры, отдает попрошайке.

Вдруг, встав на эскалатор, она чувствует, что сердце ее задремавшей малышки замерло. Останавливается, целует дочь в губы. Холодные, дыхания нет. Ее глаза мертвеют. Она механически доходит до полупустой платформы, час пик давно закончился. Из тоннеля несется поезд. Шум приближающегося состава. Шаг вперед. В противовес внутренней пустоте.

26

Мокрая майка, три сигареты подряд, босиком по накалившейся за день плитке, мысли оставляют царапины на сердце. Я стою на балконе, смотрю в окна отеля напротив и по-детски боюсь вернуться в спальню. Там снова тот сон, та трагедия, затерявшаяся в тысяче других трагедий большого города.

Мы привыкли к плохим новостям, мы блокируем ссылки о чужих бедах, прячемся от так называемого негатива. «Его так много вокруг, так пусть хотя бы в нас он не проникает». Оставаясь безразличными к тому, что на расстоянии, мы не верим в то, что несчастье однажды коснется нас самих.

В поисках выгоды легко жертвуем интересами других, тогда как собственные жертвы раздуваем до вселенского масштаба. Вот-вот отучимся узнавать злой, бессердечный эгоизм в попытках оправдать свои ошибки. В нас стало слишком много оглушительной пустоты. Бесконечная болтовня, не подкрепляясь поступками, обесценивает само человеческое.

В моей голове сбилась последовательность времени, теперь все события я вижу целиком, поэтому не знаю, с какой стороны подойти к ним, чтобы были начала и концы. Чтобы жизнь стала последовательной. Мой самый жуткий страх — я сам. Вернувшись домой, окончательно осознал: хочу впустить новые планы в свою жизнь. Для чего возвращаться в прошлое, если все равно не заберешь тех, кто там остался? Отпустить не значит предать. Переложить воспоминания на самую верхнюю полку сознания, возвращаться к ним со светлыми побуждениями.

А пока меня мучает сон с последним днем той женщины из больницы. Стоит закрыть глаза, и он проецируется на изнанку век с точностью до мелочей. Будто я снова нахожусь в этом кино, одновременно наблюдая за происходящим со стороны. Движущаяся картинка дробится на стоп-кадры. Проживаю последний день с ней. Фильм обрывается в тот миг, когда она подходит с остеклевшим взглядом к платформе. Ко мне, стоящему в двух шагах от нее. Внутренний голос кричал, возьми ее за руку, она бросится под поезд. Но что-то меня остановило — городское равнодушие или другая необъяснимая сила?

В тот период я потерял в жизни главное. Ничего не хотелось видеть, слышать. Только быть одному без слов. Переживал конфликт с несправедливостью мира. Но то, что случилось у меня на глазах, с одной стороны, сдавило меня еще сильнее, с другой — обратило лицом к реальности. Будто эта смерть пробудила во мне мощный поток, о котором я до сих пор не догадывался. Может, желание жить заново? Не знаю. Но я знаю, как это можно выяснить. Разыщу семью той женщины, там и свою правду найду. Не зря говорят, что правда всегда себе дорогу пробьет. Этот сон, каждую ночь затягивающий меня обратно в тот день, ведет меня.

Бросаю очередную сигарету, возвращаюсь в спальню, открываю лэптоп. О самоубийстве женщины с грудным ребенком писали в Интернете. Нужно найти ее имя и фамилию, а потом по пиратской городской базе ее адрес. Наверняка у нее остался кто-то из родственников. Если сегодня все разузнаю, то завтра же отправлюсь на поиски. Не могу больше засыпать, зная, что увижу тот день. В жизни может случиться что угодно, но когда на руках матери умирает ее ребенок, это трудно оправдать фразами вроде «что ни делается, все к лучшему» или «значит, так должно было быть».

Я должен узнать эту историю до конца. Я должен узнать ее. Внутри засела уверенность в том, что отыщу разгадку. В сердце каждого человека заложена сила, помогающая получить желаемое. Она не даст покоя, пока ты не дойдешь до той самой точки, к которой стремился. Все возможно при одном условии: по-настоящему хотеть того, к чему идешь.

27

В круговерти мыслей так и не сомкнул глаз. Просидел в гостиной под лунным светом. Думал о том сне, силясь понять, в чем его смысл, почему он постоянно в моем подсознании, будто подталкивает к чему-то важному. Вопросы за вопросами и полное отсутствие ответов.

Вырывает меня из непрекращающихся размышлений шорох за входной дверью. Кто-то отпирает ее ключами. Я не сразу понимаю, кому я понадобился так, чтобы являться незваным, да еще со своими ключами, без стука? Выбираюсь из кресла, направляюсь в прихожую. Черт, а за окном самый разгар дня, значит, уже пятница, значит, вот-вот придет Рыжая. Точнее, уже пришла. Худосочная и угловатая, она заходит тихо, с опущенной головой, кладет сумку у двери, снимает обувь. Старые брючки, потрепанная майка, лицо бледное. Зато блестящие оранжевые волосы. Увидев меня, вздрагивает, как от привидения, прижимается к стене: «Ой, простите... Вы дома?» Краснеет, вытирает маленькой ручкой пот со лба. Я же почти голый. В одних трусах. Совсем рехнулся, выпал из реальности. «Проходи-проходи».

Прячусь в комнате, одеваюсь, шарю по поверхностям в поисках сигарет. Где же они? Новая пачка была на столе, но как здесь что-то найти? Давно не видел Рыжую.

Почему-то именно сегодня заметил ее изящество, совершенно детскую робость, добрые глаза цвета поджаренного миндаля. Второй год она работает у меня, а я даже не знаю, как она живет. Ни разу не интересовался, как у нее дела, не делал подарков к праздникам, даже имя ее забыл. Рыжая и все. Так нас часто просят о чем-то, а мы, поглощенные своими неурядицами, не сразу вникаем в то, чего от нас хотят. А когда наконец понимаем, то ответ уже не требуется, просто от нас уже давно ничего не ждут.

В детстве мне часто приходилось вешать белье: я всегда старался нанизать на веревку все прищепки — чтобы оставшиеся не обиделись. Когда же из чуткого ребенка я превратился в циничную скотину?.. Из-за спины неслышно вырисовывается тонкая рука с сигаретной пачкой: «Вы не их ищите? На подоконнике лежали». Беру сигареты, она сразу исчезает. У нее мелкие шажки и коричневое родимое пятно на правой пятке. Рыжая напоминает маленькую, но сильную гору у реки, у которой против воды есть маленькие, но тяжелые камни. Не

сказав ни слова, она приступает к уборке, а я открываю laptop.

Я должен отыскать семью той женщины. Иначе не смогу найти что-то важное в себе. Или, быть может, в своем прошлом. Да, прежде чем узнать правду, надо как следует подумать, что с ней делать. Недосказанность иногда бережет. Но сейчас — другое. Я словно в двух шагах от нового старта. Верю, что скоро все решится, и никаких весомых препятствий на пути к этому решению нет. Ни в коем случае нельзя упускать время, пока есть решимость. Обычно она быстро утекает сквозь пальцы, оборачиваясь сомнениями. И мы снова начинаем топить себя сами.

28

Совсем окраина. До ближайшей станции метро трястись сорок минут в переполненном автобусе. Он отходит раз в полчаса. Когда жарко, люди вынужденно задыхаются в железной коробке, дожидаясь времени отъезда. Если выйдешь на минутку, место моментально займут. Поэтому, пока автобус не двинется и не потянет из окон, нужно находиться внутри — тяжело дышать, обливаться потом, соприкасаться с липкими телами.

Заброшенный двор. Цветущие сорняки, ржавая железная беседка, в ней играют потрепанными куклами девочки. Вонь от переполненных мусорных ящиков, примыкающих к пятиэтажке кирпичного цвета. Захожу в подъезд. Двери квартир открыты, на лестничных клетках кипит жизнь. Сушится белье, расставлены столы, на них — тарелки с остатками еды, сонные кошки, пожелтевшие газеты и детские игрушки. Много шума, еще больше застоялого запаха, мало света.

На лестнице первого этажа сидит девица лет пятнадцати. Сутулая, бледная, с роскошными волосами темно-сливового цвета. Блестят. Они будто чужие, краденые, не соответствуют общей картинке, выбиваются из окружающей бедности. Играет с зажигалкой. Как только вспыхивает пламя, задувает его. Потом снова нажимает на кнопку, удивляется огню и моментально избавляется от него.

— Подскажи, где здесь квартира сорок три?

Она поднимает на меня безразличный взгляд.

— Вы бабу Владу ищете? Третий этаж, слева.

Поднимаюсь, обходя коробки с пустыми банками, тазики с бельем, кривоногие табуретки. Белая дверь, на ней ручкой мелко написано «43». Краска потрескалась, жирные следы от рук. Стучу дважды. Тишина. Дверь, оказывается, не заперта. Заглядываю: «Кто-нибудь есть?» Тишина. Темная маленькая прихожая, ведущая в комнату. С правой стороны — маленькая кухня и дверь, кажется, в туалет.

В этой квартире словно нет жизни, хотя, видно, когда-то она была. Сложенная коляска без колес под вешалкой, чуть дальше коробка из фанеры, в ней пыльные мягкие игрушки, пара штук выцветших ползунков. На столике рядом несуразный кусок зеркала, под ним коробки с таблетками.

— Бешир, это ты? Дай мне воды.

Голос пожилой, измученной женщины. Я захожу в комнату, откуда донесся голос. Темно, шторы плотные, практически не пропускают дневного света. Хорошо, что входную дверь оставил открытой, хоть какое-то освещение. Увидев меня, хозяйка нисколько не удивляется. Она лежит на раскладном диване, накрытая до груди одеялом, точнее, тонким ковром с проплешинами. Рядом с ней две табуретки, на одной — пластмассовая бутылка с водой и пакет с таблетками, другая — пустая.

С минуту осматривает меня бездумным взглядом, после чего отворачивается к стене, на которой приклеена чуть размытая фотография. Той самой женщины с младенцем. «Присаживайтесь». Влада не так уж стара. У нее мало морщинок, волосы не совсем седые, руки чистые, почти гладкие. Но у нее старые глаза. Да, глаза затухают. Когда реальность смывает последние капли надежды и больше ничего не остается впереди.

— Я ждала тебя. — Вдруг раздается у стены глухой голос. — Знала, что придешь... Во сне видела... Остальных дел у меня здесь не осталось, только тебя ждала.

Я наливаю ей воды, подношу кружку ко рту. С трудом приподнимается, делает глоток и снова откидывается на подушку. Нет сил.

— Влада... Почему она так поступила?
— Время из нее вытекло, сынок, время.
— А разве им нельзя заполниться заново?
— Заново... Это больше обман, который обязательно закончится, как сон. Да и не все могут такое пережить — рubeжи. Вот она, Легкая, не раз пыталась обмануться. Поэтому... да...
— Вы что-нибудь ели? Я принесу вам еды.
— Не суетись, сынок. Мне ничего не нужно. Мое время на исходе. Были мы с ней как две нити сплетенные, две ниточки в одном узелке. Если одну перерезать, другая сама истончается да обрывается.

Где-то в кухне раздается слабый треск, похоже, радиоприемника, а потом начинается тихая музыка. Незнакомая печальная песня. «Я бы не хотел быть в другом месте, кроме этого», — выводит голос. Влада автоматически поправляет подушку, я смотрю на нее исподлобья, и мне становится страшно от мысли, что мое время может закончиться без предупреждения. Мне-то хочется напоследок подышать свежим осенним ветром... Не слишком ли романтическое желание для такой скотины, как я?

— Почему вы назвали ее Легкой?
— Ее так назвал отец. Налей-ка мне еще воды, сынок. Столько ты всего спрашиваешь... А главное-то забыл. Для чего ты здесь?
— Сам не знаю.
— Узнаешь.
— Скажите...
— Сказала же, узнаешь.
— Что же вы загадками разговариваете?
Влада вдруг заходится грубым, лающим кашлем, потом закрывает глаза.
— Новое не может появиться из ничего. Рушится один мир, возникает другой. Для кого конец, для кого начало.

И тут в комнату вошел ужасно тонкий парнишка с шаловливым выражением на физиономии, похожий на фавна. Судя по всему, Бешир.

29

— Меня привел сюда сон. Буквально силой.
— Так и должно было быть.
— Настойчивый сон, будто перемену участи предвещает... Почему я?
— Может быть, это твое спасение. Теперь многое от тебя зависит. У тебя есть возможность противостоять. Молодец, что пришел. Значит, внутри ищешь.
— Что ищешь?
— Знание. Только ты сам можешь себя спасти. А высшее научит как.
— Я запутался. Не знаю, куда все идет. Соглашаюсь на неизвестность. И самое странное, мне от этого совсем не страшно.
— Бояться нечего. Меняй листья, но сохраняй корни.
— Корни... Это что, самое начало?
— Нет, сынок. Это то, что находится в глубине тебя. Настоящее-то не всегда настоящее. Может быть просто новый день, такой же, как и вчерашний.
— То есть копать глубже?
— Зачем копать? Надо только заглянуть за занавес.
— Не понимаю... Для чего? Неужели я так уж плохо справляюсь?
— А зачем ты сам заключил себя в тюрьму? Страдания — не обязательный опыт. Ты живешь так и уверен, что эта жизнь одна только возможная и правильная. Отказываешься представить другой путь. Но у тебя две жизни, три, еще больше: та, которую ведешь, и те, которые пока только в мечтах.
— Я бы хотел другую жизнь, но не вышло.
— Какую?
— Ту, в которой был мой главный человек. Она умерла.

— Ты считаешь жизнь в прошлом своим настоящим. Вот и ошибка. Ничего, все в юности такие. Я тоже крутила глобус, всматривалась — какой город мой? Тот город, где было мое собственное счастье. Потом поумнела, поняла: это место не надо искать на карте. Оно всегда с тобой. Оно и есть ты. Самое нужное, ценное ты всегда носишь с собой, все остальное — только декорации. Чтобы сыграть роль в спектакле, нужно это знать. Найти себя самого, самую сердцевину.

— Красивые слова. Но реальность другая, грубая.

— Значит, ты ее видишь такой. Грубой.

— Я вижу ее такой, какая она есть. Трезво. Без всякой мистики, метафизики.

— И ты не веришь в перерождение.

— Не верю. Жизнь дается один раз. Не верю я, что перед нами расстелены разбегающиеся в разные стороны дорожки судьбы. Путь один, свернуть с него некуда. Только и можно, что посмотреть на него иначе, под другим углом. Но сам-то ты от этого не изменишься. Так и поступает большинство людей, ошибочно полагая, что изменили свое направление.

— Ты потерял вкус к жизни, сынок. Рвешься обратно, решил, что не наелся прошлым вдоволь. Но жизнь идет вперед, ничто в природе не останавливается. Закат за восходом. Был бутон — стал цветок. Из гусеницы куколка, из куколки бабочка. Из прошлого настоящее. Не сразу, конечно, — нужно иметь терпение.

— Знаете что... Я вот иронизирую, сопротивляюсь, но мне хочется быть... счастливым. Трудно в это поверить, я даже вслух боюсь говорить.

— Пришло время, значит.

— Да... Одно время задумывался о самоубийстве. На тот момент это казалось избавлением. Потом понял, что, путив себе пулю в лоб, я разрушу и память о ней.

— Нужно пройти через пропасть, чтобы оказаться на другом берегу. Так начинается все новое.

30

— Ты счастливый человек.

— С чего вы взяли?

— Ты вовремя понял, какие минуты были самыми важными. Молодец, держишься за них.

— Так мало их... Минуты...

— В тяжелых ситуациях люди хватаются за крошечное. Из пожара выносят только самое важное. Простое, человеческое. Все остальное выбирают от скуки.

— А зачем выбирать, если заботы сами нас находят?

— Такая уж жизнь... Главное, не впускать пустяки в себя. Слышать, видеть и держаться от них на расстоянии.

— Это у меня плохо получается.

— Все получается. Не сразу, но в итоге всегда получается. А если вдруг споткнулся, значит, нужно было наклониться к земле.

— Наклоняться-то зачем?

— Послушать, что она скажет. Земля мудрая, на ней опыт многих поколений. Забудешь историю, замкнешься на себе — и сам потеряешься.

— У меня так и произошло.

— Нет. Ты не потерялся. У тебя чуткое сердце, доброе.

— Выходит, я счастливчик и вообще отличный парень? Да вы меня ненавидеть должны — я был там и не спас вашу дочь и внучку. Хотя мне стоило только протянуть руку.

— Чему быть, того не миновать. Не надо спрашивать «почему?», нам всех причин не понять. Каждая смерть — кому-то рождение.

— Хм... Опять загадки? Для чего столько недомолвок?

— А не нужно знать больше необходимого.

— Кто же определяет, сколько необходимо?

— Ты сам.

— Да как это может быть, Влада?!

— Заглядывая в себя. Что в глубине, то и вокруг. Глаза не обманывают, они всю правду расскажут... Какие у нее тогда были глаза?

— Глаза... Полные пустоты.

— Значит, она уже ушла туда, откуда не возвращаются.

Бледно-голубой свет из окна, холодный, словно в нем кружатся снежинки. Я осторожно приподнимаю штору, смотрю на улицу. Все кругом серо-бежевое — траву накрыло снегом, голые ветки деревьев плачут сосульками. Кто-то прогнал лето. Еще утром было плюс тридцать: следы от наручных часов горели натертым красным, освежающий ветерок заполнял нутро на вдохе. Сейчас — горький зимний день.

В подбирающемся закате нет ни намека на красный. Пейзаж за окном суровый, безжизненный, как в царстве Снежной королевы. Как же так? Или я сошел с ума, или снова вижу сон. Заглядываю в календарь мобильного: шестнадцатое июня. Тем временем в комнате подморозило уже так сильно, что я чувствую ледяной пол сквозь подошвы мокасин. Кладу ладонь на батарею. Она липкая, красного цвета, похожа на клубничный леденец. К ней прилипли улитки с панцирями в виде черных треугольников. Я зажмуриваю глаза, задерживаю дыхание. Что происходит?!

Вдруг Влада открывает глаза, пытается что-то сказать хриплым голосом. Молчаливая тень Бешир смачивает мокрой тряпкой ее потрескавшиеся губы.

— Тсс, тсс! Все прошло. Легкая вернулась обратно.

Услышав последние слова, она внимательно смотрит на меня.

— Я тебе еще не все сказала. Бешир, выйди, пока не время.

У нее лицо в поту, голубая наволочка потемнела под головой. В этой пробранной холодом комнате Влада лежит в тонкой майке, будто носит в себе лето.

За окном рычит разъяренная волчица, я откуда-то знаю, что она вырвалась из клетки и во всю глотку заявляет о своем праве быть здесь. Тяжесть происходящего сдавливает мысли, но мне еще нужно многое узнать. Я чувствую слабость, безволие. Внутри ощущение, будто все куда-то ушли, и я должен искать людей. Где-то бродим в тумане. Нет, на самом деле все сидят на своих местах. Это только я в тумане и никого не вижу. Только в этом есть какой-то смысл, как будто мое присутствие в этой комнате необходимо.

Вдруг из магического пространства я переношусь в заснеженную Вену, куда мы с ней ездили за другой зимой. В нашем городе она была привычная, изученная наизусть. До Нового года осталось пятьдесят четыре часа, мы покупаем на последние деньги билеты, улетаем в город, которому веками шепчут сказки Альпы и Дунай. Никогда не думал, что можно так отчаянно влюбиться в зимний город.

Мы снова целуемся в метелях Грабена, свисающие с неба люстры раскачиваются в морозном вихре, полицейские призывают встревоженных прохожих покинуть главную площадь. Ветер, который заглядывает сюда редко, никогда не остается незамеченным. Мы прячемся от них — от ветра и полицейских — в улочках меж старинных зданий, я наматываю на ее шею шарф из шерсти мериноса, а она смеется: ей совсем не холодно, когда я ее целую. Она хохочет, убегает от меня в сторону кафешки, где в воздухе разлита музыка Моцарта, такая же густая, как кофе, который здесь подают.

«Я сегодня проснулась, тебя не было. Знала, что через пару минут ты вернешься с горячими вишневыми круассанами в бумажном пакете. Но мне вдруг стало так тревожно от мысли о том, что всего этого могло бы не быть. А потом я представила, как ты бежишь в сторону отеля, кутаясь в шарф, как быстро куришь на ходу... Мне так нравится знать, что ты обо мне думаешь, даже когда я не с тобой. Это ведь так?» — «А мне нравится знать, что ты есть. Это невероятно, но ты есть!» Запутавшись в бесконечной карте десятков наименований кофе, мы пьем лимонный чай с ежевичным сиропом, за который я был готов отдать полцарства. Но без тебя мне не нужны ни сироп, ни царство.

Влада бросает в меня снежок: очнись, вернись сюда. Ловлю его, держу в руке, и он оборачивается кусочком белого картона.

— Нет ничего хуже, чем цепляться за призраки. Так и останешься с пустыми руками. Ну-ка попроси, как вежливый мальчик, скажи «до скорого». В конце концов, радуйся тому, что у тебя это было.

Я знаю, она права. Да, надо именно так относиться к прошлому. Я делаю что могу, я буду таким. Опускаю голову, разворачиваю комок картона. На нем аккуратно выведено чернилами: «Рыбак не рыбачит в шторм, а ждет, когда успокоится море».

32

— Когда ты уйдешь отсюда, слушай тишину. Она тебе необходима.

— Слишком много всего случилось за последние недели. Надо бы собраться с мыслями, но, боюсь, ни одна мысль на собрание не придет. Прямо как в песне: «Мы слишком любим собственные речи и из-за них не слышно никому».

— Тишина — лучший друг. Проверенный. Ей от тебя ничего не нужно. Она просто сидит рядом, заряжает покоем. Только не перепутай тишину с молчанием.

— Я знаю. Молчание хочет говорить, а тишине это не нужно.

— Ты все прекрасно слышишь, сынок.

— Если бы я все так хорошо слышал, то не задавал бы многих вопросов.

— Чтобы справиться с сомнениями, тишина должна стать абсолютной. Успокой ум, ты скоро сам все поймешь. Поэтому ты здесь.

— Вы слишком в меня верите. А я такой кретин, что могу выйти отсюда и заново запутаться.

— Не волнуйся, истину ты ни с чем не перепутаешь, она бывает только одна. Ты должен обратиться к истине, чтобы спастись от отчаяния. Никто за тебя этого не сделает.

— Вы мне помогаете...

— Направляю.

— Хотите честно?

— Говори.

— Сейчас меня больше всего подмывает выпасть из реальности. Бросить насиженное место и быстро свалить куда подальше, чтобы никто не узнал, не понял.

— Побег — это трусость. Тебе не кажется, что и так слишком далеко убежал? За последние недели ты ко многому пришел. Посмотри, кем ты был с самого начала и как много всего с тех пор изменилось в тебе. Ты снова слышишь.

— Я так устал искать все заново.

— Потерпи, мало осталось. То основное, что нужно было собрать, уже с тобой. Еще несколько шагов. Нужно вернуться к настоящему и снова встречать солнце. Здесь тебе больше задерживаться нельзя — скоро будет снежная буря. Уходи, пока открыт путь. Бешир тебя проводит.

— А как же вы, Влада? Вам нужно лечиться. Ужасный кашель...

— За мной Бешир присмотрит.

— Да вы не перенесете бурю! Здесь и без нее колотун... Я один не уйду.

— Сынок, здесь мое место. Мое. Соседи часто заходят, Бешир рядом, вода есть. Не нужно требовать многого: затишье перед бурей — это шанс, но куда важнее тишина, наступающая после нее. Она разглаживает морщины времени, сдувает пыль с сердца... Не тревожь меня больше. Я теперь буду, как написано в книге моего мистического писателя, слушать беззвучие, наслаждаться тишиной.

— Но вы еще живете!

— В какой-то степени... Сынок, вместо того чтобы задавать столько вопросов, выполни одну просьбу.

— Какую?

— Покинув этот дом, не возвращайся обратно. Оглядывайся назад только для того, чтобы оценить пройденный путь. Ты сможешь, я знаю.

— Смогу.

— В это я поверила, когда увидела тебя здесь. Другой так и крутился бы в колесе времени, возвращаясь туда, откуда пришел. Знаешь, что самое страшное в жизни? Опустить руки. Это легче всего. Разве трудно, сидя на дне колодца, посмотреть вверх и сказать, что спасения нет? Проще простого! Куда сложнее карабкаться вверх, срывать и пробовать снова, сантиметр за сантиметром. Не потеряй то, что нашел с таким трудом.

— Но что я нашёл?

— Больше я не буду тебе ничего говорить. Ты сам увидишь, ты сам подойдешь и протянешь руку человеку, нуждающемуся в спасении. Спасая другого, спасешь себя.

— Пусть хоть на этот раз у меня получится.

— Тебе пора. Бешир, проводи нашего гостя.

— Но я все равно вернусь, как бы вы ни противились. Позвольте мне самому выбирать свой путь.

— Решай сам, сынок. Что будешь делать завтра?

— Не знаю. Буду жить.

— Вот это то, что я хотела услышать. Теперь кошмары закончились.

Бешир проявляется в воздухе перед кроватью и кивает мне как старый знакомый.

33

Я забыл дорогу обратно. Детали выветрились из головы. Я уже сомневаюсь, выглядело ли все так, как я это видел. Не плод ли моего воспаленного воображения эта странная встреча? Если это был сон, его реальность не была хуже любой другой. Что, если вся моя реальность — это сон?.. Стоило мне выйти из мрачного подъезда, как вернулось лето.

И потом тонкий мальчик все еще идет рядом со мной легкой походкой. Летит вприпрыжку. Он ступает абсолютно беззвучно, хотя я вижу, как галька под его зелеными ботинками разлетается в стороны.

Превращается в прозрачные кварцевые самоцветы, после каждого шага оставляющие круглые пятна на земле.

Бешир. Странное имя. Пока я был в холодной квартире, он молча сидел на подоконнике, щелкал пальцами, и небо за окном меняло цвета. С красно-лилового на серо-коричневый. Временами он подходил к Владе, подносил ей воду. Когда я заговаривал о Легкой, он выглядел взволнованным: вскакивал, заглядывал в нагрудный карман своего старого пальто и, как будто убедившись в наличии там чего-то важного, успокаивался, возвращался на место. В стенах квартиры сорок три чуда казались обычным явлением.

Влада настояла на том, чтобы ее сосед фавн проводил меня. «Бешир должен пойти с тобой, сынок. Он поможет тебе добраться до начала и вернуться обратно. Не пытайся запомнить дорогу — пустое, это тебе не пригодится. Такой шанс дается один раз».

Сейчас, покидая магический дом, я встревожен и собран одновременно. Будто мне предстоит операция по удалению немаленькой части жизни, которая еще недавно была жизненно важной. Тревога вполне объяснима — я отпускаю прошлое, ничего не получая взамен. Что-то вдруг уходит на покой, что-то, что делало меня мной. И я чувствую себя медузой, меняющей форму и расплывающейся в бескрайнем океане.

Оглядываюсь, пятиэтажки уже не видно, исчезла за зарослями высоких тополей. Бешир убежал чуть вперед. Что-то напевает себе под нос. Прислушиваюсь: «Время тень, без дней, без лет. Оно так прекрасно совсем не напрасно». Догоняю пацана: «Ты теперь возвращайся. Я сам дойду». Он замирает, поднимает на меня огромные глаза, молча протягивает кусочек белого картона размером с фотографию.

— Что это такое, Бешир?

— А вот увидишь.

«Может, он ненормальный?» — думаю я с тоской. Он вообще-то не похож на обычного парня. Брови — два горизонтальных мазка черной краской. В лукавых глазах добродушно сдерживаемая удаль. Ресницы черные, как трава выгоревшего поля. Тонкие бледно-розовые губы и выпирающий подбородок. В Бешире есть сказка; он не отсюда — из какой-то мифической долины героев, где тучи в гневе опрокидывают с небес белых птиц.

— Ты-то хоть можешь говорить без загадок? Лучше скажи, что нужно Владе, завтра привезу.

— Она ни в чем не нуждается.

— Послушай, да она очень больна! Ей к врачу надо!

— Нас все равно скоро здесь не будет. Уезжаем.

Я злюсь, готов съездить фавну по шее. Самоуверенный болван! Но что-то останавливает меня — чувство, что он не врет и не издевается. Кажется, он говорит правду, какую-то нереальную правду, почти непостижимую. Я

наконец беру из его руки картонку, смотрю на свет — ничего. Тем временем Бешир исчезает где-то в кустах — только слышны отголоски его песенки: «...без дней, без лет... совсем не напрасно».

Как я оказался на заброшенном пустыре? Рядом магистраль, и больше вокруг на километры ничего нет. Никакого дома, ни мусорных баков, ни тополей, ни тем более снега. Как будто во сне, как будто я шагнул в другое измерение. Вспоминаю о картонке — она превратилась в фотографию. Ее фотографию. Самого главного человека моей жизни. Бешир же сказал «увидишь». Значит, она тоже связана с этими людьми, с этой квартирой. В голове крутится «совсем не напрасно».

В «Волшебнике изумрудного города» каждый получил необходимое — кто ум, кто сердце, кто храбрость. Мне так хочется получить знание. Такое кристально чистое знание, когда уже не сомневаешься. Когда твоя уверенность в правильности сделанного выбора выбита в сердце, как клише на запястье.

34

Окружающие не заметили отлучки лета. Один я оказался в магической зиме так же неожиданно, как и выпал из нее. Теперь все произошедшее кажется сумбурным сном.

Я добираюсь на автобусе до метро, останавливаюсь перед входом в подземку. Сигарета. Мимо пробегают разные люди с разной степенью занятости. Где-то за мной сигналият машины, застрявшие перед светофором, бомжиха прокуренным голосом клянчит еду в пирожковой. В воздухе взвесь из летней пыли, человеческих надежд, разочарований и невысказанных эмоций.

Мне девять станций до дома и не меньше девяти тысяч мыслей. Я люблю метро. В его темных коридорах легчает. Наступает перемирие с самим собой, больше не бросаешься в крайности. Двигаешься по единственному туннелю, зная, что поворотов в стороны нет. Поэтому и себя легче принять как есть — простым пассажиром.

Еще я люблю Большой город. Как бы ни искал варианты побега в размеренное пространство, он все равно бежит в моих венах. Такой сумасшедший и хаотичный. Временами этот город кажется унылым местом, натирающим со всех сторон, как тесные нелюбимые туфли. Потом совершенно неожиданно замираешь на секунду посреди сбивающего с ног людского потока и думаешь: блин, город, как же я тебя люблю! Дома-высотки, вырезающие из неба фигуры. Десятки незнакомцев, с которыми ежедневно сталкиваешься в перекурах на обочинах дорог. С ними можно даже поговорить, честно признаться в наболевшем — все равно больше не встретимся, нас не связывают общие воспоминания или чувство долга, одно на двоих. Рядом искалеченные и воспрянувшие духом люди — такие же, как я. С ними может произойти что угодно, но они все равно бредят любовью. Любовь и есть то самое, что вызывает желание жить.

Сижу в метро, пустой вагон, а я полон до краев. Вспоминаю Владу, ее наставления, Бешира, отопительные батареи из красной карамели, внезапный мороз и исчезновение всего этого. В дороге мысленно играю со словами «всё» и «хорошо», в результате получаю «хорошо, что уже всё». Честно говоря, жуткие ощущения после этой встречи. То есть жуткими они стали здесь, в привычных условиях. А в той квартире мне все казалось естественным.

Влада сразу расположила меня к себе. Бывает, что при знакомстве с людьми мы наделяем их порой несуществующими качествами, чтобы их лица стали нам родными, своими. С Владой — иначе. Еще до встречи было ощущение того, что я знаком с ней много лет.

С той минуты, как я начал поиски адреса погибшей, знал, что мне предстоит важная встреча. Словно приближалось неминуемое, к чему шел все это время и, какие бы сомнения ни одолевали меня относительно необходимости этого шага, его не избежать. Да, была угроза, что мои поиски закончатся плохо — заминированная внутри боль взорвется. И никто не давал гарантии, что рану удастся снова закрыть, затянуть, вылечить.

В разборках с прошлым вообще нет никаких гарантий, нет «честного слова». Одни синяки да царапины. И

каждый раз, вырываясь из схватки, ты благодаришь настоящее за то, что оно отвоевало тебя у прошедшего времени. Которое похлеще воронки, засосет — не выберешься.

Сейчас мне хочется спокойствия. Тишины. Именно так и говорила Влада. Надо бы уехать куда-нибудь. Может, к Водопад? С работой не получится: шеф и так с кислой миной отпускаял меня на похороны тети Эльзы. Во второй раз внеурочный отпуск он мне не даст стопроцентно.

Придется погружаться в тишину после шести вечера, в домашних условиях. К тому же, чтобы принять правильное решение, вовсе не обязательна торжественная обстановка. Достаточно бывает и пары часов, когда слышишь свое дыхание, и нити сигаретного дыма растворяются в воздухе под стать человеческим связям в повседневности мегаполиса.

Голос сверху объявляет мою станцию, я легко выпрыгиваю из вагона, бегу направо, в сторону выхода. Внимательно смотрю на людей, стоящих у края платформы. Ячейка с этим страхом пуста. Совсем не напрасно.

35

Каждый астматический приступ матери начинался с ее выкриков сквозь удушье: «Опять этот довел меня!» Отец с братом бросали на меня злобные взгляды, я в ожидании «скорой» прятался за портьеру в гостиной и просил Бога, чтобы врач ехал быстрее. Сам не замечал, как писался в штаны, отчего становилось еще страшнее. Если отец увидит, поколотит.

Я просил Бога о том, чтобы закончились мучения матери: «Пусть ее болезнь перейдет ко мне... Обещаю, я не буду так страшно кричать!» Ночью я потихоньку застирывал штаны в ванной. Я видел причину всех горестей в себе: я гадкий, мерзкий, отвратительный. Поэтому мама постоянно задыхается. Поэтому старший брат запирается в своей комнате и под громкую музыку дышит чем-то вонючим. Поэтому отец выставляет меня в подъезд за каждую двойку, а я, здороваясь с проходящими соседями, делаю вид, что играю в прятки. «Поэтому я здесь, не подумайте, что меня прогнали, у нас все хорошо дома!»

Я и сам себя ненавидел за свои мысли, за постоянную обиду. Почему у меня все не так, как у других? Когда моих одноклассников встречали из школы родители, те бежали в объятия, врезались в ноги своих отцов, обхватывали их. И меня переполняло желание так же бежать навстречу самому родному человеку. Но его не было. И дома, и вне дома я становился пленником враждебной среды, к которой в итоге привязался, как веревка привязана к змею.

Мать выписывалась из больницы, отец уходил из дому, братья выгоняли меня спать в прихожую — что-то новое происходило, но я не переставал во всем винить себя. Спасался, воображая сказочные сады, свет, весну, деревья с новым сортом абрикосов — без косточек. Силой фантазии я мог в любой момент перенестись туда, где нет границы между мечтой и действительностью.

Там все было устроено идеальным образом. Мама вместе со мной выгуливала Джеси и говорила со мной ласково, проникновенным голосом напевала что-то убаюкивающее: «Малыш, запомни, что больше всего на свете я люблю тебя. Знаешь, когда я лежала с тобой на сохранении, врачи не разрешали мне ничего, только лежать. А в полях в это время должны были цвести маки, мои любимые маки, которые мне так хотелось увидеть! Я раньше каждый год в конце мая ездила за город, чтобы погулять в полях среди маков... Роды намечались на середину июня. Еще целых пять дней я пролежала в палате, воображая маковые поля. Ты родился, и через три дня нас выписали домой. Когда твой отец вез нас домой, ты не поверишь, вдоль обочины дороги стояли свеженькие, только что раскрывшиеся маки! Они только расцвели, с опозданием почти в месяц! Будто меня ждали. Нас. Малыш, ты принес вместе с собой чудо».

Сейчас, выживая из памяти надежно погребенные детские воспоминания, я поражаюсь, насколько сильно может быть желание не замечать очевидного. Мне так сильно хотелось иметь дружную семью, что я как смог ее придумал. Беседовал с мамой — по большей части в уме. Мысленно ездил с отцом на рыбалку — и никогда в действительности. Братья в моем воображаемом мире вставали за меня горою, дрались за меня с отпетыми хулиганами на пустыре за школьным двором.

Порой не получить желаемого — тоже удача. То, что ни одна из моих детских фантазий не сбылась, научило меня больше полагаться на свои силы. Добиваться всего самостоятельно. С другой стороны, я точно знаю, как не стал бы относиться к своим детям — не считал бы их своей собственностью, своими оловянными солдатиками, которыми можно играть, отдавая им команды. Если бы у меня были дети. Но это абсолютно исключено, и значит, мне придется двигаться в других направлениях.

36

Вечер понедельника, еще жарит, я сижу на балконе в трусах, немного виски со льдом. Сложный рабочий день не оставил утомительного осадка. В обеденный перерыв работники отдела решили собраться в соседней кафешке, обсудить план коллективного отдыха за городом. Я сразу отказался: «Мать приезжает на уикэнд, не могу ее оставить». Не хочу нарушать тишину. Забронировал столик в итальянской пиццерии, в десяти минутах езды от офиса, и решил пройтись пешком. Появился аппетит к солнцу, хотя сегодня оно безжалостно горячее.

Именно сегодня утром, пока чистил зубы у открытого кухонного окна, я понял, что снова радуюсь новому дню. Хотя еще два месяца назад все было иначе. Жизнь казалась съезжающей крышей, прошлое — окончательно непобедимым. Сейчас же мир повернулся ко мне всей своей красотой, лучшими своими людьми.

В пиццерии встречает замечательная официантка по имени Свет. Она действительно невероятно светлая, рыженькая, с россыпью веснушек на щеках. Похожа на Лисенка. Я сижу, улыбаюсь ей. Она, забавно тараторя, расхваливает мне неаполитанскую пиццу и улыбается в ответ: «Не пожалеете, она у нас лучшая в городе. Представьте себе, лепешка смазывается оливковым маслом из Модена и томатным соусом. Сверху посыпается чесночком, моцареллой, анчоусами и в печь, настоящую, дровяную. Объедение!» Заказываю пиццу, салат из горячего шпината с лимоном. От десерта тоже не отказался бы, но вовремя останавливаю себя. Мне еще работать! А после такого пиршества будет клонить в сон, поэтому лучше сойду на полдороге.

Она любила пиццу, Италию и знала толк в итальянской кухне. Теперь понятно, почему именно сегодня, в первый день внутренней весны, меня потянуло в итальянскую пиццерию. Знак это или совпадение? Именно сегодня я вспоминаю о ней без горечи утраты. Улыбаюсь эпизодам из нашей истории, и благодаря этой улыбке мне легче представлять ее живую. Будто картинка светлеет — лучше видно, легче коснуться. Оказывается, боль утраты делает воспоминания мутно-серыми — это замечаешь после того, как снова выходишь на свет.

...Мы стоим на шатком подвесном мосту, качающемся на ржавых тросах над спокойной водой. Рассматриваем рыбок в прозрачном канале, обсуждаем грядущую поездку в Моден, город итальянских обжор и гастрономического разврата. Вокруг никого, и нам хочется, чтобы всегда так было. Наше чувство эгоистичное, замыкание двух проводов, другие контакты не нужны. Она говорит, что любит лето именно за такие дни — когда можно подружиться с природой вдалеке от городского шума.

— Вот только, знаешь, я, наверное, так сильно ждала лето, чтобы снова заскучать по осени. По слегка холодному воздуху и печальным сумеркам. Кутаться в шарф, согревать руки в карманах... Я сумасшедшая, да? Весь год торопила лето, оно наступило и все, я перегораю. И дело не в жаре, от нее не устаю. Просто характером я больше похожа на осень.

Потом она затихает, так внезапно, лирически, подходит ко мне, обнимает со спины и целует куда-то между лопаток, отчего что-то ухаает там же, на пару сантиметров левее. И стоит только мне, обернувшись, сгрести ее в охапку и поцеловать в ответ, как начинается летний дождь. Веселый, сильный, с крупными каплями. Мы прячемся под деревом, она вспоминает, как в детстве с сестрой бегала по улице во время дождя без зонта:

— Мы кричали, играли в догонялки или просто считали лужи. Вот говорят, что чудес на свете не осталось, что нет больше ни одного единорога, ни одного дракона, и дриады с эльфами канули в далекое прошлое. Я иногда сама верю в исчезновение всего этого. Но потом вспомню о детстве, как сейчас, и все снова кажется двухсторонним, как шляпа волшебника, — реальность и сказка. Нас просто быт своими пинками заставляет поверить в то, что у жизни один слой.

Официантка Лисенок приносит новорожденную пищу, от дурманящего аромата подрумяненной моцареллы по моему желудку пробегает судорога. Даже в обычной неаполитанской пицце можно разглядеть тот самый второй слой, сказочный. Конечно, он должен быть повсюду. Ты была права, любимая.

37

Запираю дверь, рука скользит по перилам, ступеньки лестницы ковром под ногами. Выбегаю из подъезда. Неосторожными шагами вопреки привычному ходу. Летний дождь смыл с асфальта выжженные отпечатки солнца.

Я не причесан, я неопратно одет. Время пустых прикосновений — ничего не хочется, кроме того чтобы быть. Внутри летают грозные птицы, зловеще кружат над надеждами, застилая их серыми тенями. Я иду в неизвестном направлении. Мне нужно идти. В движении чувства не так душат, как ночью, когда ворочаешься в постели, собирая одеяло в плотный комок, чтобы было кого обнимать во сне. Мимо машины. Гудят, обгоняют, спешат. С минуту толпятся у молчаливых светофоров, потом срываются с резвостью гончих. Вечное стремление успеть — куда и за чем угодно. А что важно? Только любовь.

Мы ждем любовь про себя, в тихой заводи своего одиночества, не осознавая, что обманываемся. Что долгожданный стук в дверь не прозвучит, а на пороге не появится спаситель с храбрым сердцем. Это все в книжках, это все в голливудском кино. Там все красиво — жизнь быстрее, чем наша, люди более подтянутые и крепкие, чем мы, декорации новее и дороже, чем те, что окружают нас.

А в настоящей жизни? Красиво иначе, больно иначе. И это совсем не плохо, может, даже хорошо. Мы плачем иначе — солеными и настоящими слезами. Зато у нас есть право на выбор сюжета: мы играем жизнь так, как хотим, и нам не кричат в рупор, требуя повторить в десятый раз дубль. Мы же сами режиссеры своих судеб. Может, истинное счастье в этой свободе?..

Я выучил наизусть схему правильной жизни. В ней нужно радоваться каждой крупинке песка на летнем побережье; противостоять внутренней боли, отвлекаясь на радужные оттенки; любить людей и научиться отдавать им накопленное тепло. В ней главное верить в новый день, благодаря небо за уходящий. Да, я знаю ее от корки до корки! Но это не значит, что я могу распространить эту схему на свою жизнь, как вставить новые стекла в старую раму.

Это не так легко. Особенно когда ноют старые раны. Самая большая чушь, что их залечивает время. Оно обрабатывает антисептиком, накладывает повязку, которую рано или поздно все равно сорвет ветром очередного разочарования. Без них не обходится ни одно начало, ни одно продолжение.

Я просыпаюсь и говорю себе: «Эй, чувак, теперь ты будешь жить иначе». Периодически у меня случаются такие утра, но следом за ним наступают вечера, когда худые и мрачные, как летучие мыши, воспоминания слетаются на робкий внутренний свет, словно безобидная мошкара. С каждой минутой их становится больше. В итоге они затмевают все. И я, пораженный, прячусь от них, дожидаясь нового утра. Чтобы снова попробовать сказать себе мантру о жизни, надеясь, что она не потеряет силу ближе к вечеру.

Наедине с тишиной. Выбираю тяжелые камни из центра жизни и складываю их по краю собственного мира. Пусть служат защитным бордюром — нахально забегающие непременно спотыкнутся, а прочие ползуны, ударившись головой о глыбу, не станут сюда соваться. Нет, я не заперся в одиночестве — просто это время разговора с собой, когда остерегаешься вербальных вибраций.

Я почти не озвучиваю непрерывный внутренний шум. Два-три человека, с кем позволяю себе раскрыться. Для остальных — угрюмый вид, циничные шутки или даже абсолютно отсутствующий вид: я — нырлящик в бездну. Мужчины не говорят зря. Убеждать должны не наши слова, а поступки и руки. Мой дедушка повторял: «Мужчина должен уметь молчать обо всем, что имеет значение лишь для него одного».

Женщины — другие. Водопад написала мне эсэмэс. Переживает: «Нельзя все держать в себе, милый. Так ты только запутаешься в вопросах и ответах. Пока боль не вытечет наружу, сердце не очистится». Я не нахожу ответа — трудно назвать то, с чем я изо дня в день воюю, надеясь на победу. Окружающим легко сказать: «Не принимай близко к сердцу». Откуда им знать, какова глубина твоего сердца? И где для него — близко? Только самому возможно поднять с земли камни, о которые когда-то спотыкался.

Может быть, о боли нужно говорить, когда примирился с ней. Зачем-то же существует целая армия психоаналитиков. Но это не для меня, не сейчас: когда первопричина известна, можно заняться симптомами — против них созданы анальгетики.

Вечерами, после рабочего дня, мы с ней отдыхали именно на кухне, сидя на табуретках по разные стороны стола. Что придумать лучше, чем сидеть на теплой кухне с родным человеком? И пусть жареная картошка аппетитно дымится на старой сковородке, сладкий чай размешан и бутерброды с пластинами сливочного масла светятся солнцем на белой тарелке. И все вроде бы есть: не так много и не так мало. Вот она, настоящая атмосфера для откровений — все нипочем, в том числе снегопад на дворе и заледеневшие дороги. И мы сидели подолгу, многие часы — курили, пили кофе и говорили о том, что было и что ждет нас за чередой новых дней.

Временами, правда, ругались — тогда кофе расплескивался, вьюга за окном усиливалась, а на ее щеках появлялись соленые ручейки слез. Когда это случалось, я быстро уходил, не давая волю эмоциям. Остыв на цепком морозе, писал тебе много-много раз «прости». Ты отвечала спустя несколько минут: «У меня к тебе одна просьба. Постарайся чувствовать меня». И все обиды — как рукой сняло.

До сих пор продолжаю непрестанно говорить с тобой. Мысленно. Так мы ближе друг другу. Так между нами нет стола и пролитого кофе.

38

Уж слишком фальшиво она стонет. Ей бы на курсы актерского мастерства. В любое дело нужно вкладывать инвестиции, любой бизнес нуждается в развитии с целью повышения прибыли, тем более что деньги Карла зарабатывает неплохие. Одна из самых популярных проституток города. «Записывайтесь в очередь, я одна, вас много».

У нее потрясающее тело — Памела Андерсон на пике формы. Только никаких силиконов, ботоксов, все свое — мужчины XXI века выступают за продукцию органического происхождения. Единственный минус Карлы — слабые актерские данные. При ее потоке, когда пять мужчин за четыре часа, такой талант необходим.

Она — любимица Фернандо. Он чувак не капризный, для него не существует талантливых актрис, он выбирает по внешности. Лучшая та, у которой крепче сиськи и задница. Уж ему-то наплевать, наигранна ли Карла в постели: «Главное, она делает шикарный минет с проглотом. Такого я еще не встречал». Один раз проверил Карлу, могу заверить: итальянец не врет.

Шлепки, вздохи, рычание, стук — за стеной настоящий порнофильм. Темпераментный Фернандо оправдывает каждый отданный цент. Отрывается по полной — с женой себе такого не позволишь. «Не то чтобы она против или зажата. Я сам не позволю себе с женой то, что позволяю со шлюхой. Она мать моих дочерей, понимаешь? Это другое. С женой я сплю из-за необходимости. С проститутками — отрываюсь. Не изменяю, а просто снимаю напряжение».

Походы восточных мужчин к проституткам в какой-то мере оправданы, это же не немцы или американцы, здесь горячий темперамент, мысли о сексе постоянны. Нужно пожить под высоким небом и жарящим солнцем, чтобы это понять. Даже кулинария имеет сексуальную подоплеку — начиная от тархуна, мощнейшего афродизиака, и заканчивая огромными количествами белковой пищи со специями.

Выхожу из гостинной, больше нет сил слышать эти звуковые эффекты. На раскаленном полу балкона невозможно стоять босиком, приходится подпрыгивать. Сок персика течет по рукам, после водки меня почему-то всегда тянет на персики. Фернандо долго приставал ко мне, предлагая тоже развлечься с Карлой: «Я угощаю! Давай, встряхнешься! Слишком много ты ноешь в последнее время — лучше нет, чем хорошенько

потрахать». Не тянет. Мне хочется совсем других отношений. С искренними чувствами, точно не наигранными. Такое бывает, когда мужчина влюбился или перебесился. Первое — отпадает, второе — быть может. Устал я от собственных крайностей, которыми жил последние месяцы. Все это время пытался выдохнуть из себя весь воздух, чтобы сделать большой глоток нового. Сделал это. И наступила тишина.

Когда-то думал, что не смогу уйти, не оставив себе пути назад. Всегда искал лазейку, только бы не увязнуть в новом так, чтобы лишиться возможности вернуться. На этом промежутке пути я снова жажду нового, без страха забыть, что было. Оно все равно во мне.

Я отказываюсь верить в то, что человеческие проблемы происходят от невозможности побыть одному. Одиночество, наоборот, все усложняет: копаешь-копаешь, а в итоге кончается тем, что бросаешь лопату и ложишься в яму, своими же руками выкопанную.

Не знаю, как все сложится дальше. Я не обрел новую формулу жизни, где мысли мчатся на солнечных батареях и сомнения утилизируются бодрой уверенностью в каждом следующем шаге. Все как будто по-прежнему: я так же морщусь ранним утром от солнца, пробивающегося сквозь щели жалюзи, так же курю натошак и забываю забрасывать грязные носки в стиралку. Никаких кардинальных изменений в быту, зато много перестановок в себе.

Я — проснулся. Теперь часто от болезненного ощущения счастья хочется кричать о светлом внутри, донести его до окружающих. Но я не такой, я избегаю всплесков эмоций. Тихо смотрю в небо, прислушиваюсь, впитываю каждую секунду нового дня. Отстаиваю тишину.

Расправляюсь с персиком и возвращаюсь в прохладную гостиную. Фернандо с Карлой, изможденные и расслабленные, пьют виски, развалясь на диване. Он, смеясь, спрашивает ее о замужестве. Она, смеясь, отвечает: «Хорошие мужики, как оказалось, существуют. Но они все женаты, представляешь? Мне ловить нечего, миленький. Лучше так, за деньги и без сказок».

39

Фотографии рассыпаны по кровати. Чернобелые на матовой бумаге, некоторые со смятыми углами. То, что на них, осталось прежним. Мы с тобой. Вот на этой фотографии — главная улица Хельсинки. Там мы бежали по узорам влажной после дождя брусчатки с бумажными стаканчиками кофе в руках, без крышек. Как дети поспорили, у кого получится пробежать и не разлить ни капельки горячего напитка. Ты — победила.

Вот на другой фотографии — мы на подоконнике нашей квартиры. На нас майки одинакового белого цвета, с разными надписями. На моей стекающими буквами написано «hopeless romantic», на твоей — «be careful, female logic». За окном вечер июля, мы в чемоданном настроении перед отъездом на море. Как же мы тогда ужасно устали, пока собирали вещи, передвигаясь по квартире, как через полосу препятствий, переступая через кучу пакетов, сумок.

А вот мой любимый снимок. На нем ты, в смешном фартуке, на кухне, с половником в руке и с высунутым языком. Пробовала на вкус свой удивительный суп из устриц с ломтиками моцареллы. В тот день ты готовила его в первый раз, поэтому мы загадали желания перед дегустацией.

— Я бы хотела, чтобы не было войны, чтобы всем хватало хлеба, чтобы люди всегда выздоравливали!

Я-то думал, ты загадаешь что-нибудь про нас, а ты снова подумала о тех, кто вокруг. Я поцеловал тебя, загадав за нас обоих:

— Пусть нам не нужны будут другие, для того чтобы видеть, как мы любим друг друга.

Я пересматриваю наши фотографии, которые ты печатала исключительно черно-белыми. «Они хранят какую-то загадку. Может, дело в том, что мы можем раскрасить эти фотографии сами, как хотим? Из поздней весны сделать раннюю осень, из холодного ветра — теплый морской бриз».

Отныне я ничего больше не раскрашиваю — принял все, как есть, как было и как должно было быть. С нами случилось время, с нами случилась жизнь, это то, чему еще никто не смог противостоять. Нет, я не смирился с этой разлукой. Просто должен идти дальше, пока не знаю куда, но должен идти. Ведь дорога возникает под шагами идущего.

Термометр быстро добегает до отметки плюс тридцать девять по Цельсию, я отключаю кондиционер и ложусь в постель с бутылкой пива. Большие глотки, холод по груди, волны внутри с силой разбиваются о скалы грудной клетки. Я боюсь любого холода ночью, даже искусственного. Он ужасающе равнодушен — и всегда настагает, как бы мы ни хорохорились. Иногда именно отчаяние пробуждает в нас любовь к жизни. Но его нужно контролировать — оно еще обманчивее надежды, сам не заметишь, как окажешься у темных вод.

Я, осмелев, уже начал считать себя железобетонным, непробиваемым для сомнительных чувств. Оказывается, нет, все еще возможно. Стоит оказаться на холоде, под ледяным душем или кондиционером, боль снова пробуждается и меня уносит туда, где лето не сменяет зиму и весна тоже не случится больше. И я соглашаюсь с поражением, ноги подкашиваются, вот-вот опущусь на дно и скажу: «Нет ничего, все придумано». Но из последних сил сдерживаю крик нахлынувшего отчаяния. Существуют слова, которые нельзя говорить даже в порыве крайней тоски, если ты не имеешь их в виду и в трезвом, взвешенном состоянии. Не всегда поступки становятся последним шагом, слова чаще разрушают надежды человека. Их следы в сердце неистребимы.

Пока не окреп в новой жизни, я остерегаюсь ночных сквозняков. Отключаю кондиционер, укрываюсь с головой и думаю про завтра. Когда кажется, что все безнадежно и лучше никогда не будет, надо ложиться спать — утром всегда легчает. Когда-то это мне помогало, но в любой болезни наступает пик, и уже ни в каком времени суток не видишь спасения. Чтобы его заслужить, надо мужественно смотреть вперед. И я снова верю, делаю первые шаги, пробираюсь к возрождению сквозь туман былого.

Ночью не потею от жары. Тело словно переходит в режим сохранения внутренней прохлады. Только под утро, когда в окно спальни проникают отголоски гудков проплывающих паромов, я, забыв о ночных сомнениях, включаю кондиционер. Все-таки утро прекрасно, оно не безжалостно, как ночь, заставляющая вспоминать то, что хочешь забыть. Утро вечера мудренее — до чертиков банально, но это так.

Радуюсь первым часам нового дня, зная, что меня ждут давка в метро, сонное состояние до обеда, отвратительный кофе в коридоре офиса и тоскливые рабочие часы. Но зато утром в природе столько очарования — даже если не любоваться ею осмысленно, замечаешь краем глаза, вскользь. Утро непременно наступает. Это как дуться на любимого человека — злишься, не смотришь ему в глаза, зная, что мгновенно оттаешь, а подуться ведь надо — для профилактики.

40

Что это за жизнь в поиске правды, которую одни называют смыслом жизни, другие — надеждой? Изводим себя и тех, кто с нами, пытаюсь опередить время, ищем точку опоры в прожитом дне и, не обнаружив ничего, говорим, что жизнь — тяжела, трудна, невыносима. Бесконечные поиски, беспросветные терзания, а главная ошибка заключается в том, что мы не видим в жизни саму ее суть — любовь. С нее все начинается, с нее же все продолжается. Эта тонкая материя появляется, как мираж, обходит наши интеллектуальные капканы, убаюкивает контроль, забалтывает ум, обводит вокруг пальца память.

Вот и у нее в глазах светится любовь. Я наслаждаюсь этим светом, время вокруг замирает, потом ускоряется, за ним никак не поспеть. Холодно, очень холодно. Завьюженный вокзал, заледеневшие вагоны, ржавые рельсы и нетронутые сугробы. Из них торчат одноглазые светофоры, указательные знаки, какие-то тусклые вывески кассового зала и серебряные бюсты незнакомых стариков.

Легкая стоит перед замершим, замерзшим во времени вагоном, в том же пальто, тех же туфлях. Улыбается. Выпавшую из собранных в пучок волос прядь облепили снежинки — крупные, живописные, хоть на елку вешай. Свистит ветер, крошит снежинки в пудру, его словно стащили из лютой сибирской зимы и раздали за так, вот и отыгрывается, подлец, на юге.

Самое странное, что холод обходит нас с ней, стоящих друг напротив друга, стороной, словно мы отлиты из раскаленного металла, к нам так просто не притронешься. Лишь снежинки замирают на волосах, ресницах, моей щетине, через считанные мгновения превращаясь в кусочки ваты. Пар изо рта застывает ненадолго в воздухе, продолжает исчезать и появляться по мере того, как часто я выдыхаю.

Я стою босой на снегу, в джинсах и майке. Мне не холодно, отчего приходит ощущение ирреальности. Легкая впервые пришла ко мне после встречи с Владой. Другая. Со светом в глазах. Отпустила то, что тянуло ее вниз, на дно. Мы стоим на расстоянии в десять–пятнадцать шагов, между нами тишина и морозные облачка, развязываются узлы нерешенных проблем и почти ощутимо соединяются светлые нити между нами. Давая мне окончательное понимание самого важного.

Я смотрю на нее и слышу в уме слова, которые не произносятся вслух. Как будто сонные киты неспешно плещут по воде хвостами, эти слова добираются до меня волнами. То, что говорит Легкая, исходит от ее неподвижных губ и достигает глубины моего сознания: «Сейчас ты освобождаешься от того, что шло за тобой по пятам. Реализуется совершенный план твоей жизни. Не жалея ни о чем. То, что не предназначено тебе, уйдет. Ты смог, ты справился, замерзшая река вернулась в движение». Пытаюсь ей ответить, но тщетно. Губы заледенели.

«Прошло время вопросов. Ты получил нужные ответы. Ты полюбишь мир и людей в нем, несмотря на временные неудачи. Вставай, иди. Не разочаровывайся. Это заключительный экзамен на прочность новой жизни».

Ветер усиливается, за снежным буйством Легкую почти не видно. Силуэт ее размыт в белом вихре. «Я пришла попрощаться. Мне пора. Не забывай: если ты по-настоящему захочешь стать счастливым, ты обязательно станешь им».

В последний раз я вижу ее губы, и вдруг картинка исчезает. Неведомая сила выталкивает меня в другую реальность. Открываю глаза. В моей спальне четыре утра. Прохладно. Сон ли это был? Хочу приподняться, но вдруг меня снова затягивает сон. На этот раз глубокий, беспробудный сон, где нет снега, заметенного перрона, телепатических разговоров. Мне снится тишина.

41

Такси на скорости разрезает горячий ночной воздух, трасса одинока, свободна. На асфальте застыли тени утомленных деревьев. Меня подмывает открыть дверь, выброситься с заднего сиденья на бегущую раскаленную дорогу. Совершить что-то безумное, необъяснимое, чтобы выпасть отсюда, где без тебя не то чтобы никак, без тебя — незачем.

Меня лихорадит как погоду этого города, меняющуюся по два-три раза за день. Я ее хорошо понимаю. То полон надежд и оптимизма, то снова возвращаюсь во время, полное боли, то к прежним невозвратным радостям... Мы способны стремительно распрощаться с любой из вредных привычек — бросить курить, отказаться от спиртного, перестать объедаться сладким перед сном. Но есть такие вещи, не поддающиеся силе воли. Забыть или разлюбить, к примеру. Все, что рождается в сердце, навсегда в нем остается.

Я скучаю. Это единственное объяснение моей тяги к прошлому. Не помогают никакие советы и психотехники. Можно только смириться, стараться скучать все тише и тише с надеждой когда-нибудь научиться просто помнить. Разворачивая обертку каждого нового дня, не зная, что под ней — солнце или дожди. Напоминая себе улыбаться, чистить зубы, убирать постель и заваривать чай, который, может быть, успокоит сомнения. Нося в душе килограммы тротила в виде воспоминаний.

Я почти псих. А иногда еще и циник: «Нахер тосковать по тому, кого нет!» Я сам себе не нравлюсь, изнываю от собственного присутствия. То, что раньше казалось мне важным и нужным, какие-то особенные душевные порывы, проявления чистоты и доброты, перечеркивается тоскливым выводом — я был дурак. А то, что кажется пришедшей зрелостью, — вдруг только усталость? Если бы самая чудесная женщина предложила

мне сейчас свою любовь, что бы я сказал? Простите, не сейчас, а лучше, наверное, никогда. Не нравится мне качество вашего товара и отсутствие на него гарантии.

Я ненавижу себя за то, что невыносимо скучаю по тебе.

Яна говорит, что я похудел, вытянулся и «в глазах не тонут корабли». Смеюсь, признаваясь в том, что вчера на ночь глядя слопал булочку с малиновым конфитюром — он был такого же цвета, как мои плавки-шорты. «Ты хотя бы со мной поделился, обжора. Летом на сладкое меня тянет больше, чем на еду». Обещаю Яне в следующую субботу сходить с ней в кондитерскую и вместе натрескаться пышной выпечки. «Эй, ты не расслабляйся! Только разок, не больше. Иначе будешь у меня ночевать в бассейне».

Пока не появились люди, нахлобучиваю шапочку, очки, бросаюсь в воду. Плавать одному — особое удовольствие. С высокой скоростью преодолеваю первые две дистанции. Руки резво выгрбают воду, дышится свободно, несмотря на три выкуренные с утра сигареты. Время бежит впереди меня, подтягивая за собой: «Не ссы, братан! Держись за меня, все успеем». Сквозь всплески воды я вижу Яну, она стоит у кромки бассейна, машет руками с эмоциональностью футбольного болельщика.

— Молодчина, ты снова в форме!

Ее зычный голос услышишь даже на десятиметровой глубине.

Я вдруг осознаю, что все как-то налаживается, причем на таких оборотах и так само собой, будто случайно, что даже не верится. Вроде бы утро как утро — вчера, позавчера и на прошлой неделе было такое же. Ан нет! Сегодня, проснувшись раньше будильника, что само по себе удивительно, я, изучая щетину перед зеркалом, заметил, что стал как-то выше: плечи расправились, шея стала тверже и руки рельефнее. Это даже не итог усиленных тренировок — уже две недели, как я забросил плаванье. Причину внешних изменений стоит искать внутри. Стала уходить боль прошлого, сгибавшая меня все это время. Спина разгибается, смещается центр тяжести, огромной тяжести, которую я столько времени носил с собой.

В мой последний приход сюда, погрузившись в воду, я увидел ее, печальную и молчаливую. Сегодня ее нет. То место, где она была, сейчас заливают свет. Причем это касается не только бассейна, но и в целом ее присутствия в моей жизни. Повернись время вспять, я снова подошел бы к ней, просто чтобы поцеловать край ее улыбки. Она всегда замирала, опуская глаза, когда я приближался к ней после разлуки. Такое волнующее оцепенение — лишь кончики волнистых волос дрожали под бездумным летним сквозняком. Я первым делом целовал ее глаза. А она, прикладывая ладонь к моей щеке, признавалась в том, что знала меня задолго до... Где-то на заднем дворе подсознания, в девичьих мечтах, предчувствиях.

Интересно устроены девочки: с малых лет каждая из них — самая мудрая, самая добрая, самая предусмотрительная. Каждая — королева своего мира и всю жизнь хранит под кронами сказочных деревьев свои сокровища — сундуки с мечтами, над которыми ничто не властно. «Женщины — большие мечтательницы... И пусть наши мужчины посмеиваются над нами — мы не хватаемся за всю мечту целиком, а разбиваем ее на несколько частей, претворяя в жизнь по кусочкам».

Вспоминаю ее под водой, боюсь увидеть ее и одновременно радуюсь тому, что увижу. На самом деле ее образ давно впечатался в сетчатку моих глаз, и я никогда с ним не расстаюсь. Но видеть ее на расстоянии — это совсем особый спецэффект. Я волнуюсь. Касаюсь бортика вытянутыми пальцами и останавливаюсь, срываю с себя очки, приготовившись смотреть в угол. Так никого нет, только столп белого света, проникающего через окно в крыше. Свет заливают все вокруг. Никогда еще я не видел такого ослепительного солнца.

42

Вот только оклемался после поражения, встряхнулся и вроде бы сейчас все должно стать лучше — как же иначе, ведь пережито столько, что можно и на вознаграждение надеяться. Но жизнь предпочитает заполнять паузы между событиями самым разрушительным, порой невыносимым — ожиданием. Это своего рода проверка

на необходимость — если то, что мы ждем, действительно нам нужно, то паузу выдержим с честью.

Конечно, ожидание счастья не так приятно, как само ожидаемое счастье. Есть те, кому не хватает терпения (или веры, настойчивости, стремления) дождаться, пока глаза привыкнут к темноте. Не все умеют любить вопреки обстоятельствам, также не все умеют ждать. Нельзя сказать, кто проигрывает больше. Потому что ожидание побеждают все рано или поздно — кому-то приз, что следует за ним, достается быстрее, кому-то — чуть позже.

В любом случае у любой дороги есть конец; мы все идем по ней, не видя друг друга. Кто-то из нас опережает, кто-то задерживается. Этого сразу не видно. Все становится ясным только после пересечения финишной прямой. После которой уже никто не заглядывает другому в глаза с чувством победителя — или проигравшего. Следом за финишем наступает время заглянуть в себя.

Меня тревожит необходимость ждать. Мой страх заключается не в том, что я боюсь не дождаться желаемого. Страшит то, что я могу получить не то, чего жду. Плохое вместо хорошего или хорошее вместо лучшего? Речь не об этом. Неужели я жду плоды от дерева, которое приносит только цветы? Или еще печальнее и неожиданнее, когда пауза завершается — и происходит то, чего хотелось избежать.

С недавних пор, чтобы уберечь себя от разочарований, я рассчитываю на самое незначительное, малое — иногда на одну лишь улыбку, на внезапный летний дождь или на звонок от Водопад. Она говорит, что моя тревога в ожидании вполне нормальна. «Погода, не забывай, безмятежно начинаешь ждать именно тогда, когда тебе нечего ждать».

Да, помню, когда-то было время абсолютного отсутствия ожиданий. Я ни на что не надеялся, ничего не искал, наблюдал финальные титры на черном небе, жил в завале пропитых обещаний самому себе. Если кто-нибудь разобрал бы этот завал, то обнаружил бы там мое единственное страстное желание — выпить холодной минералки. Сейчас, вспоминая те дни бессилия, я ценю то, что у меня опять есть человеческие желания. Пусть даже я жду обычного дождя в разгар пекла. Это намного лучше, чем вообще ничего не ждать. Отсутствие желаний сигнализирует о бессилии.

Последние несколько дней я больше не сплю на животе. Задыхаюсь. Будто что-то гладкое, сильное обхватывает мое сердце, и процесс этот так необычен и приятен, что я не сразу чувствую недостаток воздуха. Нечто обманывает меня, предлагая другие, до этого не знакомые ощущения, чтобы снова подвести к пропасти.

Она любила наблюдать за мной спящим.

— Мне кажется, что я знаю каждый миллиметр твоей спины. Ты спишь, я рассматриваю ее, переход плеч в шею, затылок, чуть покрасневший от неудобного изгиба, начало твоих темных коротких волос. И каждую ночь я ловлю себя на желании покрыть все эти переходы, изгибы поцелуями. Такая необъятная нежность, больше материнская, пожалуй. Я сдерживаюсь, только бы не потревожить твой сон.

Я не могу нормально спать, опять неделю практически ничего не ем, только дыню и сыр. Сегодня на работе едва не потерял сознание. Потемнело в глазах. Вот бы рухнул под стол, двухметровый детина, повеселил коллег. Заставил себя выпить йогурт. Такое чувство, что, если я съем что-нибудь, то всю зарождающуюся внутри легкость задавит новый груз. В голове восходит долгожданное просветление, и я боюсь ему помешать.

Я словно жду финального свистка, по которому все линии моей жизни, поначалу выглядящие абсолютно независимыми фрагментами, сольются в единую историю. Чтобы наконец все элементы этого идиотского пазла сложились в единую картину, желательно не вовсе бездарную.

Бессонница — пекло. Я отклеиваю себя от постели, жмурясь, иду на кухню за холодным пивом — пара бутылок еще с последнего прихода Фернандо осталась. Наливаю себе бокал, белоснежная пена шапкой накрывает золотистые пузыри. Я тоже сейчас ищу подобного укрытия — пересидеть безопасно, окрепнуть и

выйти на свет с новыми силами противостоять.

Во мне еще достаточно горечи. Нельзя сказать, что меня это так уж сильно расстраивает, скорее, отрезвляет. Надо уметь четко оценивать свои возможности, иначе легко оказаться в шестой палате. Я добредаю до гостиной, сажусь на пол, закуриваю и вспоминаю, что забыл пиво на кухонном столе. Сквозняк щекочет голые пятки.

43

Раньше тянулся к людям за спасением или утешением. Искал новые лица, чтобы увидеть в них отражение другого себя: человека, которого не похвалят, не пожалеют, за спиной которого не шепчутся: «Бедняжка, он такую трагедию перенес, беременная жена, в аварии, на глазах практически...» Мне было плевать, маски ли на лицах людей и что под этими масками. Сейчас это трудно вычислить — современные люди смущение скрывают под водостойкими тональными кремами, а пятна стыда — под шоколадным загаром солярия.

Остается полагаться на старый проверенный метод — проверку временем. Оно отделяет зерна от плевел, и те, кто только играл в искренность, вылетают из ряда, возвращаясь на свое истинное место. Такое происходит не только в дружеских, рабочих отношениях. Иногда люди годами проживают под одной крышей, а потом выясняется, что они не знали друг друга. Это не трагедия: всегда можно все начать сначала, заново открыть друг друга. Все возможно, если есть любовь — лучшее доказательство и порою лучшее оправдание.

Были друзья, приятели и случайные люди.

Были и женщины, много. Они пили со мной отчаяние — у каждой свое, но, в общем, у всех схожее. Перебирали волосы на моем затылке, целовали в небритые щеки со словами: «Ты другой, ты хороший». Они дорожили моим вниманием, держали меня цепкими руками и проводили так беззвучные часы. Я им верил. Они тоже верили мне, считая себя нужными, принятыми. А может, мы искренне обманывались, но ничего не могли с этим поделать, — нужно было делиться друг с другом всем, что есть, во имя взаимного спасения от одиночества. Даже если есть только фальшивая улыбка.

Водопад пыталась вырвать меня из цепких лап этой так называемой тусовки, не понимая, что это было мое собственное решение. Пока не отпустило само, я не возвращался. Не отвечал на ее звонки и шквал сообщений. Она одолевала меня всеми доступными видами связи, писала из города своего детства, где сама отдыхала от людей: «Погода, очнись! Вокруг тебя слишком много актеров — они все ненастоящие! Просто кто-то играет лучше, кто-то хуже. Пойми, кто-то может скрывать свое одиночество, кто-то наготу или преступление, но абсолютно все прячут лица за масками. Такая компания ничем не поможет тебе».

Тогда мне не хотелось вникать ни в какие философии. Мне требовалось просто забыться. Дерзил: «Ты тоже спишь с маской на лице, не забывай». Водопад держала удар: «Но мне не стыдно показаться на публике без маски! И я не сплю в маске, уже два года как перестала». — «Водопад, хорош, у каждого своя нагота! Просто у кого-то она под одеждой, а у кого-то — под кожей».

Теперь я отошел от той компании, все разбежались, жизнь больше не выталкивает на обочину. Теперь я один, сам по себе. Временами останавливаюсь покурить, оглядеться по сторонам, свериться с притяжением сердца. У меня нет другого компаса, да и этот самый надежный. Когда устаю, оглядываюсь назад, люблюсь тобой... И делаю следующий шаг по настоящему.

Воспоминания это не так уж плохо. Прекрасное странствие в былое и совсем не такое болезненное. Там все подчинено нам, это почти рай, откуда нас не могут изгнать.

Я опять иду пешком, в знакомом, но все равно до конца не изведанном направлении. В пальцах правой руки сигарета, люди напирают навстречу. Чтобы определить, отклонится встречный вправо или влево, нужно посмотреть ему в глаза — это слишком утомительно, и я пристраиваюсь к обочине, чтобы никого не обходить. Что можно узнать из глаз идущих навстречу? Они переполнены тревогами и заботами. Я тоже хожу с

напряженным лицом, даже когда пытаюсь концентрироваться на хорошем. Густая щетина отросла за выходные, сухие, потрескавшиеся губы, механические шаги, хмурый взгляд из-под низко опущенных бровей. Человеконелюб.

Не прав тот, кто утверждает, что вспоминать — значит отвергать настоящее. На первый взгляд эти слова могут показаться вполне оправданными, ведь обычно в воспоминаниях немало боли, которую заново испытываешь, возвращаясь туда. Но какими бы верными и вредными ни виделись воспоминания, все равно никто без них не обходится. Даже те, кто умудряется жить мгновением настоящего. Воспоминания, к счастью или сожалению, это не сухие осенние листья, которые будут сожжены рано или поздно.

Ты никогда их не боялась, напротив, с удовольствием обращалась к воспоминаниям при первой же возможности, подкрепляла настоящее каким-либо эпизодом из прошлого. Ты любила, чтобы во всем прослеживалась последовательность и преемственность, это я — носитель гена сумбура. Когда мы ездили в дом твоих родителей, ты водила меня по комнатам с пылом экскурсовода, открывая мне увлекательные истории детства, прошедшего в этих стенах. А когда мы курили, сплетя руки, за густыми кустами шиповника, ты шепотом признавалась, что всегда спешишь вернуться сюда, хотя когда-то отсюда бежала.

— Родительский дом — как перевалочный пункт, спокойная и приветливая гостиница для привала усталому страннику. Передохнуть и отдышаться, но не жить. Постоянно находясь на старом месте, пригреваешься в прошлом, оно-то притягательное, уютное. И глазом моргнуть не успеешь, как впадешь в вялую дремоту безволия. Чуть задержишься — потом не вырвешься. Кому хочется возвращаться во взрослую реальность, где нужно рвать, добиваться, преодолевать и не сдаваться? Никому! Никто не бежит стометровку после вкусного обеда, куда приятнее поспать часок-другой. Вот и с прошлым так. Нельзя пропустить минутку, когда пора встать и вернуться обратно.

Потом родителей не стало, в дом с шиповником переехал твой брат с семьей. Ты туда больше так и не съездила. Я подумал: наверное, избегает новых болезненных воспоминаний, не прикасается к тому, обо что легко порезаться. Однажды даже обмолвился об этом. Услышал другой ответ:

— Нет, я не боюсь воспоминаний. Просто там их уже нет, остались декорации, герои ушли. Мама больше не откроет нам калитку, папа больше не будет браниться, увидев меня с сигаретой. Мне не хватает их присутствия в родном доме. С другой стороны, чтобы вспоминать тех, кого я люблю, но больше не встречу, мне не нужно особое место.

После тебя остались твои реплики. Они настолько отчетливо проступают в моей памяти, как будто я смотрю фильм с титрами. Мне уже кажется, что это мое собственное кино, мои собственные реплики. Так вписались они в те мгновения, которые похожи на прежние. Так испытанное раньше сливается с переживаемым сейчас и утрачивает болезненность. Долгий, но стабильный процесс. Хуже с всплесками эмоций — едкими, разъедающими. Каждая вспышка как порез на сердце. Вроде незначительная, но все равно резкая боль.

44

Попутный ветер подгоняет время, и я ускоряю шаг — пытаюсь не опередить его, хотя бы идти с ним в ногу. Так, бывает, кажется, что контролируешь время — отслеживаешь границу между «еще успею» и «черт, опаздываю». Но оно все равно обманет, придет первым. Самые большие иллюзии мы испытываем в связи со временем, неподвластным ничему, неумолимым, безжалостным. Еще и жадным. А может, с нами так и надо?

Время делится с нами сущими пустяками, мгновениями, а мы играем в вечность под светилами. Больше мгновений нам все равно не отхватить, остальное — смешные попытки продлить свою крошечную жизнь в игре. Моя бабушка всегда сетовала, что так и не научилась управляться со временем: «Время, конечно, неплохой доктор души, но тело такому доктору не доверишь... Я не него злюсь из-за того, что боюсь не успеть. Мы вот с дедом посадили хурму, и так хочется увидеть тень от широких ветвей дерева... И твоей бы свадьбы дожждаться, внуков за ручку поводить. Тут бы поторопить, а там замедлить — а ничего не поделаешь, приходится принимать как есть».

Месяцы кажутся короче дней. Когда-то с тобой мне хотелось растянуть сутки вдвое, чтобы в два раза больше быть с тобой, читать твои мысли по глазам и даже видеть, как ты хмуришься и пожимаешь плечами, если я признаюсь, что задержусь на работе. Подобные новости, конечно, тебя расстраивали, но я их озвучивал с надеждой увидеть твои нахмурившиеся брови. Это было еще одним подтверждением любви. Мужчине приятно знать, что женщину огорчает его отсутствие. Лелеем свой эгоизм.

Мне трудно верить словам, предпочитаю верить поступкам. Последствия прошлого, когда приходилось одному вытаскивать занозы обид, предательств со стороны людей, казавшихся верными. Я делал это в стойком молчании, а подмывало заорать, послать грубо тех, кто этого вполне заслуживал. Ни слова. Мужчина должен оставаться мужчиной.

Я слишком идеализировал чувства людей, они все казались мне искренними. Осознание обратного пришло по ходу жизни и в итоге сделало из меня двукратного мирового чемпиона по цинизму, не верящего в извинения и обещания «больше уже никогда». Тебе удалось превратить мои сомнения в смешные заблуждения.

Ты сравнивала отношения между людьми с обилием складок на морской поверхности. «Они похожи издалека, но если присмотреться, то различия между ними немаленькие. Так и с нами. Чувства у всех, казалось бы, одни, но у каждого проявляются по-разному. И поверь, эти различия не должны вызывать опасения или, еще хуже, отчаяния. Надо смириться и постараться понять другого. Пусть и не идеально, но как можно лучше понять».

Ты научила меня и смиряться со временем. «Оно должно непременно уходить, чтобы мы, тоскуя, переосмысливали его, отбирая самое важное. Это важное непременно пригодится в новом дне, который мы можем сделать лучше вчерашнего». Теперь я так и делаю. Только без тебя.

Закрывать глаза — иногда это помогает. Уходить в знакомое темное пространство, где нет необходимости передвигаться на ощупь или испуганно озираться вокруг, стараясь разглядеть бегущие тени. Свой внутренний тоннель. Безопасный. Когда снаружи уже нет ни единого солнечного луча, в нем даже можно разглядеть тусклый свет.

Мы соединяем свой маленький мир с большим миром, чтобы не запутаться в себе — сильное вытягивает слабое, закон природы. И врет тот, кто говорит, что ничего не ждет от большого мира. Мы живем ради того, чтобы почувствовать жизнь, которая не ограничивается одним тобой. Все к чему-то тянется: невозможно найти счастье в себе, не попробовав его в объятиях хотя бы одного человека.

Я закрываю глаза, спускаюсь в свой темный колодец со всеми предосторожностями, как опытный дайвер. Это не желание пощекотать психику созерцанием отвратительных монстров. Я хочу увидеть настоящего себя. Послушать себя. Мощнейшие информационные волны большого мира, дымовая завеса горящих, как торфяники, выпусков новостей, цепляющиеся одно за другое слова, несущиеся с вездесущих экранов и неугомонных трубок, почти разрушили канал. Почти не слышно голоса изнутри, который называют интуицией, шестым чувством. В результате — душевное похмелье после интоксикации любовью, разрушенное самолюбие, отсутствие веры и блуждание по лабиринту сомнений.

Когда не слышишь голоса изнутри? Когда каждый вечер вертишь в руке мобильник и борешься с порывом позвонить особенному человеку, а в итоге бросаешь трубку на диван. Когда хочешь спасти только для того, чтобы спастись самому. Когда вкалываешь шесть дней в неделю, по вечерам бегаешь на курсы английского, живешь перспективой карьеры со словами «так спокойнее» и плюешь на ту любовь, что копится в груди. А ее непременно надо отдавать, оно для этого и образуется, кто-то вокруг в ней нуждается.

Я не умничаю сейчас, вокруг моей физиономии не светится нимб самоуверенного просветителя. Сам жил так немало времени. За одним осознанием человека как минимум два разочарования. Я произношу вслух эти слова — вдруг они пригодятся тому, кому может повезти обойтись без боли. Для этого не нужно рождаться счастливым: мы наблюдаем за происходящим вокруг, сожалеем или сопереживаем, но при этом предпочитаем

учиться исключительно на собственных ошибках. Не из-за различия ситуаций и стартовых данных. Нам всего-навсего лень задумываться о том, что еще не коснулось нас. Легче переключить канал, перевернуть страницу, надеть темные очки, заполнить уши музыкой. Вполне распространенная практика в рамках большого города.

Только бы не потерять себя в накрывающей волне. Я, с трудом вернув настоящее, теперь опасуюсь этого не меньше, чем навсегда закрытых глаз.

45

Сижу на краю могилы. Вокруг абсолютная тишина раннего утра, солнце пока не поднялось высоко, поэтому не жарко и почти хорошо. Город подо мной еще подернут зыбким туманом, и я говорю ему огромное спасибо — придержал столбики термометров, не позволив им взбеситься до плюс сорок. Город смотрит на меня мутным печальным взглядом, будто хочет ответить: «Я на многое готов ради вашего счастья, только, пожалуйста, одинаково цените все проявления погоды».

Старое кладбище расположено недалеко от центра. Оно на такой высоте, что еще чуть-чуть — и облака останутся белой пенкой на моих волосах. Я прихожу сюда к дедушке. Он, быть может, единственный человек из моей семьи, которого мне недостает. Его советов, в юности казавшихся назойливыми нравоучениями. Его похлопываний по плечу, вселявших уверенность. Его терпимости и мудрости, которой я так и не смог научиться. Хотя мудрости не учишься у других, к ней приходишь сам, вставая на ноги после каждого нового удара судьбы.

Я сижу здесь, на влажной траве, скрестив потурецки ноги. Улитки, привыкнув к моему присутствию, продолжают путь от земли к ограде. Божья коровка замирает на кончике травинки, встряхивает крыльшками и вот-вот умчится в неизвестную даль. Я мысленно пересказываю дедушке все, что вижу, и в памяти всплывают его слова, сказанные давным-давно, когда жизнь казалась мне удивительным приключением, наимприятнейшим походом навстречу счастью.

— Во всем есть две стороны. Та и эта. И они совсем разные. С возрастом граница между добром и злом не должна размываться. Наоборот. Чем быстрее ты научишься определять эту границу во всем, тем быстрее расстанешься с юношескими метаниями. А из-за них можно спутать верный, пусть и длинный, путь с коротким, но ошибочным. Научись ждать, научить выбирать, ко всему относиться индивидуально.

Дедушка был мне настоящим учителем жизни. Он не был ученым, не владел знанием теорий, правил. Его вел опыт. Опыту тоже не учатся, но им делятся — с теми, кого хочешь уберечь от падений, от которых не каждый в силах оправиться. Теперь ты предупрежден, теперь ты знаешь, как бывает у близкого человека, он смог, возродился, значит, и ты должен. Не всем дается одинаковое количество сил, но всем дается шанс на возрождение — его суть не в кулаках, а в осознании.

— Сынок, запомни, мужчина не должен заставлять женщину жить в неопределенности. Тогда любовь точно сменится ненавистью, рано или поздно. Они умеют любить даже в ожидании. Это мы, мужики, стоит женщине ненадолго отлучиться, начинаем в уме или в открытую искать ей замену. Если ты знаешь, что не вернешься, лучше скажи правду. Она заплачет, но примет. Только не пренебрегай ею. Вот этого женщины точно не заслужили.

Дедушка любил беседовать со мной во время каких-то долгих, обязательных ритуалов. За чисткой и полировкой трубки, например. Запах спирта, табачной пыли и звуки пустой древесины. Я слушал его вполуха, больше наблюдая за тем, как он аккуратно вывинчивал мундштук, вычищал из него налет ершиком, затем продувал трубку. Последним аккордом являлось натирание всей трубки до блеска салфеткой. Бабушка, пользуясь моментом, кормила меня, худющего и капризного, сырными биточками, поила молоком, пока я был весь сосредоточен на дедушке и на его манипуляциях.

Теперь это все далекое прошлое. Но в нем так много мудрых слов, оживающих по мере необходимости. Словно дедушка все еще со мной. Вовремя озвучивает именно то, что мне так нужно услышать. Сигналы из

другого времени, параллельной реальности, данной нам на долгую память во всех ощущениях.

Письма из другого измерения — мысли, делающие ночи моей жизни светлее. Читаю эти строки, тоскую, но настроение все равно улучшается. Я понимаю, что вопреки всему стоит верить людям, когда на моем небе есть такое солнце. Его свет попадает и на то большинство, на которое часто раздражаюсь и порываюсь навечно заблокировать. А прочитаю, послушаю — улыбаюсь, и все не кажется больше таким удручающим. Водопад!

Она не пишет мне слов поддержки, не рассказывает исключительно о веселом, не спрашивает «как твое настроение?». Она рядом, вне зависимости от местонахождения. Ощущаю ее присутствие, хоть между нами наши невысказанные проблемы, переживания и, наконец, банальные километры.

Ее слова заставляют меня задуматься о том, на что я не привык обращать внимание. Водопад тоже признается, что в моих мыслях она находит парадоксы, позволяющие взглянуть с иной стороны на привычное. В дружбе мы отдаем друг другу частички себя, не задумываясь для чего, за что. Должно же быть то, что не требует взаимности.

«Погода, эсэмэски тебе не уходят — принципиально, видимо. Поэтому решила написать электронной почтой... Сидела сегодня в кафе над морем в старом городе, в двух часах езды от нас, в нем жили когда-то греки. Пила кофе, ощущала ветер кожей и спросила себя: есть ли что-нибудь лучше этих ощущений? И надумала много чего лучше! Удовольствие это я растянула на целый час, пока ветер не стал горячим. Незабываемое чувство ускользящего мгновения. Вот это — настоящая легкость бытия. Завтра возвращаюсь в большой город. Ближе к тебе. Там, помимо того что жарко, еще и нет сочного инжира для меня! Зато есть ты».

Я читаю и улыбаюсь. Моя родная, моя большая надежда. Она разная, чаще печальная. Однако печаль делает ее еще прекрасней. Водопад не ждет от меня ответов, героических поступков и красивых слов. Уверен в чистоте ее порывов — и это так согревает, наполняет верой в то, что вокруг много этой чистоты, просто мы не сразу ее замечаем. Не все люди открываются, отдавая. Кто-то подпускает к себе только после трех шагов навстречу. Я соскучился. «Приезжай же, наконец!» — прошу мысленно. Следующее письмо так похоже на мое собственное, если бы оно было написано:

«Ехала сегодня в машине с Л. по делам, поймала себя на мысли, что внутри пусто. Самое странное, что мне нравится эта пустота. Она означает, что меня не беспокоит то, что еще недавно отзывалось болью. Это хорошо. Пустота стала частью моего счастья, что ли. Моей уравновешенности, которой у меня почти никогда не было. Только вот внешне это мое «хорошо» чаще выражается молчанием, нежеланием говорить, что похоже со стороны на недружелюбие. Поэтому приходится вести себя иначе, улыбаться как могу, шутить, по возможности не язвительно. И чувствовать себя из-за этого какой-то пересиленной. Но это пустяк на фоне внутренней чистоты, освобождения при жизни... Поняла сегодня: мне достаточно, чтобы у меня были книги, сигареты, кофе и уединение. Так мало необходимо. Я или выросла, или старею. Одно что-то... Обнимаю. На днях заеду к тебе».

Часть II

...до тебя.

Никто не в силах захватить и присвоить себе раскат грома. Никто не может отобрать небеса у другого человека. Никто не может забрать небо с собой при расставании.

Луис Сепульведа

Никто никому ничем не обязан, просто каждый нужен друг другу.

Дельфин

Этот район большого города мы называли «концом света», хотя до центра отсюда двадцать минут пешком. Он раскинулся на самой высокой точке, и за ним тишина необжитой территории — там еще не удалось побывать, но хочется. Нас тянет к неизведанному, мы надеемся найти там то, что так давно ищем. Может быть, свое новое отражение?

Здесь все иное, одновременно похожее на все остальное, но при этом отличное. Особенное. Здесь небо по вечерам сливовое, как начинка у пирога, вне зависимости от сезона. Здесь воздух даже печальнее, чем вокруг загородной бойни. Здесь одинокие панельные башни с кривыми окнами, в которых живут люди с судьбами, в разной степени разрушенными.

Здесь куришь на балконе, смотришь на дрожащие огни, казалось бы, далекого, чужого города и всегда грустишь из-за того, что твой мир ограничен краем майки любимого человека, а того нет и уже не будет рядом. Потому что не сошлись, потому что вашу дорогу замело, и нет никакой возможности расчистить — осадки не прекращаются, усиливаются, и кто знает, сколько времени пройдет, прежде чем движение будет восстановлено. Может, это будет уже не в твоей жизни.

Здесь много брошенных собак, которых подкармливают, не забирая домой. Они исчезают в светлое время суток и появляются ночью, сливаясь с темными силуэтами домов и машин. Лают, рычат, бегают по лезвию обрыва, за которым ничья, не освоенная никем территория. Будто охраняют от незваных гостей всех одиноких, что живут или приезжают в этот район, когда созвездия тают в небе, а тебе все-таки кажется, что ближе их никогда ничего не будет.

Здесь прохлада постоянная, нейтральная, не в пользу лета или зимы — одна пора, охватывающая четыре времени года. Я приезжал сюда крошечной зимой, безмятежным летом, плаксивой осенью. Полный надежд, опустошенный любовью или переполненный горечью. И здесь меня ждала всегда одна погода, одно неподвижное время. Я задавался вопросом: «Какое оно». Но я и сам знал ответ: «Погода не подчиняется никаким правилам, она ничья».

Здесь живет мой старинный друг-художник, в однушке, доставшейся ему от родителей, которым захотелось солнца и земли, — они уехали за город. Друг так и не женился, переехал сюда и стал старше на целую жизнь в своем одиночестве. Это особое место, я всегда возвращаюсь сюда, и никогда не один.

В квартире нет хорошего ремонта — безвольные краны, унитаз без стульчака, бесцветные обои, съездившиеся рамы. Но здесь везде крошечные истории, счастливые или грустные. Мы приходим сюда, отпираем неаккуратно покрашенную белую дверь, забываем обо всем, что случается в мире, где бросаются словами, улыбаются назло бывшим или несбывшимся, меряются брендами и томиками Коэльо, ценят выше всего то, что уже завтра будет обитать на помойке.

В этих молчаливых стенах мы отказываемся от диет, запиваем никотин колой или чем-нибудь покрепче, жарим яичницу на сливочном масле, спим на пыльных простынях, не чистим зубы на утро. Перестаем красться на цыпочках изо дня в день, боясь ненароком разбудить притихшие чувства. Дом этот оторван от мира, полон правды и целых армий муравьев, марширующих по подоконникам. Мы снова здесь. Водопад тоже рядом.

В городе она перестает слышать в себе море, дыхание волн заглушает гул мегаполиса, в нем все — от храпа автомобилей в ночи до лая встревоженных луною собак. В городе, вдали от ее моря, она больше осознает его ценность.

«К хорошему быстро привыкаешь. Начинаешь думать, что оно всегда будет рядом. А потом раз и обстоятельства вынуждают тебя уехать на пару дней, — вот тогда и чувствуешь острый недостаток соленого бриза... Почти наркотик». Кстати, Водопад не любит плавать в море. Ей достаточно быть рядом — смотреть на

бескрайний простор, царапаться пятками об осколки ракушек и дышать в унисон с волнами, которые непременно растворятся у берега.

Мы с ней в длинных майках размера XXL с заезженным принтом — признание в любви к Нью-Йорку. Мы не были в Нью-Йорке и нас туда не тянет. Ужасно жарко, в другой одежде просто невыносимо, пришлось натянуть то, что было. Были две новые майки, непонятно откуда здесь оказавшиеся.

На двоих у нас пачка сигарет, горячие сгустки августовской ночи над городом, любопытные звезды, заглядывающие на шестой этаж. Водопад не хватает воды, для нее здесь засуха.

— Там я открываю северное окно спальни, впускаю бриз. Здесь он пустой, беззвучный, — жалобно говорит она.

Водопад не признает здешний пролив, для нее он — нелепая пародия на что-то грандиозное.

— Я не привередничаю, просто говорю как есть. Вода не должна быть зажата внутри городских стен. У воды должна быть свобода, пространство для обновления. А здесь его нет, одни пробки из паромов.

Я не соглашаюсь, говорю, что она непредсказуема — то тянется к городу, то убегает от него.

— Я, видимо, старею. Меня стало тянуть к корням. Хочется быть там, где все мое, родные места... В этом городе меня многое стало пугать: дороги, убегаящие за поворот, после чего их становится не видно, назойливое внимание людей, ищущих в тебе то, что нет, оставшиеся на столиках кофеен следы чужих жизней, незаметные и неприятно липкие. Ты можешь продолжать любить этот город, но без меня. Теперь он для меня дорог, как прошлое. Но не больше.

Вообще-то жизнь вдали от суеты ей к лицу. Темно-коричневый загар нежным слоем покрыл кожу. В глазах загораются отблески живописных пейзажей, увиденные с берегов, где ютятся заброшенные лодки. Волосы налились силой бескрайнего моря, они приятно пахнут солью и цветочными духами. Chanel Chance. И большие часы — она, как и я, носит их на правой. Она, как и я, снимает их, когда занимается домашними делами, а потом долго ищет по всему дому. Моя девочка-странствие.

— Мне обидно, что мы часто забываем о настоящем. Я же помню, как не раз, когда мне было сложно, ты, не бросаясь словами, сжимал мне руку. Давал понять, что ты рядом. Помню, как мы долго молчали, не из-за того, что не о чем было говорить... Так хорошо понимали состояния друг друга, что не могли передать их словами. Вот это и есть настоящее, которое легко утратить в толпе. Люди, я думаю, вообще не нуждаются в словах. Достаточно руки в руке и взглядов.

Она сидит на продавленном старом стуле на балконе. Я опустился рядом на горячий бетонный пол, прислонился к перилам. Так много хочется ей сказать. Но достаточно и взгляда.

2

— Иногда мне кажется, что жизнь не оставляет шанса на вторую попытку. Она не лишает тебя главного, но при этом позволяет не больше, чем продолжать дышать. О новом счастье речи быть не может. Ты не то чтобы умираешь морально, даже улыбаешься, покупаешь красивые вещи, посещаешь бассейн. А между тем убывают внутренние силы, делающие возможными новые попытки. У тебя такое было?

— Нет. Я, конечно, тоже люблю пострадать, но в меру. Или ты забыл, что я верю в вечное и абсолютное счастье? Не обязательно с кем-то. Хотя без мужчины женщина теряет силы и желания, боится решений.

— Счастье не бывает вечным, но пусть твое будет долгим. В любом случае, каждому — по вере его.

— Я вот смотрю на тебя, слушаю и вижу изменения в лучшую сторону. Ты выздоравливаешь. Правда, твои болячки еще ноют — это как перенести перелом. Так не беспокоит, но перед дождем трещины прошлого, пусть и сросшиеся, дают о себе знать.

— Я стараюсь. Но говорят же, бывших наркоманов не бывает.

— Твое состояние нормальное! Все проходит, но не так быстро. Можно долго заблуждаться, не видеть

верного пути, искать бесконечные оправдания своей слабости в бутылке, в случайных связях, в ложных альтернативах. Это продолжается месяцами, годами, а потом раз! — и находит озарение, становятся видны все допущенные ошибки. И мы спешим исправить, загладить их в короткий срок, хотя на их совершение потратили намного больше времени. Спешим избавиться от болезненных язв, в образовании которых премного участвовали. Теперь наберись терпения и будь к себе добр.

— Знаешь, что странно? Мы так хорошо знаем теорию, тогда как на практике ее не всегда можем применить.

— Ну, это святое! Языки у нас длиннее рук. Понятное дело, все мы великие критики того, чего не умеем сами, или того, чем сами не занимаемся, а если и занимаемся, то так беспомощно, что было бы куда лучше оставить жалкие попытки и сделать что-нибудь полезное по хозяйству. Это я иронизирую, не обращай внимания! Мы делаем попытки, что-то получается, а что-то нет. Не забывай, на этой земле от нас зависит усилие, а не результат.

— Да, только усилия... А еще многие скрывают свои поражения. Думают, что тем глубже их прячут, чем успешнее становятся. Но для себя я выбрал открытую игру.

— Впереди целая вечность, зачем же спешить получить то, что непременно придет со временем? Этой спешкой мы только отравляем свои жизни сегодня. Впитывай в себя каждый луч солнца, это важно.

— Ага, это позволит побыстрее слечь с солнечным ударом. Водопад, ты стала глубокой, как водопад! А раньше ты придерживалась более легкого расклада — что ты читаешь, Баха?

— Я же сказала: старею... Мне просто хочется быть счастливой. Страдания бесконечны. Одни проводил, следующие — появляются. Нам выбирать: жить, сражаясь с ними, или жить, не обращая на них внимания. Конечно, абсолютного избавления не будет — зато возможно изменить отношение к печали.

— Все могло бы быть иначе. Не могу отделаться от этой мысли, она преследует меня по пятам. Я не сожалею, а скорее... Видишь ли...

— Осознаешь, что у тебя был выбор? Да, он всегда есть. Потерянному или вовсе не приобретенному мы придаем больше значимости, чем тому, что имеем. Но мы все равно выбираем то, что больше всего хотим прямо сейчас, — не всегда лучшее, красивое, оправданное и даже объяснимое. Выбираем и боимся спастись, а потом сожалеть остаток жизни, что не выбрали другое, что, кажется, было бы лучше.

— Честно говоря, Водопад, я делаю выбор без страха. На поводу собственного желания, эдакая форма эгоизма, хочу, значит, будет. Да, были опасения. Но они прошли, как только выбор был сделан.

— А я вот всегда ожидаю худшего, а когда оно не происходит, испытываю щенячий восторг. Если же следом происходит еще что-то хорошее, это вообще фурор. Понимаю, что так жить неправильно, худшее притягивается быстрее, чем положительное. Но это первая моя реакция, я даже боюсь говорить об этом вслух.

— А так и бывает. Люди, много рассуждающие обо всем на свете, как правило, не могут разобраться с собственной жизнью. Сапожник без сапог.

— Ты, значит, меня подкалываешь? Я не претендую на мудрость. Я всего-навсего женщина, но это не значит, что я только в каблуках понимаю.

— Ты же их не носишь!

— Почему ты все воспринимаешь буквально? Если я скажу, что любовь — как дом с крепкими стенами, крышей, укрывающей от дождя и ненастий, то ты что, займешься приобретением недвижимости? Типичная психология современных молодых людей, которым подумать немного уже труд... А чтобы понять другого человека, нужно постоянно работать в этих отношениях, а не собой любоваться.

— Вот здесь ты не права! И сама знаешь ведь, что я не такой. Веришь, я не отказался бы быть как все. Но мне повезло сильно любить и не повезло потерять эту любовь, что сильно изменило меня, мою жизнь.

— Ладно, ладно, не кипятись. Понимаешь, я хочу уберечь тебя. Иногда заботой, иногда резким словом. Лишь бы ты не возвращался к развалинам некогда счастливого дома и не пытался остаться там жить. Надо искать новое место, строить новый дом. Всегда это решение за тобой, и как твой друг я приму его любым. Главное, чтобы ты снова улыбался, верил, ждал. В жизни каждого наступает момент, когда нужно понять, что старого больше нет. Оно было там, в прошлом, а сейчас развалилось окончательно и безвозвратно. Так мы учимся отпускать время.

— Я тебя люблю, мой Водопад.

— А что бы ты сказал о жареной картошке?

— И ее люблю. И чай. Сладкий чай.

— Будет тебе и чай.

3

Нам так мало нужно. Немного еды, не так много времени, пригоршню надежд. И спокойствия. Его, пожалуйста, побольше, дефицит, скоро будут очереди, надо им запастись. Спокойствия так не хватает в себе, вокруг, когда уже и одиночество кажется роскошью непозволительной, а человеческая жадность и глупость оборачиваются гибелью для всего живого, как разлитая нефть.

С каждым днем труднее отключиться от мира — невозможно быть безразличным к тому, что происходит недалеко от тебя, пусть даже пока не задевает. Кто-то кого-то теряет, кто-то за кем-то следует в никуда, кто-то лишается жизни по прихоти другого. А чистого, настоящего нужно еще поискать.

В людях так мало света, что нам приходится чаще обращаться к небу. Там, особенно по весне, облака собираются в незатейливые картинку или самые важные слова — «счастье есть». Да-да, я не шучу! В конце концов, каждый видит то, что хочет видеть. Если один в весеннем небе умудряется разглядеть серые тучи, то уж другой-то непременно увидит море, корабли, далекие страны.

Сегодня не пошел на работу. Мы быстро собрались и, выбросив с нескрываемым удовольствием будильник в мусорный контейнер, побежали в сторону набережной. Раннее утро раззадоривало наш порыв, разнося по улицам запах только что испеченного хлеба, свежих надежд нового дня, которые под веселыми лучами солнца звонко отражались в глазах прохожих.

Водопад пьет большими глотками латте из бумажного стаканчика, учит меня снова любить начало дней:

— В эти часы можно преобразить то, что невозможно будет ни на йоту изменить в послеобеденное время. Исчезнет волшебство. Но оно неисчерпаемо, подожди, и следующим утром оно заново окружит тебя. Как же важно почувствовать его, не спутать ни с чем, не назвать совпадением... Волшебство обижается. Оно может долго крутиться вокруг тебя, стучаться в темные стекла солнцезащитных очков, которые ты не любишь снимать, а потом развернется, уйдет. Насильно мил не будешь. Пока оно уговаривает тебя, непременно есть тот, кто его ждет с нетерпением. У волшебства не так много времени, чтобы неделями, месяцами бегать за кем-то. Если ты его не видишь, значит, оно тебе не нужно.

Водопад обиженно отворачивается из-за того, что я назвал ее рассуждения наивными.

— Ведь ты сама себе противоречишь! То ты гневная фемида и готова оторвать всем нарушителям закона яйца, то плетешь венки из баек про волшебство. Меня воспитала действительность, поэтому я не верю в подобные карамельные истории.

— А жаль. Ты слишком многого опасешься, Погода. Иногда полезно отдаться потоку, не думать о том, где реальность, а где выдумка.

— Ага, чтобы вспомнить о ней, когда шлепнусь об землю, упав с неба.

— Ты совсем не такой грубый, каким пытаешься казаться. Хватит! Каждый ведет свой собственный счет ошибкам, удачам и начинает всегда с того места, на котором остановился. Это и волшебства касается, поверь мне. Хотя можешь не верить, сам скоро ощутишь.

На набережной мало людей, мамы выгуливают своих малышей, недалеко от нас парень с рыжей девушкой выгуливают собаку с трудным именем — Айдынлыг. Она резвая и непослушная, но невероятно обаятельная, с добрыми светящимися глазами, посмотрев в которые трудно не простить ее озорство.

Рыжая девушка, похоже, немая, она что-то жестами объясняет парню, тот хмурится озадаченно, потом, улыбнувшись, кивает и снимает с Айдынлыг поводок. Та моментально уносится за низко летящей чайкой, пытаясь допрыгнуть до птицы, и ее большие уши развеваются, как паруса на ветру. Я кручусь то вправо, то влево, наблюдая эту погоню, разрываюсь между двумя неосуществимыми мечтами — детьми и собакой.

Наблюдаю за счастливыми картинками чужих жизней, создавая видимость безразличия — да нет, я просто смотрю, настроение улучшаю. Внутреннее часто противоположно внешнему. Там, глубоко внутри, так глубоко, что я и себе не признаюсь, мне хочется подобных ощущений. Не думая, как их призвать в свою жизнь, я восполняю пробелы, подглядывая за другими. Без щемящего сожаления — меня радует, что радость есть у других, и я временами могу ее наблюдать.

— Погода, может, собакевича себе заведешь? У Инги в приюте есть красивые щенята, их нашли на обочине трассы, какой-то негодяй выбросил.

— Я уже боюсь кого-то приближать к себе, рядом со мной все умирают.

— Хватит ересь нести! Сам же себя доводишь до таких мыслей. Ты ни в чем не виноват.

Мне хочется ей объяснить свое отношение к невозможному, сказать, что не все так печально, как кажется со стороны. Я доволен этим временем, протекающим через меня, ни с чем не сравнимым. Оно особенное, незнакомое, в нем хочется верить в себя, заботиться обо всех сразу. И вспоминать самое сказочное из того, что было. Как еще два лета назад звезды сыпались в наши ладони, и твой запах, шершавость твоих губ, прикосновения твоих пальцев к моим волосам — все это было как в первый и последний раз.

Нынешние дни приносят неожиданную радость от поставленных точек или обдают мягкой прохладой трезвого и одновременно светлого мышления. Вокруг разложены грабли и подводные камни, которые совсем не страшат. Больше никаких окопов — я готов к новым преодолениям.

Водопад закуривает и не смущается моим молчанием, сидит рядом, наслаждается тишиной пролива, по которой с черепашьей медлительностью передвигаются большие корабли.

— Так странно, они даже не гудят, не разбивают с громким треском встречные волны. Будто все происходящее поставлено в беззвучный режим, да?

Я вытаскиваю из ее руки зажигалку, смотрю под ноги, на брызги волн. Они, несмотря на жару, не высыхают. Утром все всерьез, это вам не ночь, разжигательница эмоций.

4

Пешком по шумным улицам. Вечереет, мы выпили по чайничку мате, теперь не душно. Жара прорезает город раскаленным мачете посередине, мы с Водопад остаемся на правой стороне, продуваемой мятным бризом. Скучающие таксисты подзывают нас, предлагают довезти «быстро и недорого куда угодно». Водопад подходит к ним с вопросом: «До счастья довезете?» Они оглядывают нас как сумасшедших. Один, седой и пузатый, кричит вслед: «Зачем ехать за счастьем, объясни?»

Пестрые рекламные вывески, веселая компания девиц выходит из грузинского ресторана, длинная очередь в клуб — и большеносый громила на входе. У мусорного бака скулит серо-белая дворняга, укрывая собой пищащие клубочки щенят. У нее тревожный взгляд, безнадежный, весь вид ее говорит — воевать. Не за себя. За тех, кто без нее не выживет. Из соседнего квартала доносится вой сирены, огромная афиша на боковой стене высотки приглашает на премьеру очередного фильма о вампирах. Большой город, мы — его маленькие герои.

Водопад курит на ходу, затягиваясь жадно, отчаянно. Нам немного грустно. Устали возвращаться в себя. Каждому было бы неплохо уйти в кого-то, хотя бы на время, если не навсегда.

— По Кастанеде бы — стереть всю личную историю, начать заново, как это принято, с понедельника. Упасть в воскресенье в постель уставшей, со сладко ноющей спиной, и проснуться утром совсем другой. Сильнее, свежее, чуточку циничнее.

— Ха, почему все стремятся стать циничнее? Устали бороться за душевность? Она явно не в почете.

— Ты утрируешь, Погода. Цинизм нужен для противостояния, как кирпичам цемент, чтобы дом не разрушала непогода. А душевность... От нее никто не отказывался, но давай отдавать ее тем, кто ценит. Разбрасываться ею ради того, чтобы доказать кому-то свое превосходство, мол, посмотрите, какое у меня сердце, или изменить другого — непробиваемого — таким образом... Ерунда! Те, кто не хочет видеть свет, так и не увидят его, хоть

весь мир обвешай прожекторами, бесполезно.

Садимся на пустую скамейку в маленьком сквере между домами. Здесь тише.

— Я когда-то думал, что спрятаться легко. Отойти от всего происходящего, скрестить руки на груди, поменять номер мобильного, заходить в Интернет невидимкой. Заблуждался.

Она возмущенно мотает головой, достает из сумки зеркальце:

— Еще как! Знаешь, Погода, в детстве я очень любила раскраски. Рисовать я не умела, отсутствовало пространственное воображение. Поэтому с удовольствием разукрашивала готовые рисунки. Так и с жизнью. Она нам дается бесцветной, с четко очерченными контурами и общим рисунком. Нам решать, с кого или чего начать и каким цветом раскрашивать. Это мы определяем. Ты пытался от этого убежать, отбрасывая карандаши в сторону. Тогда твоя раскраска и оставалась никакой, серой. В итоге серость обложила тебя со всех сторон, ты начал сливаться с ней. Так нельзя! Нужно самому выбрать цвета. Первым делом — раскрась солнце желтым. Или, хочешь, зеленым!.. Правда, порой силы иссякают, карандаши стираются. Но на то и придумали точилки...

Я сижу у открытого окна, наедине с сигаретами и мыслями ни о чем. Со двора доносятся редкие мужские голоса, за стеной шумит лифт, автоответчик в прихожей мигает красным, отсвечивая туманными вспышками в темном пространстве. Мне не спится, хотя зевота временами накатывает. Голова не отключается, не тянется за телом на боковую. Выдыхаю дым в открытое окно, он просачивается сквозь темно-зеленую сетку от мошкары и висит облаком в ветвях тополя, растущего у нашего подъезда.

Водопад спит на моей кровати, я на диване. Когда-то мы чисто по-дружески спали вместе, не задумываясь о чем-либо другом. Сейчас что-то изменилось, между нами словно магнит, начинающий действовать, стоит нам коснуться друг друга дыханием. Вчера чуть было не поцеловал ее в губы. Не знаю, что это было за желание, но мне невыносимо захотелось этого, что-то подталкивало меня к ней. Будто на ее губах — последняя капля моего противоядия и, если я не получу его, спасение станет невозможным.

У нее красивые губы. Маленькие, чуть пухлые, бледно-розовые, матовые. Сухие. Их хочется откусить, попробовать. Думаю, вкусом они напоминают дольку абрикоса. Снаружи бархатную, внутри — сочную. Я стал бояться нашего общения, даже находиться в одном пространстве. Меня тянет к ней. Стараюсь, отчаянно стараюсь смотреть на нее прежними глазами. Бесполезно. Я хорошо себя вижу, но плохо знаю. Точнее, уже не узнаю.

В отношении к Водопад я расслоился на две части — друг и кто-то другой, не похожий на прежнего. И с ее стороны чувствую волнение, особенно когда она просыпается и видит меня, сидящим на краю кровати с кружкой горячего чая. Она любит по утрам сладкий чай, я помню. Считается, если на женщину обрушивается внимание и забота со стороны мужчины, пусть и друга, она непроизвольно задумывается о возможности быть вместе.

Нет, только не она. Моя гавань, мое начало и продолжение, другая, совсем не похожая на меня, порой не оправдывающая моих надежд, но все равно часть меня, которая никогда не станет моей половинкой. Эй, сентиментальный болван, ты же не верил в половинки? «Сегодня половинка, а завтра — нет. Что за страсть разбрасываться словами? Есть близкий, любимый, в конце концов, человек, который рядом. Откуда взялись эти четвертинки, половинки? Мы рождаемся целыми!» Забыл свои же слова?

Сложно смотреть ей в глаза. Я прячу взгляд, изображаю задумчивость, лишь бы не задеть ее распирающими меня чувствами. Что это такое? Желанием спастись друг в друге? Или вполне ожидаемый итог продолжительного нахождения рядом? В отношениях сложно удержать равновесие, особенно когда оба сомневаются в том, насколько объективно оценивают происходящее. Что-то обострилось за последнюю неделю. Неужели назревало давно?

Я не выдерживаю груза мыслей, выбегаю на улицу. Когда хожу, думается легче. На часах три ночи, мне бы побольше воздуха — даже такого, перекипяченного дневным солнцем. Ощущение дежавю. Вижу, как каких-то полгода назад так же бежал под утро на воздух. Гулял по пустым мостовым, томился в муторных загвоздках, смотрел на парочки, сидящие в обнимку на набережной, и мне казалось, что уж со мной-то такого не случится.

Часы тянулись утомительно, я возвращался домой, дав себе слово больше не смотреться в зеркала, не глядеть в ночные окна, ни во что вообще гладкое, блестящее. Во всем видел иллюзии, я любил их и одновременно начинал ненавидеть. Такое происходит, когда кого-то любишь безответно. Возможно, любовь сменяется ненавистью для восстановления энергетического равновесия — много хорошей энергии теряешь, без эффекта бумеранга, без понимания. А любовь долго не может так, без обратного адреса.

Сейчас все стало иначе, я снова слышу себя, перестав задавать себе вопросы: честно или нечестно, верно или ошибочно, умно или глупо. Живу в заново открытой жизни, прикасаюсь к легкой свободе внутри и не верю, что она вернулась в меня. И со мной рядом, буквально на расстоянии вытянутой руки, человек, которого я ждал и буду ждать. Водопад.

А ведь были дни, когда я писал ей в окошке скайпа, как тоскую по нашим живым беседам. С долгими объятиями, красноречивыми молчаниями, многочасовыми увлекательными беседами. «Так много хочется тебе рассказать, Водопад, так многим поделиться... Но я не могу писать — это не то. Когда я приеду в твой маленький город беззвучного ветра, я буду тебе рассказывать. С самого начала и потом, каждую главу, до конца».

Мы по-прежнему дорожим друг другом, но теперь с еще большей силой, и это крещендо пугает, оно непривычно, необъяснимо, но его не изменить — это ж не в магазин сходить. Надо думать, как принять новое и сохранить то, что было.

Мчашиеся мимо такси, пугливые дворняги, порванные страницы вчерашних газет. Я — тень на фоне спящего города. Пустые улицы, которые через считанные часы накроет волной суетливых людей. Я наблюдаю за временем вокруг себя и понимаю, что, наконец, нашел свой смысл. Ни от кого никогда раньше я не получал внятного ответа о смысле — только заезженные фразы вроде «в любви, конечно, в чем же еще».

А сейчас я стою под тихим ночным небом и понимаю, что вся жизнь заключается в свободе. Только это не значит позволять себе то, что не можешь позволить в силу каких-то причин, табу. Это не наркотики на завтрак, обед и ужин. И не поиски спасения в объятиях нелюбимых людей. Свобода — это возможность шагать в любом направлении. Идти и прислушиваться к своим желаниям. Не думать о деньгах и пресловутом моральном долге, условиях, обстоятельствах. Казалось бы, такую свободу нельзя себе позволить — слишком безрассудной выглядит. Но это легко, если захотеть. Надо просто все понять и сделать первый шаг. Вперед.

Выходные самотеком вливаются в будни. Я смотрю на нее спящую — вентилятор с потолка ласково треплет ее густые волосы, и в ее лице я вижу весь прошлый опыт. Он проложил наш единый путь между двумя отдельными тропками, на которых мы поодиночке сражались с валунами-препятствиями, но не теряли друг друга из виду. Это называлось дружбой. Это и сейчас дружба, но еще более глубокая, более спокойная, всеохватывающая.

Сложить усилия — вот что лежит в основе. Наперекор времени, отбрасывавшему нас в совершенно противоположные стороны, в объятия разных людей, но все равно заново соединившему нас. Всегда есть возможность перемен. На этом пути можно выиграть самый главный приз, а можно стать совсем чужими друг другу, особенно если один останавливается в прошлом, а другой спешит в будущее. Спасение в руках — они не должны размыкаться.

Я стал бояться бегущего времени: его так мало и так много недосказанного, неделанного, непростительного. Не то чтобы опасаясь ничего не успеть — в спешке тоже немало вреда, суета растрчивает энергию. Меня сильнее

пугает вероятность не получить сполна того, что заложено во времени. Ощущения. Надо бы подарить больше тепла, которого внутри, при любой степени недоверия к миру, больше, чем холода. Надо бы встретить больше рассветов — в них концентрат надежд, а мы их ошибочно ищем в ночи. Надо бы смягчить зигзаги разочарований, а мы, потрясенные, с ними не расстаемся, обеспечивая себя горечью на всю последующую жизнь.

Иногда сожалею. Надо было раньше покинуть безвременье. Раньше проявиться в настоящем, выбросив к черту негативы пограничного состояния. Надо было раньше начаться снова. Но, наверное, никогда нельзя успеть — у счастья нет расписания сеансов, оно может начаться даже после выключения проектора. Поэтому глупо бежать за тем, что и так должно случиться, как, впрочем, и бежать от него.

Ничего, никого не искать в толпе. То, что нужно нам, уже находится рядом с нами. Просто мы привыкли смотреть далеко вперед. Лучше было бы присмотреться к тому, что на расстоянии вытянутой руки. Сейчас я вижу окончательную точку своего спасения. И панически не хочу от нее отдаляться — вдруг вернутся дни потертых сидений, перегоревших лампочек и пыльных штор, через которые не видно солнца.

Мое желание быть с ней — не корыстное стремление удержать себя на плаву, потопив в собственной горечи ближнего. Нам хорошо вместе. И неважно, какую форму обретет это «хорошо» — если двоим этого достаточно, то все различия теряют значение.

6

Едем в такси по утреннему городу, я сижу впереди, Водопад — сзади. Она о чем-то думает, уперевшись виском в окно. Наблюдает за бегущей лентой урбанистических пейзажей с интересом, будто пытается разглядеть свое место в большом городе. Есть ли оно? Не придумано ли оно нами?

— Я буду жить там, где стала собой. Далеко отсюда, от суеты, в доме с воспоминаниями детства. Не могу больше жить во имя светлого будущего — а как же настоящее? Часто мы пренебрегаем им, увлекаясь опытом прошлого или целями будущего... Не так много мне нужно, чтобы отдавать за мифические блага время своей жизни. Буду работать дома, нам с Фредиком хватит. Как я по нему соскучилась! И знаю, дядя Иси присматривает за ним, а все равно беспокоюсь.

Сейчас Водопад находится рядом со мной, но мысленно она там. Здесь ее держу только я, ее погода, меняющаяся в день по несколько раз. Она принимает эти перемены, уважая то, что было до нее. Я хочу верить, что между нами что-то есть помимо объединяющей горечь потери, после смерти тети Эльзы.

Я перекидываю руку через сиденье, дотрагиваюсь до ее руки. Она не отдергивает ее. Мне больше всего хочется прикоснуться губами к ложбинке на ее шее и остаться с ней. С женщиной, которая не будет копить в себе то, что может отдать. Я люблю ее не за эту щедрость. Скорее, за способность перевернуть страницу жизни, на которой сам застрял.

Водопад понимает мои порывы, не подавая виду. Выжидает. Она умна. Она боится обжечься, обмануться, приняв воображаемое за истинное. Временами поглядывает на меня с полуулыбкой. Такси едет по краю трассы, из моего окна бьет холодный ветер, разгоняющий по салону дым сигареты. Я тщательно тушу ее в пустой пачке, долго не поднимая взгляда. Надо сдерживать себя.

Слишком внезапным кажется это мое решение — быть с ней всегда. Оно может быть принято за последнюю стадию отчаяния, когда хватаешься за соломинку. Тяжелое состояние. Ведет к пламени, как будто приглашает погреться, а когда приближаешься, доверчиво протягиваешь замерзшие руки, то обжигаешься так сильно, что еще долго не сможешь прикоснуться к чему-либо. Душевные ожоги быстро не затягиваются.

Таксист буднично обрывает тишину, уточняя адрес, сворачивает на проспект. Осталось пять кварталов, и мы дома. У меня дома. На мгновение так захотелось назвать адрес другого города, района и улицы, чтобы нас с ней увезли туда... И мы бы, очистившиеся и просветленные, двинулись вперед вместе с чистого листа, деля все радости, горести пополам.

Безмолвное течение двух разных жизней в одном пространстве. В мою квартиру вернулась тишина, ее теперь незачем искать в других местах. Пришла Водопад и смахнула пыль прошлого, с каждой частицей которой я когда-то боялся расстаться. Видел в этом измену по отношению к тому, чем когда-то жил.

Глубоко внутри живет то сокровенное, трогательное, которое прячешь от повседневности. Иногда оно может нечаянно выдать себя, но чаще — под замком недоверия. Никто не поймет наши истории лучше нас самих. Даже когда после долгих проверок подпускаем к себе нового человека, мы не открываем ему полностью свой опыт. Всегда есть то, что навсегда останется тайной, вне зависимости от того, кому она принадлежит.

В этой квартире с воспоминаниями появлялись женщины. Как правило, красивые, как правило, с пустыми глазами. Они на несколько часов и за определенную сумму становились эпизодическими героями в декорациях одиноких ночей. С ними у меня не было страха, что будет осквернено ценное, настоящее. Им это тоже было неинтересно — отрабатывали деньги и, сунув в туфли голые ноги, отправлялись обратно, на поиски спасательного круга за бортом жизни.

Водопад тоже не раз появлялась здесь, вытаскивала меня из-под обвала пустых бутылок «Чиваса» и некогда радужных надежд. А еще она приходила помолчать со мной. Посидеть на подоконнике, покурить, глядя с высоты этажа на бурлящий внизу город. После полуночи Водопад укладывала меня спать, садилась на край моей кровати и до утра расплетала мои тревожные сны, убирая спадающие на лоб волосы. Я все это помню.

Однако все прошлые визиты Водопад так не похожи на ее сегодняшнее появление здесь. Может, только я смотрю на него иначе? Она переступила порог, сняла сланцы и тут же пошла на кухню готовить мой любимый омлет с мелко нарезанным укропом, сыром. Опаздывая на работу, я брлся и слышал, как она суетится у плиты, включает кофеварку, моет нектарины.

И вдруг время внутри меня как-то неожиданно ухнуло в светлую дыру, зависнув там. Все эмоции ушли вместе с ним. Все вокруг замерло в ожидании чего-то. Чего-то нового, другого, одухотворяющего. Река меня приведет к морю, я это чувствую. Кто ждет, тот что-то знает.

7

Жду тебя во снах. Появись и скажи, что я заслужил продолжение счастья, что я буду чувствовать тебя даже тогда, когда разделю любовь с другой. Мне нужна твоя одобрительная улыбка, твой взгляд с прищуром, ласкающий перламутровым весенним светом. Я заполню им себя и буду лечиться им в дни пустого мокрого неба, тревог, которые появляются внезапно, без предупреждения, вне зависимости от настроения.

Они как дождь в разгар осени — понимаешь, это неизменное проявление времени года, так должно быть и ничего с этим не поделаешь, но в то же время больше всего хочется закрыть кран над облаками, вернуть солнце. Отчаяние приходит иногда даже к тем, чья рука греется в руке близкого человека. Является настроение попортить и только затем уберется восвосяси.

Помню, как ты говорила, что терять иногда полезно. «Когда одна дверь закрывается перед нашим лицом, мы забываем о том, что непременно откроется другая. В другом месте, при других обстоятельствах, но точно откроется. Вместе этого мы, страдая и жалуясь, впадаем в отчаяние. Но все не так плохо. Иногда полезно дойти до последней точки, чтобы заметить новые возможности и наконец отвести взгляд от запертой двери».

Почему-то именно сейчас, когда я вернулся домой не с тобой, я настойчивее всего ищу тебя в отражении зеркала, в толпе подземных переходов, в блеске морской гальки. На том месте в Синем парке, где когда-то была наша скамейка и вместе с ней наши воспоминания. Не так давно скамейку убрали. На ее месте теперь растет куст жасмина, видимо, чтобы мне не грустно было проходить мимо. По набережной, где волны не слышны лишь в дни, когда свирепствует ливень. В остальное время ты всегда приходила к воде, к чайкам, к синему небу с просветами и долго о чем-то думала. Я садился рядом, пытался угадать причину твоих раздумий, ты смеялась в ответ:

— Не переживай за меня. Все, что, с моей точки зрения, не поддается объяснению, я называю либо «фигня»,

либо «любовь».

Я все еще ищу тебя глазами, шагая по ночным улицам, которые ты разделяла со мной. Ни ты, ни я не боялись ночи, ее коварства, ее атак под видом бессонницы. Мы жили в мире и боролись с ним: не желали принимать жизнь такой, какая она есть. Постоянные попытки подкорректировать, перекроить. Такое редко бывает, сейчас я это знаю. Абсолютное понимание между мужчиной и женщиной, абсолютная гармония... Мне, нам повезло, и мы это признавали, хотя никогда не рассчитывали на судьбу, привыкли добиваться счастья самостоятельно.

Каждую ночь я закрываю глаза, возвращаюсь к поискам тебя. И сегодня я тоже надеюсь, что мне повезет. Доброй ночи.

Это другая любовь. Сознательная. Основанная на трезвом восприятии, сугубо эмоциональных догадок почти нет. Знаешь, какие конкретно чувства испытываешь и почему — ты наконец дошел до того самого места, откуда открывается прекрасный обзор на весь предыдущий опыт, и встретил там человека, у которого глаза светятся пониманием.

Но это не сближение от отчаяния. Никаких пафосных всплесков, никаких истерик и болезненных признаний, мокрых глаз и дрожащих губ. Это все было раньше. Это все осталось в промозглых вечерах, когда много говоришь, почти ничего не слыша. Тогда за окном вьюги злобно оттачивали лезвия снежинок, сейчас же вокруг спокойный пейзаж и огромная тишина спускается с неба.

Теперь жизнь дает нам возможность выбора. Сами определяем содержимое и аккуратно заполняем им свои сердца, не переливая через края. Я ношу в себе удивительную новую любовь, которая зародилась незаметно и вдруг вспыхнула так же неожиданно.

Жду не дождусь обеденного перерыва. Стрелки подкрадываются к благословенному часу свободы, и я выбегаю из офиса, прыгаю к такси. Радио поет про autumn leaves, передает прогноз приближающейся осени. Умело лавируя между загруженными пробками кварталами, таксист везет к площади Трио, почти в самый центр. Водопад ждет в кафешке с желтыми стульями. Пьет через трубочку холодный красный чай — она всегда его здесь заказывает — и читает книжку, придавливая растопыренными пальцами страницы, с которыми заигрывает легкий морской ветер.

Я подхожу тихо, сажусь за столик. Она не сразу меня замечает. «О, привет!» Мимолетная улыбка, закладывает волосы за ухо, браслеты с ее запястья шумно перекатываются ближе к локтю. «Пойдем?» Она покупает вишневые булочки в передвижной бакалейной, подкармливает меня ими, возмущается, что я исхудал и «пора бы начать нормально питаться».

Большими шагами гуляем по улицам, периодически притормаживаем или куда-то сворачиваем, стены домов сплетаются в лабиринты, и мы преодолеваем их, увлеченно запрокинув головы — ориентируясь по небу. Уже не жарко, цвет остывшего моря посвежел, облака опустились ниже, изможденные солнцем туристы сняли кепки, вздохнув с облегчением. Теперь можно наслаждаться летом в городе, не потея.

Утомившись пешей прогулкой, садимся на бордюр площади с пластиковыми стаканчиками кофе, вытягиваем ноги. Ни о чем не думается. Нам хорошо в этом самом обычном буднем дне. Красота жизни — в одном мгновении. Мы, бывшие дети, разучились ее видеть. Дети просыпаются утром и воспринимают новый день как чудо, словно первый день их жизни. Большинство взрослых не умеют этого. Не можем не думать о завтрашнем дне, не можем оставить прошлое позади. Постоянно вздыхаем, о чем-то сожалеем. Пора переучиваться. Сегодня у нас с Водопад это, похоже, получается.

8

Я не знаю, как сказать ей о своей любви, о том, как закипает во мне неволя от страха высказать то, что может быть не принято. Какая-то юношеская робость вперемешку с надеждой. Будто все впервые, будто передо мной женщина со спокойным сердцем, для которой все мое волнение всего лишь ускоренный сердечный ритм. И ничего больше.

Я боюсь ее испугать. Она знает, как я любил до нее. Наверное, так уже любить не буду. Она может решить, что я ищу в ней успокоение, ту самую гавань, куда приплывают ржавеющие корабли, погубленные одинокой свободой в море, когда им пора пристать к берегу. Она может предположить, что мои чувства не любовь, что угодно, но не любовь. А я не смогу ей объяснить, что это — то самое, горячее, нежное, осмысленное.

Признаюсь, я недостаточно силен теперь. Трещины затягиваются, но только сверху. Сочно-зеленый газон выглядит вполне счастливо, но внутри остается разбитая, разодранная в клочья почва. Стоит появиться непогоде, и все осколки вымывает наружу. Моя любовь из последних сил. Она бывает у тех, кто слишком много потерял или слишком сильно обжегся. Кто понимает, что готов снова отдать себя другому, но если чувство не будет принято тем, с кем связано, то окончательно исчезнет. А его и без этого мало.

С другой стороны, я уверен в ней. Смотрю в ее глаза и вижу в них то же самое. Тот же страх снова обжечься, тот же сберегаемый остаток сил. То же желание поверить. Она, как и я, многое хочет сказать. Наши чувства пока не воплотились в слова — подбираем нужные звуки, паузы, интонации. Однако когда наступит час для воссоединения, все слова забудутся. Так всегда бывает — в любви не бывает заготовок, все рождается в процессе. В конце концов, между двумя людьми нет ничего важнее, кроме желания быть вместе. Отдавать друг другу все, что есть, все, что осталось.

Она сидит на балконе, подставив лицо лучам солнца. Я — у двери, пью крепкий зеленый чай с дольками нектарина. Она увлажняет лицо маслом, чтобы загар лучше ложился.

— Погода, а мне так хочется стать солнцем! Таким же улыбчивым, сильным, непобедимым даже для зим. И оставлять тебе своими лучами тайные знаки на листьях деревьев.

— К чему тайные знаки, когда ты и так можешь сказать?

— Не все. А написанное действует иначе. Ты всегда можешь перечитать — и каждый раз впечатление будет другим, даже если смысл останется тем же.

— Что же ты хочешь донести до меня?

— То, что подмывает сказать прямо сейчас. Но пока это сложно сделать — не то чтобы я выжидаю подходящее время, я сама должна окончательно понять главное.

— Хм... Я могу чем-то помочь?

— Нет. То есть да. Будь рядом.

Она спит, я ложусь рядом с ней, сняв рубашку. Ее кожа пахнет белесой морской солью и малиной. Мне хочется прикоснуться языком к ее шее, попробовать кожу на вкус, а потом, разбудив прикосновением, укрыться ее трепещущим телом. Целовать мочки ушей, ощущать дрожь, задавать ритм, в котором наши тела отвечали бы друг другу. Водопад склонилась бы надо мной, накрыв нас двоих шатром из волос-волн. Смаковать поцелуи, искать себя в глазах цвета опавших звезд и быть в ней до тех пор, пока дыхание не выровняется.

Сложно сдерживать себя, когда знаешь, что магнит, притягивающий все твои мысли, — в соседней комнате. Но я не тороплю время, с меня хватит заигрываний с ним. Мне достаточно видеть ее рядом. Стоять с ней у большого окна гостиной и наблюдать за тем, как в город тихой поступью подкрадывается осень. Холодный ветер после долгих скитаний вотвот вернется, чтобы трепать пряди волос, гнать по небу тучные волны, забрасывать сухие листья на подоконники. Лежать рядом с ней, слушать ее дыхание, пока она читает книжку, закинув ноги на спинку дивана. Она думает, я заснул. Нет, милая, я изо всех сил сдерживаю себя, чтобы не поцеловать тебя в колени, не обхватить руками и не разжимать объятий, пока не дам тебе почувствовать, как хочу тебя.

С тобой не хочу слушать ум — он не всегда полезен, в нем слишком много ограничителей, приводящих к сожалениям. Они, по сути, пусты, их выражение ничего не меняет — прошлое все равно остается прошлым, со своими ошибками, находками, задумками и проступками. С Водопад я не думаю о спешке, у нас впереди так много времени, мы все непременно успеем, она научит меня улыбаться, даже если никто не видит, и выпускать на волю глубокие вздохи.

С ней все минувшие события будут равными для меня. Эмоции остепенятся — станут для меня так же естественны, как внезапно начавшийся летний дождь. Ежедневное существование больше не будет походить на квест с бесконечными лабиринтами, неизвестно куда приводящими. Она уже изменила меня: не прячусь в сны с надеждой, что все поменяется после моего пробуждения. Я принимаю ночь с ее темными завесами — они все равно будут отбелены рассветом. Принимаю утро с его неизвестными — день будет таким, каким я его увижу в себе, а не за окном.

Сейчас я смотрю на свое отражение в зеркале, в глаза, и мне кажется, что я, наконец, успокоился. Она принесла мне в подарок зрелость, расчистив былую непредсказуемость, разложив события в порядке возрастания важности. Она собрала распущенные концы в тугой узел, построила дамбы. Научила не бояться. Столько всего за такой короткий промежуток времени.

Я живу иначе. И мне так хочется выразить ей признательность за это.

9

Родители не всегда хотят детям хорошего. Зачастую для них хорошее — это то, что они сами не сделали по тем или иным причинам. И не приведи господь чтобы дитя не приняло этого родительского «блага» — вот тогда и начинается не то, не так и не тут. Мы покидаем свои дома, порой это единственный выход, чтобы не превратить в пепел семейный очаг. Я слишком поздно ушел, поэтому теперь некуда возвращаться.

Тогда думал: «Как же так, нельзя, это моя семья, я их кровь, они мне желают только лучшего». Моя установка, засевавшая внутри с детства и не позволяющая долгое время жить той жизнью, что я хотел. Пусть беспечной, неправильной, но своей. Они выгоняли меня, отворачивались от меня — я думал, так оно и должно быть. «Родные, в отличие от знакомых, друзей, не будут играть с тобой. Они за правду, а она не всегда бывает сладкой, мягкой».

Вспоминаю собственную наивность, поражаюсь тому, каким я был и кем стал. Не лучше, не хуже. Другим. Будто то, что было, это не про меня, я там был физически, но внутренне гулял далеко — по закоулкам Мехико, где синие дома, жгучий и терпкий перец-халапеньо и трехногие собаки. Мексиканцы не верят их слезам. Я не могу не верить собакам — у них глаза глубже человеческих. Нет, я не отказываюсь от правды. Просто не узнаю произошедшее — если бы оно все случилось со мной, я давно перестал быть человеком. Но, судя по всему, пока все хорошо. В какой-то степени любое «хорошо» довольно шаткое, неустойчивое, что ли. Но иногда оно действительно означает «хорошо», и это радует.

Водопад просит показать мои детские фотографии.

— Я хочу узнать тебе лучше! Обычно этого нельзя делать с мужчинами, в их прошлом вообще не стоит проводить раскопки, одни сплошные разочарования. С тобой — иначе. Даже если накопаю что-либо компрометирующее, то все равно приму это. Мы срослись всеми меридианами и параллелями!

Отшучиваюсь, говоря, что я родился старым, как Бенджамин Баттон, и детство мое впереди:

— Тебе придется меня нянчить. Надеюсь, к этому времени ты не состаришься, и у тебя не будут дрожать руки...

Скрываю за улыбками то, о чем трудно вспоминать. У меня нет фотографий. У меня и не было толстого детского альбома с картонными страницами и бархатной обложкой. Меняю тему, выхожу в магазин якобы за сигаретами. Спускаюсь к набережной, а в голове что-то зреет относительно воспоминаний, пухнет, обрастает подробностями. Что это — понять не могу. Но оно точно сдвинет меня в сторону верного решения. Надеюсь. Получаю эсэмэс от Водопад: «Во мне столько любви, что ее хватило бы на всего тебя, от детства до сегодняшнего дня. А если примешь, то и дальше. Купи персики».

Мне светло внутри, легко дышится, рядом понимающий человек, но я все равно много думаю. Вопросы

липнут, как клейкая лента, избавиться от них сложно, так и носишься с ними, перекладывая из одного места в другое. И с каждым разом их становится больше, вот-вот станут тяжелым грузом, таская который медленно сгибаешься вопросительным знаком.

Сегодня утром я проснулся в семь, несмотря на субботу, снова перебрал в уме все вопросы и отправился на пробежку. А там взял и выбросил их из головы, разом. Задышалось легче. Утро переливалось вокруг жизнерадостным сиянием. Джулия с дочерью выгуливали изрядно подросшего кролика в траве, соседка-фотограф со второго этажа, развешивая разноцветные майки на балконе, напевала песню об улетающих на юг птицах. Странно, я почти физически слышал шум воды, какой слышишь, поднеся к уху раковину. Это моя Водопад, она во мне.

Я спускался пешком к набережной мимо стены из красного кирпича, в воздухе пахло осенней прохладой, погода вовсю сентябрила — и я радовался этому началу. Началу дня, началу себя. Мы привыкли откладывать все на завтра, а ведь счастливым надо становится уже сегодня. Как важно осознать, что причин быть несчастным прямо сейчас у тебя нет. То, что тянется из прошлого, — не в счет, его можно держать на расстоянии. Прошлое, как старинный фолиант: пока не откроешь его, не вчитаешься, он не заговорит.

Преодолев какой-либо жизненный период, мы прокладываем между ним и началом следующего особое нейтральное пространство, разделительную черту. Делаем это, разрывая множество связей, сжигая не один мост. Пытаемся отделить одну вежу от другой. Не самая верная тактика: если мы будем отказываться от чего бы то ни было, считая это плохим или недостойным, то со временем разучимся благодарно принимать новое. Ведь истина познается в сравнении. Надо, надо принять все оттенки жизни, все пройденные тропки, неважно с кем и в каком состоянии пройденные... Все это наше, все один-единственный путь.

Я на ходу придумываю, чем порадовать Водопад, и сворачиваю в кондитерскую «Сильвия», что в двух кварталах от моего дома. Внутри все белое-белое, у продавцов шапочки в форме безе, а всю выпечку можно попробовать перед тем, как купить. Владелица кондитерской — пожилая украинка, у нее маленькие руки-пышки, необычайно ласковый взгляд и кожа цвета молочной пенки. Надя улыбается даже в самую ненастную погоду. Если попросить ее совета по поводу выпечки, она сначала обязательно поинтересуется настроением.

«Если хандра замучила, то попробуйте шоколадные трюфели с диким медом, я его сама привожу из Башкирии. Переживаете безответную любовь? Советую кусочек брусничного пирога. Я в него еще корицу добавляю для усиления иммунитета. В трудных случаях самое оно! Замучила рутина, хочется чего-нибудь необычного? Мармеладно-миндальное печенье подойдет лучше всего! Тесто творожное, легкое, пышное — не бойтесь, не поправитесь».

Сегодня я беру вишневый пирог — он у Нади бесподобный, и Водопад от него без ума.

— Будьте осторожны, — смеется Надя. — Вишневый пирог усиливает привязанности.

— Чего остерегаться? Это же прекрасно, — отвечаю я, направляясь к кассе.

10

Рано или поздно мы все приходим к отметке насыщения всеми видами человеческих отношений. Это может произойти завтра или послезавтра, в следующем году или через несколько лет. Такое состояние называют зрелостью. По мне — слишком пафосно. Все проще: ты понимаешь, что все произошедшее и все, что может произойти, больше не проникнет так глубоко в тебя. Не из-за наращенной брони. Просто в тебе так много всех видов отношений, что новым нет места. И тогда ты проходишь мимо них, да, заполненный по горло и израненный до дна, но сильный в собственном богатстве.

Тебя ничем не удивишь, тебе не нужно ничего особенного, только самое малое, настоящее. Насытившись, во всем ищешь одного — спокойствия. Ты готов отдавать любовь, но в тишине прикосновений, когда слова лишние, а голоса — распугивают волю. Ты хочешь дружбы, но такой, когда молчание красноречивее любых слов, а поступки доказывают то, что невозможно доказать словами.

Прошло время звуков. Теперь ты улыбаешься желтым осенним листьям в лужах на черном асфальте, сумасшедшему поступку давнего друга, который, бросив дела, мчится через всю сетку метро, чтобы разделить с тобой пиццу на теплой кухне. Теперь ты ценишь в отношениях не то, что получаешь и отдаешь, а то, что вы просто вместе.

Я пришел к этому благодаря Водопад. Она не очень верит, что когда-нибудь сможет легко отпустить то, что само идет в руки, и легко соглашаться с тем, что принять трудно. «У меня такая странная тяга к оставшемуся позади. Я не хочу туда, но хочу чувствовать, как тогда. Хочу радоваться чему-то совершенно незначительному, пусть даже мне это видится абсолютной ерундой. Хочу смотреть на мир теми глазами, с той же наивностью — она, хоть и опасна, но прекрасна. Горжусь всем, что было. Для меня точка в одной истории всегда была началом следующей. Стена, о которую жизнь ударила меня со всей силы, стала частью нового дома. Оно того стоит!»

Водопад перебирает свою коллекцию разноцветных пуговиц, выбирая из них черные и забрасывая их в мусорное ведро. Я слушаю ее. Женщина все равно остается женщиной, какой бы мудрой она ни была. Удивительная легкость в ее словах. Не выдерживаю, говорю ей об этом:

— У вас, девушек, желания худеть и печь пироги возникают одновременно. Все выдумываете себе сами — любое объяснение любому настроению. Не слишком ли быстро вы утомляетесь от трезвых мыслей? Хотя это как раз понятно, если они идут наперекор вашим мечтам...

— Ты, может быть, отчасти прав, но не надо делать из нас идиотов. Просто мы заболеваем сомнениями, когда вокруг становится пусто, и возвращаемся в прошлое, чтобы удостовериться, что было время, когда мы на самом деле жили. А не только вкалывали на благо общества, заполняя пустоты настоящего. Состояние женщины напрямую связано с состоянием мужчины, находящего с ней рядом. Подумай об этом!

Выкидывает последнюю черную пуговицу, вздохнув с облегчением.

— Хорошо, я это обязательно учту, ты только не переставай так же надувать губки, когда сердисься.

Она отвечала молчанием на мои слова о любви, испытывала на прочность, уходила от разговоров о нас, а вчера неожиданно поцеловала в губы. Мы сидели перед телевизором, обложившись подушками. Она ела персики, я смотрел «Близость» с ощущением дежавю. У меня так было. И я учился доверять через недоверие, и ко мне тоже шли через толпу, сквозь время, в замедленном режиме.

Это был поцелуй светлый и отчаянный, будто мы долго шли к нему и, наконец, воссоединились с огромным облегчением. Я давно ждал этого, но опасался сам нарушить тишину. Ценил ее присутствие рядом, ценил дни, проведенные вместе, не окрашенные сексуальным влечением. Мы — два уставших, но не сломленных человека, которые держатся за руки, цепляются за красоту окружающего мира, чтобы научиться жить заново.

Пиала с персиками опрокинулась с дивана, бархатные шарики покатались по полу, пульт от телевизора затерялся где-то под нами. Я раздевал ее быстро, спешил, желая прижать к себе тело с шумом водопада. Она целовала мое лицо, шею, руки, я входил в нее и замирал, наслаждаясь теплом, пытаясь не расплескать свой жар. Она торопила, вбирала меня в себя плотнее. Не было сил сдерживаться, но только я освободился от первой волны страсти, как после короткой передышки меня накрывало следующей.

Я не помню, сколько продолжалась наша эйфория — фильм давным-давно закончился, а за окном рассвет разгонял ночь. Свет из окна создавал эффект свечения, делал ее кожу бледной. Мы разговаривали, сплетаясь телами, как одно большое диковинное существо.

— Зато вы всегда запоминаете не тех женщин, с которыми были в постели, а тех, с кем у вас мог бы быть успех, но по тем или иным причинам ничего не было.

— Нет-нет. Ты слишком обобщаешь, Водопад. Я помню только главных женщин моей жизни, а их не может быть много. Чем больше времени я провел с дорогой мне женщиной, тем глубже ее след в моей жизни.

— Ты говоришь про время как критерий... А по-моему, для мужиков время не имеет особого значения. Вот в сексе, к примеру, — у вас нежность может быть сиюминутной. Пока в ней есть физиологическая подоплека. А женщина, если позволит себе быть нежной, то после утреннего расставания не остановится.

- Ага, ты еще скажи, когда порно смотрит, надеется, что в конце герои поженятся.
— Кстати, да. Не веришь?
— Водопад, мы такие смешные! С чего бы нам переживать за остальное человечество? Лучше поцелуй меня.
— Хм... И оставить человечество в покое?
— Главное, меня в покое не оставляй.

Я люблю время с ней. Оно не распадается на составные элементы, становится единым, течет в верном направлении. Вызывает неосознанную улыбку. Я больше не боюсь холодов, даже жду осени. Это будет еще один шанс. И мы будем теми, кем рождены были стать, но почемуто забыли об этом.

11

Мы уедем туда, где нам хорошо. Хорошо даже в самую ненастную погоду, когда пузыри бесконечного дождя достигают пугающих размеров. Хорошо даже в самый тяжелый понедельник, когда озадачивает именно то, о чем не волнуешься и не задумываешься даже в остальные дни недели.

Нам хочется другой жизни, в которой будет все, о чем мы оба мечтали, но растеряли мечты в городской суматохе. Дом, куда мы ездили на каникулы, теперь будет нашим. В его стенах перестанем стыдиться слабостей, наоборот, будем гордиться ими.

«Мы, женщины больших городов, стали слишком мужчинами. Отучили себя от желания довериться противоположному полу, показать слабость, которая есть в нас по природе, как бы мы не спорили с этим. Боимся признаться себе, как порою нам хочется обнять кого-то и уткнуться носом в щеку. Жизнь ведь прекрасна, когда чьей-то щеке нужен твой нос». Я и Водопад, мы устали от сложности, непредсказуемости большого города. Тянет к домашнему уюту, к свободе, когда нет соседей снизу и сверху, а любые неприятности ниже зеленых гор за окном.

Я всегда любил спать в доме тети Эльзы. Там сон не шел сразу. Я по два часа лежал под перламутровыми бликами потолка и слушал, как движется стрелка настенных часов в абсолютной тишине. Будто молоток бьет по пустой металлической трубе, громко и звонко. Странно так, с тех пор много чего утекло, многое потеряно, приобретено меньше, а вот шум стрелок запомнился и связывает меня с тем временем. В той атмосфере живет детство, именно в тех краях находится заветный тоннель, попадая в который перестаешь взрослеть.

Помню вечера, разговоры с тетей Эльзой, огоньки в печи, неспешное чтение «Трех товарищей» перед сном, бумажные снежинки на Новый год, как стояли в церкви с дрожащими свечами. Тетя Эльза нас водила туда с настойчивостью: «Хватит беситься и петь, пора уже и о духовном подумать». Хорошее время было, беззаботное, как любая юность.

Тогда у меня в жизни не было дел, которые я не мог выполнить. Они не тянулись за мной бесконечным шлейфом. Тогда все планировалось за пять минут, совершалось здесь и сейчас, на лету. Меня ничего не держит в большом городе.

Здесь больше никто не окликнет меня. Люди стали похожи на прочитанные книги. Редко кто идет за мечтой, отвоевывая ее у обстоятельств. Порядок человеческих действий прост, чаще всего эгоистичен и доведен до автоматизма. Здесь слишком много иллюзий, но и они не приносят успокоения. В них попросту увядаешь и становишься ничтожным винтиком в бесчеловечном механизме большого города.

Я так не хочу. Я за настоящее. С Водопад.

Выходные в четырех стенах. Перемещения из спальни в ванную, оттуда в кухню, потом обратно, в постель. Нам ничего не нужно, кроме нас двоих. Такой вполне логичный эгоизм, к нему приходишь, пережив неоднократно одни и те же эпизоды жизни, извлекая урок почему-то именно в последний раз. Больше не отдаешь всего себя людям. Отделяешь кусочек от того, чем можешь поделиться, протягиваешь его тому, кто достоин и по-настоящему нуждается.

Теперь мы вне хитроумных сплетений, нам некогда вникать в ситуации, итог у которых один — в очередной раз убеждаешься в тщедушности, скользкости большинства людей. Раньше подобные эпилоги оставляли неприятный осадок, не позволяя доверять, открываться, разделять. Сейчас все воспринимается как обычное дело и подтверждает в сотый раз убежденность, что доверять можно только тем, кто тебе доверяет. Лучше верить не тем даже, с кем прошел не одну дождливую дорогу, а тем, с кем у тебя совпадение по главным для тебя пунктам. Проверка временем нередко подводит. То, что связывает двух людей в настоящем, порой сильнее любых испытаний прошлого.

Она прокаливает специи на сковороде с толстым дном, предварительно измельчив их. Аромат семян черной горчицы, кумина, кориандра, мускатного ореха и паприки витают по дому, преображая пространство, придавая восточный колорит. Она готовит ужин в нашу честь. «Не надо никакой даты, повода. Просто пусть этот день станет нашим днем. Тридцатое августа. За два дня до осени».

Пока я спал, Водопад успела сбежать на рынок, купить свежей говядины, овощей, фруктов. Мясо, замаринованное с киви, специями и чесноком, обещает быть великолепным.

— Все приправы привезла из дома, — поясняет Водопад. — Тебя ведь кормить надо, сколько можно питаться фастфудом... Все из маминых запасов. У нее в погребе есть душистые мешочки с чем угодно — начиная сушеным кизилом и заканчивая пахучей куркумой.

Два киви и пару долек чеснока она порубила на мелкие кусочки, добавила в них немного соевого соуса, сахарного песка. В маринад положила кусочки мяса, посолила, поперчила, отправила в холодильник на четыре часа. Запекать около двух часов в духовке с овощами.

— Как раз к вечеру готово будет. Давай поужинаем на балконе — сегодня особенно чувствуется осень.

Осень... Она появилась в городе внезапно, хотя по календарю самое время. Душные недели оборвались резко, словно были изгнаны. Под вечер полил дождь, а утром солнце уже было понурое. За эти жаркие почти три месяца лета мы совершенно отвыкли от контрастов. Позабыли о том, что живем в городе-настроении. Нынче за окном пахнет осенней прохладой. Я люблю это время года. Время, когда не нужно ничего доказывать, к чему-то привыкать. Все так, как оно есть. Время молчаливого примирения с разными цветами жизни.

12

Она сидит с нами рядом на скамейке. Покрытая девушка с невероятно красивой улыбкой. У нее в глазах мартовская прохлада, в которой с каждым днем все четче проступает весна. Под этим взглядом хочется впустить в душу еще больше света, проветрить ее на весеннем воздухе, чтобы стала белее облаков.

Она приходит в этот парк в выходные с детьми, тремя дочерьми. Между ними небольшая разница, два-три года. Смугленькие, со жгучими черными глазами, густыми каштановыми волосами-волнами. На нее мало чем похожи.

«Все в папу, он у нас из Алеппо. Сирийские гены оказались сильнее украинских». Она улыбается и легко открывается нам. Говорит, что первенцем у нее был мальчик, он умер при родах. Бывают мужья, которые не простили бы жене такого. Осман, увидев Ташу после тяжелых родов, обнял ее крепко и сказал: «На все воля Аллаха. Мы любим друг друга, мы есть друг у друга. Это главное».

Через полгода она приняла ислам, а в прошлом году они вместе совершили паломничество в Мекку. «Осман для меня все. Говорят, нельзя так любить никого, кроме своих родителей и детей. Ничего с собою не могу поделаться. Он для меня все, что и словами-то не назовешь».

Девочки уведут Водопад поиграть с ними, и я вижу, как оживают ее глаза другим, особенным блеском, когда она с детьми. Непроизвольно делюсь с Ташой своими мыслями. Она согласна.

— Это прикосновение к мечте. Когда человек ее касается, у него в глазах появляется что-то такое, чего не увидишь даже в самый хороший день. Еще до замужества, признаюсь, я не очень хотела детей. Я думала, что они отнимают слишком много жизни, свободы. Сейчас понимаю: они и есть жизнь. Вторая часть жизни, проходящая параллельно с первой, твоей. Желание стать матерью должно прийти женщине одновременно с

любовью к мужчине, с которым она хочет их вырастить.

Я вдруг рассказываю Таше о том, что из-за болезни не могу иметь детей. Водопад это приняла, хотя и настаивает на лечении в Германии. Таша тоже горячо отзывается:

— Нельзя ни с чем так легко смириться! Надо использовать все возможности, все попытки и не опускать руки. Только потом можно принять ситуацию — и то не как поражение, а как необходимую данность. Для чего? Это не сразу понимаешь. Все со временем... Я сама встретила Османа в период, когда мир рассыпался для меня на крошечные кусочки. Старалась собрать их в одно целое, поменять отношение к тому, что было, энтузиазма хватало на два-три дня, затем все заново расходилось по швам. А появился Осман, и я доверилась ему, пообещав себе, что это в последний раз. Получилось. Я отвоевала новую жизнь. У вас это тоже получится, я почти уверена.

Смотрю на Водопад, она о чем-то задумалась, пока девочки собирают цветы у пруда. Достает пачку сигарет, но останавливается, видимо, вспомнила, что рядом дети. Я встаю со скамейки, подхожу тихонько к ней сзади. Наклоняюсь, шепчу Водопад на ухо: «И мы отвоюем жизнь».

— Я не хочу думать, как будет. Радуюсь тому, что есть. Я же всегда такой была. Помнишь, как девочки из нашей группы искали себе женихов, так сказать, перспективных. А я, дура, ценила глаза. Только потом поняла, что одними глазами сытой не будешь. Хоть на этот раз не пойми буквально!

— Помню, помню. Как ты бегала по институту в майке с надписью: «Крысы уже не верят в чудеса». Говорила, что мужчина вкладывает один смысл в «я тебя люблю», а женщина извлекает совсем другой.

— Хорошего не вспомнишь, Погода. Думаешь, я забыла, как ты ходил с длинными волосами, в круглых солнечных очках, фанател от Леннона и даже разговаривал его словами. «Сон кончился, пора браться за дело». «Жизнь — это то, что происходит с тобой, пока ты строишь планы». Я до сих пор помню, как ты занудничал.

— А ведь он прав, Водопад. Давно не живу планами. Ты тоже вроде. Бывают желания, но не больше. Они не всегда сбываются, ведь в них участвуют люди, что срывает любые гарантии. Ничто никогда не идет по плану. Лучше уж импровизация.

— Да уж, мы с тобой доимпровизировались... Но я счастлива, что ты рядом со мной. Честно скажу, я ждала тебя. Не тебя конкретно, конечно. Даже представить себе не могла бы, что у нас будет что-то больше дружбы. Но я верила, что должен появиться тот, кто вернет меня в настоящее, вырвет из того рабочего аврала, которым я обложила со всех сторон, лишь бы забыться.

— О, значит, я могу считать себя суперменом.

— На звание народного супермена ты не тянешь, но можешь быть моим личным. Если серьезно, я не могла сказать конкретно, каким должен был быть этот спаситель. У меня не было идеи, откуда бы он появился. Но характер... Он был бы душевным и обязательно слышал бы меня. Похоже, большего мне не нужно было — самое важное, это когда тебя слышат. Прошло время немного кино.

— Он появился, да?

— Мы чаще всего получаем то, что можем вообразить себе. Ты, можно сказать, из моей мечты. Будто туман вокруг этого долгожданного спасителя развеялся, я увидела тебя, который, оказывается, все это время был на расстоянии телефонного звонка.

— Так привыкаем к картинке вокруг себя, что не замечаем в ней главного. Говорится же: хочешь что-то спрятать — положи на самое видное место.

— Наверное, Погода, главное то, что мы все-таки нашли. Мне хорошо благодаря тебе. Ты подарил мне новые горизонты. Вроде бы что-то такое уже было, но с тобой все совсем по-другому. Вот эта новизна — разве это не самое главное между мужчиной и женщиной?

— И у меня так. С тобой.

13

— ...Я сейчас понимаю, что давно люблю тебя. Это чувство жило глубоко-глубоко, я никогда не давала ему воли. Оно было дружбой. Совершенно искренней, без женских ожиданий, которые многое портят. Если ждешь и в итоге не получаешь, все самое светлое сменяется ненавистью. Мне хватало того, что ты был рядом. Не в двух шагах от меня, не на соседнем кресле. Ты был в моей жизни — и этого было достаточно. Да, были

мужчины, которых я любила тоже. Но не так.

— Да, ты еще умудрялась мне часами о них рассказывать. Злилась на них, вычеркивала из памяти, а спустя некоторое время отвечала на их звонки, все начиналось заново, а потом снова заканчивалось.

— Но что поделаешь? Говорят же, удары в спину чаще всего наносят те, кого защищаешь грудью. Тем более мне. Я влюблялась в глаза, не думала о том, что меня ждет с этим человеком. Любовь, как губка, легко впитывает не только все прекрасное, но и всю человеческую грязь — ложь, измену, унижение.

— Мне кажется, Водопад, что проблема в нас, людях. Мы даже в любви не можем избежать напыщенного эгоизма. Неужели невозможно просто быть рядом?

— Пить одну большую кружку кофе на двоих, покупать угли одинакового цвета, прятать в своем шарфе твой замерзший подбородок, бегать под дождем короткими перебежками из укрытия в укрытие. Проживать зиму с мыслями о летней Италии, потом вырваться, в конце концов, туда, чтобы обходить кафешки на солнечных площадях и обедаться сырными ravioli.

— Тебя послушаешь, хоть кино снимай. Все такое романтическое-романтическое.

— Ты привыкай, Погода. Так оно и будет. Никогда не поверю, если ты скажешь, что это все тебе чуждо. Я же хорошо помню, как это было у тебя раньше... С ней. Слова, которые вы говорили друг другу, не стесняясь людей. То, как ты на нее смотрел. Столько любви, нежности... Помнишь, как ты звонил мне среди ночной метели и кричал мне трубку: «Водопад, я скоро папой стану». А я потом полночи успокаивала ее, она волновалась, как ты доберешься до города в такую непогоду, еще и ошеломленный такой новостью... А ты появился под утро, весь мокрый, чихающий. Но с букетом калл. Двадцать один цветок. Я прекрасно помню.

— Да... Я их купил у знакомого цветочника. Попросил его приехать среди ночи, открыть магазин и продать мне каллы...

— Прости меня, глупую. Я знаю, мои слова бьют по больным местам.

— Все нормально, Водопад. Наоборот. Ты вот вспомнила все это, я слушал, и, веришь, у меня внутри все улыбалось. Меня не мучает совесть из-за того, что я ей чего-то недодал. Я старался быть для нее всем, не знаю, насколько у меня это получалось. То, что случилось, конечно, отразилось на мне. Я стал другим, быть может, и хуже, отчаяннее. Но зато теперь у меня есть ты, и я есть у тебя. Мы вместе пойдем дальше.

— Уже идем.

Я целую тебя и не слышу своего сердца. Оно будто исчезло, теперь на его месте — светящаяся пустота, из которой прямо в вены струится озорной весенний бриз. Ты целуешь меня в ответ кокетливо и отворачиваешься, это такая игра, и я могу обещать только одно: я так долго не продержусь.

Не могу насытиться тобой, пьянит твой запах, шум волн в тебе и твои волосы темно-сливового цвета, рассыпанные по подушке. Не узнаю себя рядом с тобой, я родился снова в тебе, но я помню себя «до» и «после». Трудно поверить, что рядом со мной, который еще полгода назад был готов окончательно сдаться, тихо доживал бессмысленные дни, сейчас она — нежная, заботливая, чувственная. С такими удивительными губами. Я об этом даже не мечтал, представить не мог подобного в гулкие часы одиночества, не выискивал в чередке недолгих увлечений.

Она — старинный друг, верный друг, родная и одновременно незнакомая. Открываю ее себе по-новому и понимаю, как мне повезло. Она думает обо мне. В любое время. Вне моих настроений, порой и проблем. Это самое важное для меня. С того дня, как потерял семью, я искал именно таких отношений. Не говорил об этом вслух. Но в глазах каждой женщины, с которой знакомился, я пытался разглядеть одно: заботу обо мне, искренность.

А видел чаще всего другие заботы — о моей квартире или кошельке, о размере удовольствия, которое я могу обеспечить, но только не обо мне. Не злился, не пытался обмануться. Но надежды у меня уже почти не было. Так и прожил бы в своей маленькой квартире с большим балконом, предоставленный самому себе, если бы не она. Водопад.

Мы сделали вид, что до этого не целовали друг друга в щеки и не смотрели похожих снов. Мы начали молчаливую игру с чувствами, и в какой-то момент она начала устанавливать новые правила — я подумал: ну хорошо, попробую играть по ним. Сам не заметил, как мы подошли к концу игры, и оба выиграла. Сжимая ее в объятиях, я понимаю: вот то, что мне нужно. То самое, что заставляет меня держаться за жизнь в полном смысле этого слова.

Сейчас, целуя ее, я больше не хочу, как прежде, забываться. Мне теперь интереснее реальность, Я теперь совсем не согласен с прежним мнением о том, что мне нечего ждать от дней, идущих навстречу. Она все опровергла. И будущее вдруг стало обязательным условием, хоть мы и договорились жить сегодня.

14

— Это может прозвучать слишком сентиментально, но когда ты делишься своими чувствами, мне хочется нажать кнопку «pause» на пульте времени и хорошенько зафиксировать твои слова в себе. Пусть они всегда будут во мне. Пусть не теряются в потоке других слов, предложений. Светлые слова должны оставаться в нас, а все другие — в письмах, которые в любое время можно сжечь.

— Водопад, зачем же замораживать слова, когда я рядом?

— Это другое. Мы быстро перестаем говорить друг другу важные слова. Бытовуха, спешка, рутина, короткие мысли на бегу. Поэтому приходится жить самым важным, что сохраняешь в себе. Вспомнил, отогрелся и ощущение сухостоя в сердце проходит.

— У нас этого не будет. Мы уже прошли через такое, одного раза достаточно. Нельзя войти дважды в одну реку... Второй раз всегда бывает иначе — либо хуже, либо лучше. Учитывая, о сколько булыжников мы спотыкались, падали, разбивали носы, но все равно продолжали путь, впереди нас ждет только хорошее.

— Мне тоже так кажется. С нас уроков хватит. Мы с тобой не стали отличниками, но на хорошистов уже тянем. Просто... я боюсь...

— Давай, скажи...

— Да нет, это бабские тревоги, не обращай внимания.

— Скажи же...

— Я боюсь, что ты уйдешь.

— Почему?

— Ты столько всего пережил, потерял в жизни, потом нашел себя в одиночестве и готов был прожить так еще долго. И вдруг появляюсь я. Рядом с тобой теперь не воспоминания, которые оживляли тебя все это время. Рядом с тобой теперь человек. Другая судьба, другой характер.

— Но ты тоже связана с моим прошлым. Ты тоже оттуда. Мы смогли объединиться в настоящем и попробуем двинуться навстречу будущему. Что в этом плохого? Ты думаешь, я долго протянул бы наедине с воспоминаниями? Они как любимый мягкий шарф на шее, на котором рано или поздно сообразишь повеситься.

— Научимся жить в одном пространстве... Это, может быть, будет даваться сложно, особенно в тоскливые дни. Ты же знаешь проделки нашей реальности, непрекращающиеся проверки на прочность. Приближается зима, вот-вот она ворвется внутрь, завьюжит, завалит снегом... Или вдруг призраки — увидишь впереди себя человека в том же пальто, с той же походкой, с такими же неаккуратно причесанными волосами, как когда-то давно. Мурашки побегут по коже — и мысль: боже, ну неужели опять, неужели это тот самый «пройденный» человек? Хочется юркнуть в подземку, запрыгнуть в подъехавший автобус, только бы прошлое не приближалось так близко. Так и сделаешь. Но, сев в автобус, вдруг видишь, как призрак оборачивается, и у него другое лицо. Не тот, не тот! Уф, пронесло. Но коленки до сих пор дрожат...

— Так знакомо мне это все. Такое мое. Я тоже встречал ее в чужих окнах. Мне казалось, что она вышла из моей жизни и ушла в чью-то другую. И там она отдает любовь, без которой я задыхаюсь, вот-вот перестану жить. Я ревновал ее к смерти. Почему она там, в ее объятиях? Почему смерти досталось то, что так нужно мне? Эгоизм любви. Нормально. Я шел по пятам прошлого, злился на себя за то, что не могу иначе, ведь все равно до нее настоящей не доберусь. Временами мне хотелось превратиться в ветер — улететь отсюда, жить между полюсами, не иметь ни места рождения, ни места смерти. Потом понял, что как раз ветер — самое бесхарактерное проявление непогоды. Впадает из крайности в крайность, подбирает наши тревоги, тайны, запахи и быстро уносится, чтобы скоро снова вернуться и напомнить о болезненном. Так и живет, бедолага, между человеческими судьбами. У всего должно быть место, где можно переждать кризис, перевести дух, прежде чем вернуться в обычный поток.

— Для нас таким местом долгое время был наш дом, помнишь, Погода? Правда, мама не давала нам как следует перевести дух, будила и тащила к инжирному дереву, мол, инжир следует есть именно утром, натошак. Помнишь, как мы кривились, с каким одолжением жевали? Будто это было нужно кому-то другому.

— Я до сих пор инжир терпеть не могу!

— И я, кстати. А дерево то высохло, мама жутко расстроилась. Фредик тоже пострадал, он любил спать под

его тенью.

— Водопад...

— Да?

— Сможем мы теперь идти вместе, как ты думаешь?

— Теперь — обязательно! Главное, прислушиваться друг к другу. И потихоньку, потихоньку... Мы ведь не будем на себя слишком многое взваливать. Мама говорила: маленькие дети спать не дают, а с большими — сам не уснешь. Вот ровно то же самое с планами — либо носишься с ними, дорабатывая, либо служишь им сам. Не будем... постараемся соблюдать баланс. Установим себе границы, договоримся о самом важном. А когда начнем уставать друг от друга, будем брать паузу — разъедемся, чтобы снова соскучиться.

— А ты считаешь, правильно дядя Гурам делал? Видя, что отношения в доме накалились, он уходил в горы, через пару недель приходил домой обновленным, и мир возвращался, и все было в лучшем виде... Но все-таки давай не будем думать ни о чем заранее. Будем решать проблемы по мере возникновения.

— Договорились. А сейчас давай расплатимся и поехали-ка домой. Вещи упаковывать. Завтра тебе предстоит публичное отречение от работы... Не страшно? Ой, да я пошутила! На первое время я взяла удаленку, так что выкрутимся.

— Конечно. Я еще поговорю с Фернандо, у него были предложения по частному бизнесу. Инвестируем накопления, это поддержит нас, хотя и довольно скромно.

— Именно так я и хочу жить!

— Водопад?

— Ммм?

— А ведь я люблю тебя.

— Я тебя тоже, моя самая лучшая Погода.

15

— Представляешь, Леона недавно у меня спрашивает: а правда, что пары формируются на небесах? Что есть ангелы, которые объединяют судьбы двух разных людей и посылают их навстречу друг другу на земле? Я, конечно, не стала ей открывать правды, сказала: «Да, Леонкин, так и есть, твой мальчик уже идет тебе навстречу. Когда ты подрастешь, вы будете вместе». Я смотрела, как на ее лице переливается белым светом улыбка и жалела о том, что слишком быстро стала взрослой. Даже не припомню той поры, когда верят в принцев, я их оставляла на страницах сказок...

— Ну, твоя племянница — исключение из правил. Сейчас дети вообще слишком быстро взрослеют, а Леонка в свои девять до сих пор играет в куклы.

— Разве это плохо? Чем позже она столкнется с правдой жизни, тем лучше. Дерьма наглотаться еще успеет. Пусть пока верит в удивительную любовь Кена и Барби. Раз уж в жизни мужики далеко не Кены, а бабы редко превращаются в Барби.

— Водопад, ты усложняешь. Просто есть правила игры, и это не обман — это игра. А ты слишком откровенная, поэтому так сильно обжигаешься. Помнишь, как тетя Эльза стаскивала с опухших ног туфли на высоком каблуке и говорила: «Запомни, как бы тебе не было больно, ты всегда должна ступать так, словно идешь босиком по шелку»? А ты пропускала ее слова мимо ушей, смеялась, натягивала кеды, бежала дальше навстречу времени, не глядя под ноги.

— Да, Погода. Я не только гордилась тем, что нарушаю всякие правила, но и жутко злилась, получая пинки под зад. Жаловалась на весь мир, искала виноватых, не понимая, что все причины и следствия замкнуты на мне. Потом быстро уставала от несогласованных с желаниями перемен, от странных, отчаянных отношений с теми, кто меня не любил.

— Это опыт. Без него ты бы ничего не поняла, так и жила бы крайностями, как я месяцы после потери ее. Делаешь все, казалось бы, как всегда, в том же объеме, а потом выясняется, что буксуешь на месте.

— Все это научило меня воспринимать события, обстоятельства проще. Жить в реальном мире, а не в своей голове. Не прописывать сценариев, которые сбываются с минимальной точностью. Сейчас я прислушаюсь только к чувствам, которые переживаю в настоящем, никаких оглядок назад и бросков в будущее. Завтра будет завтра.

— Так ведь легче жить, Водопад.

— Точно. Жизнь не любит, когда у нее чего-то требуют. В ней изначально есть все необходимое, нам остается это только разглядеть в общем изобилии и получить свое, желанное. Надо, несмотря ни на что, суметь переждать грозу, а когда появится солнце — оно зальет все сразу и беспредельно.

— Пусть ветер бьет по лицу, я все равно не отвернусь. Я слишком хорошо понял, что мне нужно делать, принял эту схему настолько глубоко, что она заняла место прежней. Водопад, это мой последний шанс принять новое в себе.

— Я вот должна тебе сказать: ну что ты, Погода, шанс последний бывает при последнем вдохе. А так — каждый новый вдох — надежда. Но я совру. Потому что у нас есть шанс понять другое, новое, но вот принять его... Сердечная материя изнашивается от постоянных попыток жить иначе. Разум осознает необходимость, но чистого места уже нет. Лист бумаги, так и не увидев полноценного текста, превратился в черновик.

— Если честно, меня мучает страх, что все оборвется. Я сегодня об этом подумал, надевая носки и, выпрямляясь, ударился башкой о стул. То ли подтверждение правоты, то ли награда за глупость...

— Страшно быть тотально несвободным от страха. По-моему, у тебя всего лишь обычное опасение. Это нормально, учитывая, сколько всего тебе уже пришлось отпустить. Лучше береги голову и думай поменьше. Вот, поверь, иногда полезно просто не думать! Сделать шаг с закрытыми глазами, оказаться там, где еще долго не появился бы. Ну, это как с серьезной миной рассуждать о планах на будущее, раскладывая все по шкафчикам и полочкам, чтобы потом махнуть рукой, сказав: «Плевать на все, уезжаю в южные страны и буду бомжевать на улицах, проходящих по высохшему руслу реки».

— Ну, будет у нас скоро такая южная страна. Давай прямо с сегодняшнего дня начнем медленно стирать из памяти то, что нужно было только здесь, в большом городе.

— Нет, Погода, ничего стирать не нужно. Все — наше, все то, чем мы жили еще вчера. Человечеству нужны архивы, чтобы, оценивая себя вчерашнего, измениться завтра. Лучше оставить все здесь. Как минимум для того, чтобы, возвращаясь сюда, было с чем сравнивать, что вспоминать.

— Хорошо. Договорились. Все сложное, то, что снаружи, мы преодолеем. Лишь бы нам друг с другом не было сложно.

— Погода, проще, как можно проще! Знаешь, каков смысл упрека «с тобой сложно»? «Ты не оправдал мои царственные ожидания в отношении тебя».

— Мне так часто повторяли эту фразу, что я стал задумываться, все ли со мной в порядке. Твоя интерпретация утешает.

— А ты вообще слишком много рефлекслируешь. Причем во вред себе. Давай договоримся, что в среду, уезжая отсюда, ты все проблемы оставишь за окном этой квартиры. Нам не нужен такой груз, который будет тянуть назад, в прошлое. Лучше давай присядем на камень, приставим ладони козырьком ко лбу и посмотрим вперед. Это намного приятнее.

16

Мы дома. Донесли чемоданы до веранды и сразу присели на них, не открывая дверей, ставней. Спешим вдохнуть здешний воздух. Задерживаем его в себе, не сразу решаясь на выдох. Наполняемся эликсиром настоящей жизни, не похожей на существование в большом городе. Конечно, неприятно называть года, проведенные там, существованием. Но здешнее ощущение свободы отчетливо дает это понять.

Находишь те ощущения, о которых вроде бы знал, но никогда не пробовал на вкус. И ты пробуешь, подбирая пальцами стекающий с губ малиновый сироп, радуешься, повторяя: «Знал, что вкусно, но не настолько же!» Иногда один новый вкус способен подарить чувство абсолютной гармонии вокруг. Вот тогда понимаешь, как мало нужно для счастья, — не всегда долгожданное и материальное. Чаще всего — самое простое.

В городе по-прежнему не слышно ветра. Сюда еще не добралась плаксивая осень, здесь сентябрь пока только удлинит рукава местным жителям. В воздухе неуверенная прохлада, запах моря с рисунком спокойного неба на поверхности, аромат диких яблок, от тяжести которых причудливо гнутся ветви. Белки облегчают их, обгрызая маленькие, чуть суховатые плоды. Яблоки падают на землю с глухим стуком, застилая ее зелено-желтым ковром, а совсем скоро повсюду воцарится запах фруктового компота. Тетя Эльза варила его из яблок, инжира и кизила. Процеживала, разливала в банки, закручивала на зиму. Мой любимый бледно-розовый напиток с крошечными инжирными зернышками.

Мы с Водопад ждали эту осень. Даже когда настенный календарь потерял десятый листик сентября, нам не

очень-то верилось в наступление этой поры, когда бесполезны сомнения. И сейчас, здесь, на веранде дома ее детства и нашей юности, мы улыбаемся, говоря: «Ты наконец пришла, осень». Томная красавица с оранжевыми косами, глазами на мокром месте, непостоянная, со сложным характером. Она — за прямоту, за ясность. У нее не такие уж великие запросы: уважение к роскоши сухой листвы в аллеях, печали удвоенного в лужах неба, побольше правды в оценках, словах, делах. Спокойная надежда и поддержка тех, кому тяжелее.

Все признания, удержанные в сердце весной, зимой или летом, разливаются бескрайним морем осенью. Величина душевных капиталов должна оглашаться исключительно осенью. В это время, говоря словами песни, льющейся из наушников, главное то, что «я еще чувю, я еще помню» и даже если «может быть — вместе, может быть — я». Осенью не всегда становится прекрасно, но точно легчает. Хорошо в каждом ее дне видеть поддержку. Прийти в парк, растерянным и грустным, прислониться к дереву, растечься мыслями по пустым тротуарам, и увидеть, как небо плачет за тебя. Или с тобой. Осень разделяет человеческое одиночество, требуя взамен самого малого — присутствия.

Дядя Иси приносит Фредика, тот от счастья носится по веранде, закидывает свои короткие лапки на наши ноги. Недовольно тявкает, мол, как вы могли, так надолго меня оставили! Нацеловавшись с Водопад, толстый пекинес подбегает ко мне, просится на руки, тоскливо засматриваясь в сторону сада: «Ну же, пошли гулять». Фредик обожает, когда, взяв его на руки, я гуляю с ним вокруг деревьев, кустарников. Ощущая себя великаном на такой высоте, он гордо оглядывает округу, принимает к скукожившимся плодам инжира, цветам шиповника, к сгусткам муравьиного клея на стволах персика. Когда-то нас с Фредиком сдружили именно эти прогулки, я подарил ему возможность летать, пусть и на чужих руках. А у собак, в отличие от людей, хорошая память на хорошее — и плохая на плохое.

Дядя Иси рассказывает, что тоскующий пекинес соглашался есть только на берегу моря. Под шум волн, напоминавших ему о жизни с хозяйкой. «Я брал корм, миску, и мы спускались к морю. Там есть старая перевернутая лодка “Жасмина”, помните? Присаживались на нее, смотрели с Фреди на горизонт. Он лаял, когда волны, собираясь веером, громко разбивались у берега. Я думаю, это он вас звал». Сосед, похожий на пожилого Хемингуэя, вещает о своей жизни в компании Фредика, а Водопад, тиская мордочку мохнатого толстопуза, плачет.

Когда-то мы вместе — я, она, тетя Эльза и дядя Гурам — шли гулять к морю. Я помню владельца «Жасмины», коренастого смуглого рыбака со шрамом на правом локте. Он назвал свое небольшое, но верное судно в честь погибшей дочери. Единственной дочери, неземной красоты, которую отняло у него море. Поговаривали, что рыбак каждый день без выходных ходил в море не за рыбой, а чтобы найти тело дочери. Он так и не нашел ее и умер в день, когда в этом красивом городке расцвели сады.

В доме совсем нет пыли и до сих пор пахнет корицей. За день до отъезда Водопад пекла шоколадный пирог с корицей.

— Я боюсь показаться сумасшедшей... Но, Погода, мне кажется, мама даже после смерти приглядывает за домом. Я отлучусь на неделю — вернусь и не нахожу ни одной пылинки на мебели, будто ее накануне тщательно вытерли. Вот точно помню, как, уезжая, оставила открытой хлебницу. В ней еще крошки круассанов оставались. Сейчас смотри: хлебница чистая, крышка закрыта. Может, у меня фантазия разыгралась?

— Не думай, фантазия это или нет. Ты чувствуешь ее присутствие здесь. Разве это не прекрасно? Не оставляет тебя одну, заботится о твоём покое. Уверен, она бесконечно счастлива от того, что теперь мы будем жить здесь. У нас есть Фредик, а еще — самое настоящее море. Над ним всегда ветер, перед одним которым мы можем снять шапки. Это на случай, если соскучимся по нему и по взъерошенным прическам.

Здесь не боишься упустить жизнь. Это попросту невозможно, потому что у самого ее ядра, вот она перед тобой — не простая и не сложная. Лишь избранные это понимают, а те, кто не понимает — придумывают свои теории. Было время, когда я даже не пытался ни в чем разобраться — мой мир умещался в ладони одной женщины, и этого было достаточно. Потом, потеряв этот мир, я попытался приобщиться к другому, общему. В котором существовали многие близкие мне люди. Не получилось. Воспоминания обступили меня со всех

сторон, изолировали меня от мира, как непроницаемый скафандр, и я уже не помещался в пространство, где вроде бы на каждого должно хватить места.

Так я и жил в коконе, в коридоре между потерянным своим миром и недостижимым миром общего пользования. Запутавшийся, отчаянный, без настоящего и будущего... Когда же скорлупа раскололась? Сейчас мы идем по берегу, я и Водопад, я оглядываюсь на шаги, которые остаются после нас на мокром песке, и осознаю, что у меня больше нет защитного слоя. Я вырос, стал сильным и самостоятельно твердо стою на ногах. Я один, целостен, больше не связан с кем-то другим, пусть и самым любимым человеком, потеряв которого, я могу заново все потерять. Это как будто — отказавшись жить в многоэтажной башне, построить свой дом, где один выход, один вход, и все просто.

Водопад собирает ракушки — чистые, побелевшие после ливня. Я наблюдаю на ней и ощущаю себя самым счастливым человеком, ведь в моем мире есть друг, партнер, который делит со мной кров, дарит мне уют, тепло. Стены дома, чем бы они ни отапливались, все равно остаются холодными — согревают пространство чувства. Электричество между двумя сердцами.

Она признается, что я стал ее маяком. «Благодаря тебе я обрела себя другую». А мне смешно. Эй, глупая, это же ты меня вернула к жизни, научила не оглядываться назад. Хотя... может, мы оба стали спасением друг для друга, привели друг друга в безопасную гавань?

«Погода, я вот живу с тобой здесь и не очень верю в реальность происходящего. Как должны выражаться принцессы — сказка ожила в моем унылом мире... Нет, правда, не смейся! Я ощущаю себя воздушной принцессой, несмотря на то что отъела себе роскошный зад, а ты — мой принц, пусть даже лысеющий под короной. У нас все... просто. Ну, наверное, у многих так бывает. Надеюсь. Но я-то не очень верила в возможность всего этого для себя: что когда-нибудь уеду из большого города, поселюсь здесь, в доме детства. А со мной будет тот, кого в глубине души я мечтала видеть рядом.

Сегодня я проснулась в поту. Мне приснилось, что ты это не ты, а тот, другой... Я на него в те времена не раз раскладывала карты, а они повторяли одно и то же: сама затеяла эту ерунду, сама разбирайся. Я думала, никогда его не забуду, так и буду жить с этой инвалидностью в сердце. А оказалось, он играл только эпизодическую роль. Теперь, рядом с тобой я не боюсь встретить его, наоборот: посмотреть бы ему в глаза твердым взглядом, отпустить восвоися... Спасибо тебе за вовремя брошенный спасательный круг!»

— Я стала верить в продолжительное ощущение счастья. Поняла это вчера утром, когда проснулась рано, на рассвете, вы с Фредиком еще спали, а я, накинув на плечи курточку клетчатой пижамы, вышла на веранду. Так щедро пахло осенью! И я подумала о тебе. Человек, которого люблю, рядом со мной. Я могу провести рукой по твоим волосам, поцеловать тебя в плечо, ждать с нетерпением твоего прихода, размышлять, что же приготовить тебе вкусенького. Вот это и есть счастье. Оно во мне постоянно — утром, днем, вечером. Оказывается, ощущение счастья внутри может присутствовать всегда, а его особенно яркие всплески проявляются в мгновениях.

— Мне тоже важно это ощущение внутри. Такое легкое спокойствие, когда живешь себе, живешь без счета дней, не думаешь о завтра или послезавтра, а потом однажды понимаешь, что прошел месяц твоей жизни. И ты ни о чем не жалеешь, не думал о тяжести понедельников, цифрах в календаре. Ты прожил его правильно. Твой центр архивации и восстановления пылится без работы, ты все чувствуешь сегодня, сейчас, а о вчерашнем дне напоминает только что-нибудь приятное — вроде недоеденного куска торта в холодильнике.

— А я раньше, прикасаясь к счастью, каждый раз спрашивала себя: надолго ли это? Думала о том, что буду делать, когда это закончится. Со всеми этими днями, вечерами, с руками, помнящими на ощупь черты его лица, беседами в скайпе с вечера до утра, планами сбежать за границу, хранимыми как святыня рубашками с родным запахом. Я слишком сильно боялась потерять все это. И потеряла. Страх приближает то, чего мы желаем избежать, но еще и отравляет жизнь сейчас. Надо жить без опасений. Без зависимости от того, что имеешь.

— Водопад, неужели нам нужно было прожить более тридцати лет, чтобы это понять?

— Жалко, конечно. Но есть сколько угодно людей, которые и больше прожили, накопили материального, а себя не нашли. Обычно мы осознаем только то, что кажется нам важным, — это неверно. Надо стараться осознать и то, что происходит на противоположной стороне улицы. Потому что машина, которую закрутило, не

выбирает, куда въехать — вправо или влево. Можно оказаться где угодно и остаться собой.

— Только бы наше с тобой осознание себя продолжалось. Иногда мне кажется, что я уже понял все, что должен был понять. И получил за это тебя — золотую награду, второй шанс. И вот эта осень — награда, я знаю. За то время, когда все времена года сливались для меня в один холодный пасмурный день. Осень на пороге, Водопад. Пусть она будет к нам обоим такой же доброй и щедрой, как минувшее лето, которое свело нас вместе под одним солнцем.

— Будет, Погода. Я чувствую, будет.

18

Добавляет в обжаренные овощи чайную ложку бальзамического уксуса, оставляет их томиться под закрытой крышкой, сама уходит в погреб за сушеными грибами. Я откладываю переписку с новым работодателем, иду по ее следам.

Начинаю с кухни. Вот томик Саган, оставленный раскрытым на краю стола, — Водопад читает его осенью, когда строки французенки мягче ложатся на грунт меланхолических непогод. В миске из зеленого стекла бланшированные помидоры — Водопад терпеть не может томатную шкуру, считает ее грубой и нахальной: «Как бы я не проваривала соус, кусочки кожуры обязательно поднимутся на поверхность и все испортят».

В высокой кружке чай из свежей мяты, мелко нарезанных яблок и двух-трех соцветий гвоздики — она заваривает его исключительно в дневное время суток, по ее словам, этот напиток избавляет от чужих голосов из прошлого. Тихо играет музыка, всматриваюсь в монитор — включен режим повтора одной песни. «Vibo No Aozoga», композиция из кинофильма «Вавилон». У раковины горка из спиралей кожуры зеленых яблок — каждый день перед обедом она нарезает их мне, очищая от твердой сердцевины.

Я полюбил зеленые яблоки после одного грузинского мультика, где заблудившийся в лесу мальчик, прячась от волков, превращался в зеленое яблоко, которое сливалось с травой и оставалось незамеченным. Водопад уговаривала меня покупать яблоки другого цвета:

— Я как-то в аэропорту познакомилась с одной русской девушкой. У нее было странное имя, как-то связанное со словом «мир», и красивые, но невероятно печальные глаза. Она рассказала мне историю своей любви. Покидая любимого мужчину, девушка заполнила его холодильник зелеными яблоками. Я спросила, почему именно яблоками? Она не ответила, но рассказала, что пожалела потом о своем поступке, попыталась вернуться к нему. А там ее уже никто не ждал... Любовь, бывает, не выдерживает даже недолгой разлуки. Слишком хрупкое чувство, для которого пренебрежение зачастую смертельно.

Я объяснил Водопад, что создавать приметы на основе чужих историй глупо, а окончательная разлука между двумя людьми никогда не случается, если не смирились оба. Когда чувства — настоящая любовь, а не долговременная страсть, к расставанию они могут прийти только вдвоем. Один может отказаться от другого, они могут разойтись на время на пике взаимных претензий, но потом снова сойтись. Если история не дописана. А разлука навсегда возможна, если двое одновременно осознали ее необходимость.

— Если та девушка ушла, значит, она не любила по-настоящему. Или ее не любили — поняв это, она ушла.

В ответ на такое объяснение Водопад надулась. Она считает, что я рассуждаю слишком упрощенно. Любовь в ее понимании — нечто мистическое, непостижимое: «В любви нет точного определения ничему, кроме факта самой любви. Она либо есть, либо нет. Все остальное — картинки с субъективным раскладом чувств и возможностью последствий. Тем более, если речь идет о чувствах женщины. Мы в любви, как бы ни кричали о гордости и феминизме, думаем о целом, а мужчины — о себе».

...Я прохожу по длинному коридору, в конце него — вход в погреб. Там тетя Эльза держала вино, заготовки, сухофрукты. Незадолго до ее смерти сосед, дядя Иси, построил в погребе небольшой шкафчик из дубового дерева, обил его материалом против сырости. Туда тетя Эльза собрала альбомы с семейными фотографиями. Сделала для них отдельное, укромное место, будто знала, что ей пора, боялась, что альбомы растеряются.

Водопад сидит на последней ступеньке лестницы в погреб. Рядом с ней мешочек с грибами, а на коленях альбом с фотографиями. Она смотрит на черно-белые снимки с людьми, большинства из которых уже нет

рядом. Кто-то ушел, кто-то умер. Услышав мои шаги, оборачивается, улыбается мне и возвращается взглядом к альбому.

Сажусь рядом с ней. Беру один из альбомов, в нем фотографии маленькой Водопад. «Ух ты, какая ты упитанная! Сразу видно, кто тебя кормил. В принципе с тетей Эльзой иначе никак: с ней даже самая закоренелая анорексичка за недельку-другую стала бы пампушкой». Водопад сдувает пыль с обложки очередного альбома. Белесые крупинки повисают на время в холодном воздухе подземелья.

— Да, мама меня кормила как целую армию. Хорошо, в средней школе мне хватило ума закрыть рот, а то сейчас бы в дверь не вошла. Я вот перебираю фотографии и думаю: как же хорошо, что есть воспоминания. Они, конечно, связаны с прошлым, на которое мы часто злимся. Но без него не было бы нас сегодняшних.

— Наверное. Каждый из нас коллекционер воспоминаний...

— Скорее, носитель, но никак не коллекционер. Коллекционировать что-то — значит лишать это жизни. Запираем в себе, держим, не выпускаем, руководствуясь эгоизмом, чтобы оно постоянно было в нас. И на этом мы не останавливаемся. Заполучаешь очередной «экземпляр» в копилку достижений, проходит тяга и азарт, которые были прежде, и уже стремишься к очередной, новой цели. Побольше в себя, побольше... А потом лопнешь, как мыльный пузырь, и окажешься пустым. Воспоминания — это не часть нас, лучше пусть они идут рядом с нами. У них свое право на странствие. Поверь, воспоминания знают, когда нужно отойти, на время исчезнуть. Жалуются на их постоянное присутствие те, кто сами же заперли их в себе.

— Но мы-то с тобой их выпустили на волю. Правда?

— Да, Погода. Пусть они будут свободны, как улетающие в небо воздушные шарики. А мы будем наблюдать их издалека.

Вечером перебираю письма от Водопад, полученные в начале этого года. Перечитываю. Некоторые из них передают суть сегодняшних дней. Наших с ней дней.

«Вот живешь себе вроде бы неплохо, дни не бедны, есть семь пар туфель хороших, денег немного, и еда в холодильнике часто вкусная, редко полезная. Бывает, грустишь вечерами про себя, но утро на то и мудро, что смахивает ночные крошки со стола. Вокруг есть люди, они улыбаются тебе при встрече. Вы вроде почти друзья, а на деле просто товарищи. Они спрашивают: «Ну, как у тебя дела?» А ты, скрывая нарыв из переживаний, отвечаешь: «Все отлично». Потом вы идете куда-нибудь посидеть, заказываете салат «Цезарь» или что-нибудь посерьезнее и говорите о том, о чем вообще говорить не хочется. О работе, заботах, а еще обязательно о том, у кого проблемы, как и с каких пор. Последнее — важно. Это же адреналин, это же оптимизм в чистом виде.

Ты слушаешь о том, как ваша общая подруга тяжело переносит развод с некогда любимым мужем, и думаешь, как хорошо, что у меня нет мужа, и развода соответственно. Ты рассказываешь о том, что у другой общей подруги обнаружили рак матки, она вроде жить будет, но бездетно, она уже одна, потому что «мужикам-козлам больные бабы не нужны». И ты думаешь, как хорошо у тебя — нет мужика-козла, и с маткой вроде не все так плохо, вон мама четверых родила и все еще женщина, наследственность!

Вы прощаетесь, ты спешишь домой, не зная почему, садишься в такси (сегодня можно себе позволить!), и водитель непременно попадаете до чертиков болтливый. Он рассказывает о тяжести своего креста, о том, что ночью работать, как по полю минному ходить, и вдруг где-то на второй серии болтовни таксиста ты понимаешь, что дома тебя никто не ждет. Хотя уже доехали: «Да, здесь заверните, еще раз направо, от арки налево, остановите у первого подъезда».

«Никто не ждет. Тебя никто там по-настоящему не ждет». Мысль капает в самый центр сознания, медленно пробивая дыру. Нет, дома, конечно, мама ждет, любимая мама. И брат. Он, конечно, засранец, но в душе добряк. Они, конечно, волнуются за тебя, хоть тебе и давно не двадцать. Они, конечно, отвоюют тебя у зимних непогод, но они никогда не восполнят твоих утраченных надежд и упущенных возможностей. Они ждут тебя, но ждут постольку, поскольку надо ждать. Ну, так полагается, понимаешь?! Семья есть семья.

А тебе хочется другого ожидания, человеческого. Не материнского и не братского. Чтобы войти в дом облитой дождем — и тебе тут же налили горячего чая в большую-пребольшую кружку. С лимоном. И сахара, да, три с половиной ложки. Чтобы сели напротив тебя и, не спрашивая «что стряслось-то?» или «почему такое кислое

лицо?»), сказали что-нибудь самое простое, но теплое: «Будем спагетти. Возражения не принимаются. Тебе со сливками или болоньезе?» Ты безвольно киваешь головой, потому что на большее сил нет, а внутри разливается счастье. Такое свое счастье, не похожее на счастье Эдуарда из бухгалтерии или Марии, подруги институтской поры.

Ты сама его создала, ты сама вложила в него необходимый смысл и извлекаешь из него то, что нужно только тебе. И каждый раз, прикасаясь к этому счастью, ты в сотый раз понимаешь, вот оно самое-пресамое главное в жизни. Тот самый смысл, который все ищут с азартом Шерлока Холмса. И то, что было «до» — эти игры в успешность, туфли в ползарплаты, сравнения в обертке чужих историй — все это фигня на фоне обычных спагетти, приготовленных любимыми руками».

19

— Может, это осень, может, наступающие критические дни, а может, страх потерять тебя... Погода, я не хочу, чтобы ты уезжал. Во всяком случае, сейчас. Меня мучает предчувствие, что ты там задержишься.

— Каких-то два дня. Завтра, точнее, уже сегодня утром уеду, послезавтра вечером вернусь. Вместе отпразднуем день рождения Фредика. А я привезу твой любимый миндальный торт и пару пучков тархуна. Он ведь нужен для начинки твоего кельтского пирога, да?

— Нужен. Шпината тоже возьми побольше, не забудь! Но только хватит переводить тему на пироги, Погода! Слушай, наплюй на эти бумажки — потом съездишь за ними, не горит же?

— Хочу сбросить с плеч все лишнее. Начинать жить заново надо без долгов и несдержанных обещаний. Чтобы в барабанах ума не крутились незаконченные дела, а прошлое не пожирало само себя — пусть лучше спокойно идет рядом, не вертится под ногами. Оказывается, я научился принимать то, что когда-то отзывалось болью.

— Это к тебе вернулись силы, чтобы принимать и отпускать, а не противостоять. Наверное, это и есть высшая степень зрелости, которая не зависит от возраста.

— Жаль, что умение отпускать достается столькими шишками.

— А иначе неправильно было бы! Осознание должно подкрепляться опытом. Самую весомую его часть человек приобретает в отношениях с другим человеком.

— Не скажи... По-моему, мы, мужчины, проще относимся к отношениям. Для нас это как... данность жизни. Мы не можем одни, вот и все. А женщины, в отличие от нас, масштабно смотрят на все происходящее, у них уже готова стратегия на годы вперед.

— Еще какая! Мы более требовательны к себе. Женщина, находясь долгое время с одним мужчиной, постоянно борется с сомнениями. Мама говорила, что каждая женщина в период совместной жизни с мужчиной не раз задается вопросом: «И зачем я, дура, вышла за него замуж?» Жить вдвоем нелегко, особенно когда улетучилось очарование первой влюбленности. Но если удастся преодолеть такие сложные периоды, то награда удивительной родственной близости все компенсирует.

— Водопад, после таких мудрых бесед с тобой, мне кажется, нам лучше перемотать все назад и снова стать друзьями...

— Не дожدهшься, пупсик! Мы состаримся вместе, умрем в один день в теплой постели... А если серьезно, нужно знать обратную сторону любой ситуации, но важнее всего ее неповторимость. Иметь рядом такого, пусть и не похожего на тебя, но родного человека — большое счастье. Оно дороже любых других радостей жизни. Все проблемы, почти все, решаемы, а что касается свободы... то любому человеку рано или поздно надоедает время «чегохочуделания». Жизнь ради потакания своим прихотям пуста.

— Поэтому я буду потакать еще и твоим прихотям! Я выбираю тебя.

— Милый, я люблю тебя. Не задерживайся там, хорошо?

— Эйнштейн запретил превосходить скорость света, но ради тебя я постараюсь.

Клюква скучает, ревнует, перебирает сушеную бруснику. Ей надоели мои телефонные звонки, она ждет моего приезда и времени, когда вокруг будет много теплого ветра, не менее теплых мыслей, а внутри только просоленное, как море, небо. Рядом с ней я снова становлюсь наивным мальчишкой, любителем игр и сказочных историй. С Клюквой не думаешь о том, что ежедневник пухнет от невыполненных дел на день и что после возвращения в мир новости безжалостно обстреляют тебя сообщениями на мобильный.

«Ваша с В. дача в полутора часах езды от моей. Я — мать двоих детей и ленивой собаки, понятно, что не могу вырваться. Но вы-то приезжайте! Или ты променял мои кукурузные лепешки на кельтский пирог? Наслышана,

что твоя В. прекрасно его готовит».

Она счастлива за меня. Раньше волновалась из-за моих поступков, решений. Теперь — спокойна. Рядом со мной женщина, в которой чувства уравновешены здравым смыслом. «Африка, цени шанс новой жизни! Там, под небесами, его дают не каждому. Цени, когда тебя обнимает любящий человек. Она всегда рядом, она готова выдумать любое оправдание трудностям и переводить на язык любви твои неуместные слова. Она будет рядом, если тебе будет плохо, ей не придется объяснять, что именно болит, где у тебя царапина или рана. Цени это. Даже не думай воспринимать это как должное».

Клюква на том конце телефонной бесконечности признается, что моя жизнь заново заставляет ее верить в небывалое:

— Либо я стала слишком отчаянной, либо слишком мало вокруг добрых историй. Я, когда узнала о вашем сближении с В., поняла, что уже отвыкла от возможности перерождения в объятиях любимого человека. Но теперь у меня есть надежда. Знаешь, если честно, я так устала быть одной, мне так хочется, чтобы меня остановил достойный мужчина, взял за руку и твердо сказал: «Я хочу, чтобы ты осталась». И чтобы я захотела остаться, чтобы я не смогла уйти. Чтобы отчетливо видеть перед глазами картину возможного счастья и воссоздавать ее. Чтобы даже мой иммунитет одиночества не сработал бы.

Молодец, Клюква! Выходит, я не только справился сам, еще и ей помог — поднять голову. Сажусь в машину, включаю зажигание и печку. Сегодня похолодало, тучи нависли над домами с угрюмыми минами. Небо вот-вот расплчется. Осень вырвалась из мягких рук бабьего лета и показала свой характер. Но меня это радует. Мне не хватало прохладного уюта, свежего воздуха и мокрой травы под ногами, оставляющей на туфлях темные следы. Я сказал Клюкве, что всегда хочу ее видеть рядом с собой, в любых условиях. «Я буквально туда и обратно. Вернусь, и мы на выходные приедем к тебе, сестричка. Заодно научишь ее готовить лепешки. И Хумейра с Фредиком познакомятся... Люблю тебя. Я поеду, пока дождь не разыгрался. Обнимаю».

20

Морозящий дождь усиливается, темно-серое небо все ниже и ниже, но мне еще лучше, чем вчера. Я надолго покидаю большой город и возвращаюсь туда, где живу второй жизнью. Там сейчас Водопад пьет горячий шоколад на веранде, засматривается на горизонт. Пытается разглядеть меня, приближает мое возвращение. «Не зря же я называю тебя Погодой — не только изза твоего характера. В тебе можно увидеть все времена года, от каждого понемножку».

Трасса С27 соединяет сумасшедше пульсирующий мегаполис с аккуратной, размеренной провинцией. Если ехать на восьмидесяти, то скучный кусок преодолеваешь за двадцать минут, а потом за окнами машины открывается совершенно другая картинка. Деревья изысканно оранжевые, общее отсутствие резкости, все мягко и сдержанно, не режет глаза, да еще и услаждает слух пением местных птиц с зелеными хохолками, название которых не знают даже энциклопедии. Но я люблю эти места не за природу, а за атмосферу. В ней тоска по прошлому выветривается, уносится в небо, застывая там причудливым узором облаков. А облака непрестанно меняются, и не о чем грустить. Они набухают белоснежными пышками, отодвигая дальше то, что раньше находилось в центре жизни. Чтобы в калейдоскопе сложилась новая картинка. Не такая, как прежде, а такая, как сегодня в глубине сердца.

У Фредика сегодня день рождения. Восемь лет. Я давлю на газ, чтобы провести вечер с ними. Водопад запекла утку, приготовила пудинг из говяжьей печени с грибами, я купил торт, шампанское и ящик собачьих консервов из лосося. Фредик от них без ума, лучшего подарка для нашего пса не придумаешь. Стоит только ему услышать треск открывающейся консервной банки, как он запрыгивает на стул, упирается лапками в стол и, замерев, не дыша, ждет с высунутым языком вожделенное лакомство.

Наконец-то разобрана стопка незавершенных дел прошлого. Рыжая сегодня утром закончила генеральную уборку в квартире, все готово к сдаче. Уволился с работы. Шеф с нескрываемым удовольствием подписал заявление. В последний месяц я так часто не появлялся в офисе, что меня все равно бы уволили в конце месяца. Так что я просто выиграл в скорости. Снял остаток денег со счета, на них будем жить первое время, пока я не

устроюсь на новую работу. В целом в городе без ветра расходы значительно меньше. Нам много и не нужно — достаточно пачки сигарет, имбирного чая, шоколадных сабле и друг друга.

Водопад на днях призналась — жалеет о том, что не перебралась сюда раньше. «Мама будто чувствовала приближение смерти. Чаще звонила, просила приехать по смешным поводам. То за домашним сыром, то за айвовым вареньем. Все беспокоилась, что я недоедаю. Настаивала, чтобы я выходные проводила у нее, потому что Фредик скучает, отказывается от еды. Мама старалась сблизить меня с этим домом. Сначала я брыкалась, протестовала, объясняла ей, как занята карьерой, будущим. А однажды проснулась с осознанием того, что устала быть героиней глупой комедии. Эдакой девушкой, с которой вечно что-то случается. Мне пришлось выбирать: бездушный ритм или содержательное спокойствие. Последнее мне важнее. Я замучилась противостоять, бороться, отвоевывать. Мне была нужна тишина. Ее и выбрала. Теперь представить себя не могу без этих мест». После этих слов я сам лучше понял, что чувствую здесь. Что оставляю, что приобретаю.

Я обхожу чрезмерно медлительный «Ауди», открываю окно, закуриваю. Дождь усилился. Он кажется угрюмым и настырным. Или за лето я отвык от осенних дождей, вот и все. Я думаю о том, что нас ждет впереди: сколько дней, светлых, ясных — их содержание не будет зависеть от погодных условий. Я думаю о том, как буду дарить Водопад ее любимые цветы, а она, как всегда, смущаясь, будет озабоченно спрашивать о пустяках. Я знаю все ее защитные реакции и их проявления, но мне важна только глубина. Водопад существует — и это возвращает меня обратно, пока что-то странное, неуловимое пытается затянуть в прошлое. Такие попытки-проверки будут постоянно — смирился. Важно каждый раз заново находить основы и держаться. Сегодняшний дождь тоже проверка на прочность: беспросветный дождь напоминает, как я сам в себя стрелял болезненными словами. Мне нужно быстрее проехать эту дорогу. Добраться до дома, где исчезнут все призраки.

Нажимаю на газ, перехожу на правую полосу. Дворники не успевают за небесным потоком. Видимость слабая. Надо сбавлять скорость, приближаюсь к мосту, после него пять-шесть минут, и я дома. Стрелка спидометра двигается вниз. Въезжаю на мост. Удар сзади. Громкий, резкий. Гул в ушах. Надо удержать руль. Машину закручивает. Из-за дождя ничего не вижу, все окрашивается в один сплошной черный цвет. Борись, слышишь, борись! Я отрываю себя от липкого черного, убегаю, закрыв лицо. Тщетно. Чернота настигает. Тишина.

— Знаешь, я боюсь тебя потерять. Вдруг наступит день, и Водопад останется без Погоды. Вдруг окажется, что я все придумала. Или это всего лишь сон. Первое, наверное, тяжелее. Но я хочу, чтобы ты помнил одно: я ни о чем не жалею и не буду жалеть. Мы есть друг у друга — это главное. Все остальное — приставка, окончание или... самообман. Люблю тебя.

ЧАСТЬ III Без тебя Человек живет и привязывается невидимыми нитями к людям, которые его окружают. Наступает разлука, нити натягиваются и рвутся, как струны скрипки, издавая унылые звуки. И каждый раз, когда нити обрываются у сердца, человек испытывает самую острую боль. Решад Нури Гюнтекин

Трудно оставаться одной... Трудно быть тем, кто остается. Одри Ниффенеггер

Без него Я больше ничему не ищу объяснений. Не держусь за любые виды времени. Моя жизнь теперь помещается внутри одной большой пустоты, с которой срослась в единое целое. Я даже редко не чувствую боли — вполне обычное состояние, повседневность. Но память никогда не оставляет в покое.

Пришло полное, абсолютное смирение. Отсутствие ожиданий. Довольствование тем, что осталось. Для меня нет жизни, какой она была прежде. Это все из другого измерения, другого пространства. Да какая разница откуда? Я же сказала, для меня закончилось время. Для меня больше нет попыток или преждевременных решений. Так легче. Так, скорее, надо.

Я ни на что не могу полагаться — бессмысленно искать спасение в ком-то или в чем-то, только я сама могу создать то, что спасет. Каждое чувство — кровавой сгусток. Кажется, меня вывернули наизнанку, и я привыкла жить в таком положении.

Рано ложусь спать. Вечерами слышу его голос, вижу его мелькающую тень. Несусь навстречу, там — пустота.

Лучше уж спать, чтобы этого не видеть, не слышать. Я не вижу снов — в этом огромное облегчение. Моя жизнь, моя настоящая жизнь, началась, когда в нее вошел мужчина, которого я звала Погода. Потом он ушел навсегда, но моя жизнь не закончилась. Она продолжается. Без него. Но с двумя его частичками — мое сердце и тот малыш, что у меня под сердцем.

Без него.

Я выхожу из клиники, быстро сажусь в машину, включаю печку, смотрю в тускло-серое небо. Льет дождь. Включаю дворники, пытаюсь представить тот день, когда он уехал туда без обратно. Наверное, он точно так же грел руки о теплое сиденье, заглядывал в небо сквозь мокрое лобовое стекло. Я убираю маленькую картонку с рекомендациями врача в сумку, завожу мотор. Фредик развалился на заднем сиденье. Когда идет дождь, он спит всю дорогу.

Врач говорит, что беременность протекает на удивление прекрасно, несмотря на мою анемию, перенесенный стресс. «Он спешит к вам — смотрите, как пинается, ворочается. Обычно детки во время УЗИ затихают. А этот шалун характер показывает». Она улыбается, я — плачу. Этот мальчик спешит спасти меня. От воспоминаний. От времени, навсегда оставшегося под желтыми листьями прошлой осени.

Я ушла бы за ним, если бы не наш малыш. И мой уход не был бы проявлением слабости или безволия. Это всего лишь желание быть рядом. Но теперь есть ребенок, маленькое продолжение нашей с ним веры. Моя маленькая Погода. Он должен охватить четыре времени года этого мира. Должен уметь любить так, как умел любить его отец. Наверное, большего не надо. Ведь умение любить и есть суть жизни.

Без него.

Через два месяца я стану мамой. Наш сын родится в начале весны, как родилась я сама. Возможно, мы будем похожи. Я не знаю, как его назову. Может быть, твоим именем? Но ты не захотел бы, чтобы твой ребенок повторил твою судьбу. Иногда, в дни непрекращающихся ливней, я сижу на веранде, завернувшись в твою дутовую куртку (она мне сильно велика, но так уютней!), и пытаюсь совладать со страхом жизни без тебя. Боюсь времени, в котором ты больше не окликнешь меня, чтобы я отозвалась. Но потом я, положив руку на живот, вспоминаю о мальчишке, идущем ко мне навстречу. Оттенки вокруг перестают казаться темными.

Когда-то врачи объявили, что у тебя не может быть детей. Мы с тобой старались не говорить об этом, хотя я знаю, как ты хотел малыша. «Я бы дал своему ребенку то, что не получил сам. Вкус настоящего детства, зависящий не от количества игрушек, а от выполненных обещаний. Это чувство защищенности. Ты растешь, зная, что у тебя есть семья. Настоящая семья, которая примет твои ошибки и тем самым научит их больше не совершать. Детей ведь не воспитать какими-то определенными правилами и запретами. Они воспитываются на том, что видят, слышат вокруг себя. Особенно перед сном. По себе знаю».

Ни один врач не может опровергнуть чуда. Оно произошло. Без тебя. Погода, я так скучаю по тебе! Держусь, пытаюсь быть сильной, но у меня почти не получается. А тот мизер, что удастся, это только благодаря нашему сыну. Клюква с детьми рядом со мной. Она не отпускает мою руку, повторяет одно и то же: «Ты будешь счастлива, слышишь, будешь!» Я отмалчиваюсь и жалею теперь, что мало признавалась тебе в том, как сильно люблю тебя. Просто боялась, что слова наскучат.

Я боялась, что по мере того, как произношу их, они теряют ценность. И каждый раз, когда прихожу на твою могилу или проезжаю мимо того моста, я повторяю слова, которые не успела сказать. Я люблю тебя, Погода! Всем тем, что осталось от меня. Часто ищу тебя в себе — и нахожу. Твои слова, мысли, прикосновения. Это греет, наполняет тем, что было прежде — особым светом. От настоящей, пусть и короткой, любви всегда исходит свет.

Без него.

Я прохожу тот путь, что прошел он. Будто там, наверху, настал мой черед проверки на прочность. У меня тоже отняли человека, которого я считала самым важным. Говорят, Бог отнимает у нас тех, кого мы любим слишком сильно. Благодарю за то, что у меня все-таки остался от этой любви самый драгоценный подарок. Я вспоминаю те слова, которые он говорил, начав жить заново. Они наполняют меня силой. Если он не отчаялся, значит, и я не должна отчаиваться.

Выращу нашего сына и однажды расскажу ему историю двух жизней его отца. Нашу историю. Знаю, что продолжение счастья в этом ребенке. И я буду оберегать его, обещаю. Только, прошу, будь во мне. Направляй меня, веди по тем дорогам, по которым ты пошел бы. Будь со мной. Не зря же когда-то давно, в одном красивом сне юности, мне тебя обещали.

Послесловие

Если я напишу «персонажи вымышлены, совпадения случайны» — вы поверите?
Эльчин Сафарли

До сих пор, когда собираюсь что-нибудь написать, я пользуюсь пониманием правды в ее устремлении лететь и моим собственным вымыслом как горючим для правды.

М.М. Пришвин

Когда меня спрашивали: «О чем ваша новая книга?», я с улыбкой на лице отвечал: «О возрождении». Улыбался, потому что эти слова казались чертовски пафосными. Но иначе не мог объяснить главную тему «Мне тебя обещали». Если требовали подробностей, добавлял: «Книга о попытке самого обычного человека начать жить заново». Рассказывать о содержании теперь излишне, вы уже все прочитали сами — цель у этого послесловия другая. Впервые после написания пяти книг мне захотелось в конце поделиться своими мыслями относительно рассказанной истории. «Мне тебя обещали» — мой любимый роман. Говорят, каждая книга, над которой работает литератор, для него любимая. Я не согласен. Есть книги увлекающие, захватывающие, но любимые — совсем не обязательно.

«Мне тебя обещали» — книга-человек. В жизни чувствам не присуща четкая последовательность: сегодня ты веришь в силу улыбки, а завтра запрещаешь в спальне с задвинутыми гардинами. Не из-за того, что разочаровался в улыбке. Тебе в этот момент просто не до нее. «Можно мне сегодня только тишины, абсолютной?»

Я не пишу, согласно академической структуре: завязка, развитие действия, кульминация, развязка. Но ведь и в жизни нет подобного порядка — конец может наступить в самом начале или действие начинает двигаться после развязки. То самое чеховское ружье может и не выстрелить «в пятом акте». Это не огорчает и не радует. Все так, как должно быть. Не зря главного героя зовут Погода — в его жизни, как и в жизни любого из нас, нет стабильности. Его несет, подхватывает, выбрасывает в новые обстоятельства, и снова, и снова он вынужден ориентироваться в них и искать важнейшие принципы, чтобы оставаться стоять на ногах.

При этом и настроения Погоды меняются от главы к главе. Все подчинено порывам, надвигающимся циклонам, внезапным магнитным бурям. Сплошные волны-синусоиды: герою то хорошо, то плохо, или очень плохо, или очень хорошо. Кто-то скажет, что в таком чередовании глав нет логики: где откроешь книгу, с того места и читаешь, и постоянно борешься с приступами дежавю. А для меня в этом самая простая, очевидная логика — логика жизни. Я ею увлечен, даже если у меня нет ей объяснения. Пишу так, как диктует сердце. Мне так же трудно рассказать, почему приходит тот или иной герой, как ответить на вопрос «что показывает калейдоскоп?». Они просто появляются и хотят рассказать свои истории.

До вчерашнего дня меня приятно беспокоило настроение, с каким я дописывал «Мне тебя обещали». Странно, я остался доволен итогом! Не тем, что написал. Тем, что удалось вложить в написанное. У меня такого еще не было. Как правило, идея ехидно срывалась с крючка на полуслове — я стремился донести до читателя одно видение, а оно ближе к концу книги самовольно трансформировалось в другое. Поначалу злился — пытался корректировать, переписывать, переделывать концовки. Но все получалось настолько искусственно, что держаться за изменения не стоило.

Вчера ночью я понял, что суть текста сильнее меня. Управлять ею невозможно. Не подчиняется заранее придуманной концепции. Она рождается вне меня, какое-то время со мной соприкасается, но, отделенная, тут же опять живет собственной жизнью. И я смирился. В этой книге мы, наконец, подружились: параллели слились в единое целое, последняя точка стала нашей общей точкой.

Может, это только мои ощущения, а читатель останется недоволен. Но я давно не истязал себя по этому поводу. Вспомнились хорошие слова из «Бархатного кролика» Маргарет Вильямс: «Обычно к тому времени, как ты становишься настоящим, большинство твоего меха от тебя отлюблено, глаза выпали, суставы болтаются и лапы держатся на соплях. Но такие вещи совсем не имеют значения, потому что, как только ты настоящий, ты не можешь быть уродливым».

Мой редактор, признавшись, что ей понравилась книга, но не понравился главный герой, спросила, готов ли я с ним отождествляться? «Он, конечно, любит красиво, искренне. Но слишком уж заиклен на своей персоне. Еще и регулярно делает космические выводы». Не желая заступаться за героя (а стоит ли?), оправдывать его недостатки, отвечаю правдиво: «Но это же я. Я не могу себя выбирать».

Редактор уважает меня за правду — и в книгах, и в жизни. «Независимо от того, думаешь ты, что можешь сделать что-то или что не можешь, — ты прав, Сафарли. Если уверен — то вперед и не отступай. Кто выбирает твою книгу, тот выбирает именно эту искренность».

Каким бы ни был радостным для меня итог этой работы, она протекала достаточно сложно. Первое лето без моря, плюс сорок по Цельсию, раскаленный ноутбук, сухой воздух кондиционера и непрекращающийся разговор в уме. Герои говорили все разом, приходилось порой даже прикрикивать на них, чтобы соблюдали очередь, дали возможность выслушать каждого. Именно такое вслушивание и попытки понять отнимают больше всего времени. Записать-то текст легко, дело каких-то двадцати минут.

Создание литературных историй подчиняет себе все прочие дела, и даже жизнь автора в целом. Страдаешь, переживаешь, но продолжаешь писать. Законченная книга — как благодарность самому себе. Приз за терпение. А неравнодушные читатели — лучший стимул для продолжения работы. Их оживляющие, меняющие реальность слова.

Погода

Это я. Скрываться и врать, что «это всего лишь образ», — смешно. Я вместил в эту историю определенный период своей жизни, когда время отняло меня у меня же. Не хотелось об этом говорить, я избегал любых вопросов. Надевал маску вальяжного хозяина жизни, публика верила — людям нравится все красивое, благополучное. С близкими я тоже не мог быть собой, хотя они и готовы были меня выслушать, помочь советом или просто обнять. Я нуждался в этом, честно скажу. Но отнекивался. Говорить об утрате — уже боль.

Лучше о ней написать. Пусть это будет не художественная история, а, предположим, дневник в Интернете. Но лучше, пожалуй, — старый добрый бумажный дневник. Давным-давно я начал фиксировать свои переживания, впечатления, озарения на обычных листах бумаги. Компьютер при всем удобстве не имеет такого терапевтического свойства — не помогает вложить в буквы тот настоящий, живой трепет, который возникает от теплой руки. Я начал писать о боли и сам не заметил, как вырос из нее. Понял это, перечитывая уже рукопись книги. Первые двадцать глав полны отчаяния, цинизма, после которых повествование светлеет, очищается. Тучи рассеиваются, открывается чистое небо.

Так получился у меня своего рода опыт над собственными чувствами. Вот начал только детально описывать их и со временем заметил, как из отсыревшего зерна пробился упругий бледный росток. И с каждым днем он наливался силой, темнеет, тянется вверх. Писать — это такой же труд, как труд садовода. Нужны знание законов природы, терпение, вера. И тогда приходит день, и ты находишь ответы на все свои вопросы. Потому что сама ткань повествования приподняла тебя над действительностью и показала то, что ты должен был понять, и никто тебе не мог объяснить. Так, как тебе необходимо.

Исписав немало листов и медленно отпуская случившееся, я вдруг понял, что пишу новую книгу. Хотя после последней книги — «...нет воспоминаний без тебя» — я обещал себе взять паузу. Перестал выходить на связь с издателями, сменил номер телефона, удалил в блоге все записи, сделанные в течение пяти лет. Хотелось тишины. Хотелось переварить случившееся — и вернуться другим. В таких условиях вдруг родилась история.

Но что значит другим? Условия моего материального мира не поменялись — пожалуй, и переживаний на мою долю выпадает столько же, и склонность к философствованию меня не оставила. Разве что желание пристально смотреть по сторонам усилилось. Увиденное помогало мне лучше понять себя самого, как будто я смотрел в зеркало. Я стал другим за время, которое связано с написанием этой книги. Более искренним, как бы нескромно это ни звучало. Теперь я спокойно пишу о том, о чем не каждому расскажешь. Может, это неразумно по-человечески, но для меня творчество синоним искренности. Не могу врать читателю.

Он и сам легко определяет, где ложь, где правда. Просто не всегда захочет сказать об этом. После «Я вернусь...» это моя вторая любимая книга. Я люблю те истории, где больше всего меня настоящего. Как и любого другого, фантазия может увлечь меня, унести в далекие страны, где я загадочный, мудрый парень, преодолевший на своем пути воду, огонь и медные трубы, я тоже иногда играю в вождя древнего племени, который бросает задумчивый взгляд на полную луну и роняет: «Когда-нибудь и вы это поймете...» Но быть самим собой гораздо приятнее и позволяет вести самый естественный разговор.

Мои друзья (а это буквально три-четыре человека) действительно называют меня Погода. За моими настроениями не успеешь, они, как погода в родном Баку, меняются чуть ли не каждые два часа. Погодой впервые назвала меня одна странствующая девушка, и с тех пор у меня стало на одно имя больше. Поместив эту личную деталь в книгу, я почувствовал, что и те, кто окружают Погоду, не должны иметь привычных для нас имен.

И герои вдруг стали сами выбирать себе имена: Клюква явилась мне сильной при всей внешней мягкости, и это имя прилипло к ней с самого начала. Она совсем не похожа на задумчивую и замкнутую Водопад, а материалист Фернандо — абсолютный антипод вестника другой реальности Бешира. Они все — совершенно разные характеры, но одинаково глубоко переживают свои радости и огорчения, как могут помогают один другому. Еще одна причина таких странных имен героев — надеялся, что так читателю будет легче увидеть себя в одном, или в каждом из них.

Я верю, что читатель — друг и соавтор писателя, участвующий в создании новой реальности, — художественной. От того, насколько близко он окажется к героям, отождествит себя с ними, будет зависеть, оправдает ли себя рассказанная история, раскроется ли она, как бутон. Мы перелистываем страницы книг в надежде встретить себя — вот он это и есть я, как же мы похожи, я точно так же чувствую! Вот прочту и что-то еще пойму о себе. Иногда спорим, но всегда нуждаемся в возможности взглянуть на себя со стороны. Если кто-то из читателей благодаря одному из персонажей этой книги лучше понял себя, я буду счастлив.

Погода возвращается к жизни благодаря более полному пониманию любви. Сначала он уходит из семьи, встает на ноги, встречает первую и, как кажется, единственную любовь. Он растворяется в ней, не в силах найти баланс между отдачей и потреблением. Вся жизнь, все счастье его концентрируется для него в любимой женщине. Поэтому, когда он теряет ее по воле судьбы, он оказывается в западне отчаяния, из которого выбирается далеко не сразу. Выбирается же тогда, когда обретает устойчивость. Благодаря трезвому взгляду на предназначение человека — быть инструментом любви.

Водопад. Она приходит на помощь герою, но приходит только после того, как он сам принял решение начать жить заново. Невозможно помочь человеку улыбнуться солнцу, пока он сам не осознает необходимость этого.

Потеряв беременную жену, Погода пропадает в потоке дней. Периодически он задерживается у барной стойки, где подают выпивку по щелчку пальцев, или в объятиях не менее отчаянных женщин, ищущих успокоение в фальшивых страстях. Но этот «день сурка» не может повторяться бесконечно без того, чтобы чему-то ни научить героя. Погода начинает понимать, что есть другая жизнь, надо к ней вернуться, пусть даже в ней больше нет женщины, вокруг которой все вертелось.

Тогда он начинает неловко, как дитя, цепляться за красоту окружающей реальности, за ее маленькие радости, чтобы заново открыть смысл жизни. А красота всегда присутствует вокруг, каким бы взглядом мы на нее ни смотрели — пьяным, одурманенным или опустошенным. И вот, наконец, у него получается! Вот тогда и появляется женщина. Она берет его за руку, ведет на веранду, откуда открывается новый вид на прежний мир. Звучит как сказка. Но именно так и происходит с теми, кто искренне ищет самого себя.

Я знаю, о чем читатель захочет меня спросить: зачем же он погиб? Я отвечу так: к этому привела логика истории. Это не было моей задумкой, я бы хотел спасти своего героя... Возможно, какую-то большую жизненную правду знала Вирджиния Вульф, когда сказала: «Обязательно должен кто-то умереть, чтобы окружающие начали ценить жизнь». Да и, собственно говоря, не это главное. Главное то, что Погода смог возродиться, в нем снова открылся источник любви, когда ее поток, казалось бы, иссяк. А любовь все-таки выше смерти, к которой все приходят. Кто-то раньше, кто-то позже.

Водопад

Думаю, в ней найдет себя каждая женщина. Хотя бы потому, что каждая вторая из них становится спасением для своего мужчины. Однако не каждому мужчине хватает сил понять, точнее, принять это. Мне не раз доводилось слышать мнение, что все до последнего мужчины — самовлюбленные дети. Тем более сложно нам оценить подвиг той женщины, которая держит нас за руку.

Водопад списана с девушки, которая всегда со мной. Если не физически, то на уровне души. Она вдохновляет меня, делясь своими мыслями. Она мой лучший критик, «детектор искренности». По ночам, завершив работу над очередным текстом, я посылаю его ей электронной почтой. Зная меня лучше всех, она отмечает удачные места или выделяет выражения, где я приврал, придал действию чрезмерную художественность.

Нет, Водопад не за выворачивание себя наизнанку — за смелость и прямоту. «Если ты начал писать искренне, то продолжай это делать. Не увиливай от правды». В этом стержень ее характера, и именно эту черту, я думаю, узнают в себе многие мои прекрасные читательницы.

Она и сейчас рядом со мной. В сердце. Мы порой ругаемся, расходимся в противоположные стороны, но я всегда слышу ее в себе. По какой-то странной телепатической связи. Я могу быть в другом городе, у другого пролива, в окружении людей, говорящих на другом языке, но все равно слышу ее тихий, вселяющий уверенность голос. И стук ее каблучков, и грудной смех, и даже слова, которыми она говорит с другими людьми у другого пролива. Неотъемлемая часть меня. Немалая часть моего счастья.

Я уверен: любовь, которую мы отпускаем, обязательно к нам возвращается. Приумноженной. Возвращается в другом обличьи — сначала приходят чужие люди, проверяют нас, после становясь родными. Вот и Водопад в начале книги — далекая. Смотрит на ситуацию снаружи, дает советы. Сближаясь с Погодой, она становится все больше похожей на ту, что он потерял в автокатастрофе. Это вызревает между ними, как плод, любовь, светлое начало всего. Другие слова, другие прикосновения — словно продолжение того, что было прежде. Из прошлого в настоящее, а оттуда... Дальше — не важно. Главное то, что сейчас. Однако Погода с Водопад не отрекаются от оставшегося позади — это свело бы на нет все усилия. Как научил нас классик, не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего.

Они стали друг для друга маяками, указывающими верный путь. Именно в тот период, когда это требовалось больше всего. Так ведь и бывает, что дружба мужчины и женщины выкристаллизовывается в спокойную зрелую любовь, высшую свою форму.

Вот еще очень сложный выбор в жизни — определить, какой мост пройти, а какой сжечь. Благодаря Водопад Погода не встает перед таким выбором — ему удалось сохранить все пути и одновременно выбрать тот единственный, на всю жизнь. Погода, по логике своего имени, должен принять все времена года, все времена своей жизни, не прячась ни от одного из них. Когда он делает это, то и Водопад раскрывает в его объятиях свою женскую сущность. В наилучшем смысле этих слов. Каждая женщина ищет свое отражение в глазах мужчины. И та, кто скажет, что нашла свое предназначение в работе, детях, психологии или в вязании — обманывает нас

или саму себя. Так уж устроил Творец, что женщина рождается и продолжается бесконечно — в объятиях мужчины.

Водопад подарила Погоде продолжение жизни. Так всегда поступает Женщина. Она возвращает веру мужчине, когда от нее, казалось бы, ничего не осталось. Она дарит продолжение жизни... Ребенок. Я хотел такой концовки. На первый взгляд она может показаться печальной, но это совсем не так. Ребенок — наилучшее продолжение для истории жизни Погоды. Ее новый этап, новое обличье.

Смерть Погоды — это проявление не жестокости жизни, а ее милосердия. Это перерождение. Смерть Погоды и рождение его сына — две стороны одной медали. Каждая из них может существовать по отдельности, но вместе они превращаются в предмет, имеющий ценность. Он приходит к нам другим, под другим именем, но в его венах течет та же кровь, та же любовь. И женщина, которая может оценить это чудо, с честью проходит великое испытание своей любви.

Образ Водопад дополнен характером не менее хороших девушек, окружающих меня (в Интернете в частности). Их качества обогатили характер героини. Я сделал это не для того, чтобы Водопад выглядела в книге еще прекрасней. Я просто верю, что женщины вокруг нас, самые обыкновенные земные женщины, заслуживают самых искренних уважения и заботы.

Спасибо за то, что вы есть. Рядом.

Свою первую книгу, «Сладкая соль Босфора», я написал на основе реальных событий. Просто взял и переложил на бумагу свою историю любви с девушкой, на которой мечтал жениться и с которой хотел иметь детей. Описал наши отношения вплоть до мелочей — даже о нашей собаке рассказал. Но как только вышла книга, как только она стала бестселлером и как только посыпались восторженные отзывы, все разрушилось. Мы расстались. Спустя полгода умерла наша собака, а в квартире, где мы жили, произошел пожар. Я совершил ошибку, выставив напоказ то, что должно принадлежать исключительно двоим. Или, быть может, мне следовало заплатить свою цену за успех? Не знаю.

С тех пор я имею дело с придуманными героями, ситуациями. Реальными остаются чувства. Они всегда были для меня важнее всего — сюжета, декораций, героев. За их честность ручаюсь.

«Мне тебя обещали» стала для меня апогеем этой честности. Не ради читательского интереса. Мне важна честность перед самим собой — и в этом смысле ничего не изменилось с первой книги. Мне кажется, только так возможно достигнуть мастерства в творчестве — говоря на языке своего опыта, а не манипулируя судьбами вымышленных героев.

Временами человеку остро необходимо опускаться на дно существования, чтобы осознать всю прелесть маленьких радостей. Касаясь крайностей, тоже можно обрести гармонию, научиться ценить покой, течение времени. Этот путь был мне интересен, и я сам его прошел. И заново открыл для себя жизнь.

Начал ценить то, что раньше не ценил. Видеть цвета, оттенки, которые не замечал. Наверное, это невозможно было сделать, не лишившись чего-то, — на месте того, что потеряно, остаются пустоты бездонных оврагов. И, пытаясь их заполнить, начинаешь сильнее ценить жизнь. Впервые вдруг понимаешь, что счастье — это когда тебе ничего не нужно в данный момент, кроме того, что уже есть. И благодаришь. Больше не одолевает постоянный зуд, чтобы все быстрее сбылось, чтобы быстрее получить желаемое. Оглядываясь в прошлое, узнаешь себя и в то же время кажешься себе незнакомцем.

Погода тоже пришел к этому. Отказался от обид, принял утраты прошлого и, найдя в себе силы, начал жить заново. «Мне тебя обещали» — одна небольшая история человека, научившегося жить тогда, когда воспоминания — единственное, что у него осталось.

Зачем мне нужна была эта книга? Раз уж я затеял этот откровенный разговор, то не буду пытаться облагородить свои мотивы. Наверное, мне важно было взглянуть на себя со стороны. Эта книга — история

поворота моей жизни, к которому пришел после череды потерь. Хочу верить, что кто-то еще сможет поменять многое в своей жизни, прочитав эту книгу. Хочу верить, что благодаря этой книге кто-то не заплатит большую цену, обойдет подводные камни, обретет опыт трансформации без личных потерь.

К сожалению, мы неважные ученики и обычно не учимся на чужих ошибках. Но такая возможность все равно существует — и пусть Судьба будет для нас милостивым учителем, снисходительным к нашим промахам, а мы будем чуткими и внимательными к ее знакам.

«Мне тебя обещали» началась так же странно, как и закончилась. Почти четыре жарких месяца работы сейчас видятся мне одним днем. Будто я сел на кухне с близким мне человеком и поделился с ним пережитым. «Он» слушал, была раскурена не одна пачка сигарет, выпита не одна кружка кофе. Вся история — как разговор одного вечера. Доверительный, искренний. Своего рода исповедь.

Вдруг, в разгаре беседы, ты ненароком замечаешь, что за окном уже ночь. Смотришь на часы: пошел пятый час разговора, ничего себе! Пора собираться, вызывать такси. Допиваешь кофе, встаешь с табуретки и понимаешь, что... все сказано. Все, что хотел сказать, сказал. Освободился от наболевшего, и появилось свободное место для нового.

Э.С. 2010 г.